М.А.ТКАЧЕВ

ЗАМКИ БЕЛАРУСИ

М. А. ТКАЧЕВ

ЗАМКИ БЕЛАРУСИ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 2002

УДК 728.8(476)(091)
ББК 85.113(4Беи)
Т 48

Ткачев М. А.

Т48 Замки Беларуси / М. А. Ткачев. — Мн.: Беларусь, 2002.—200 с.: ил.

ISBN 985-07-0418-7.

В этой книге, созданной на основе богатого фактического материала, рассказано о памятниках оборонного зодчества, которые расположены на территории Беларуси, об истории их возникновения, а также о важных исторических событиях, связанных с ними.

Первое издание вышло в свет в 1977 г. Настоящее издание дополнено интересными материалами по истории Кричева, Мозыря, Бобруйска, которые ранее не были опубликованы.

Для широкого круга читателей.

УДК 728.8(476)(091)
ББК 85.113(4Беи)

ISBN 985-07-0418-7

Оглавление

Вместо предисловия

Первое издание книги «Замкі Беларусі» известного белорусского историка-медиевиста М. А. Ткачева увидело свет в 1977 г. Книга вызвала огромный интерес общественности. Через год вышла новая книга этого автора «Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст.», которая быстро исчезла с прилавков магазинов.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. были изданы книги М. А. Ткачева, посвященные средневековой истории Беларуси, которые стали библиографической редкостью. Они созданы на основе богатого архивного и археологического материала, хорошо иллюстрированы и вызывают большой интерес у тех, кто хочет лучше узнать историю Беларуси.

В новое издание включены главы из книги «Замки Беларуси», которая вышла в 1987 г. Кроме того, сюда вошли интересные материалы по истории Кричева, Мозыря, Бобруйска, которые ранее не были опубликованы.

С тех пор, когда была написана книга, прошло много времени, историческая наука шагнула далеко вперед. Появились новые данные, которые вносят свои коррективы в положения, развитые автором. Вместе с тем читатель найдет в этой книге ответы на многие интересующие его вопросы о прошлом родной Беларуси.

А. А. Метельский,
кандидат исторических наук

I

БАШНИ ТИПА «ДОНЖОН» В БЕЛАРУСИ

Башни типа «донжон» в Беларуси

Истоки белорусского военного зодчества, как и архитектуры вообще, теряются в глубине столетий, когда на землях Беларуси появились первые искусственные оборонительные сооружения. Вначале это были простые деревянные ограды, а затем мощные стены и башни древних городов.

Первые каменные башни в Беларуси были возведены во второй половине XIII в. Причины этого следует искать в развитии военно-инженерного искусства восточных славян, необходимости замены тактики пассивной осады активным штурмом с помощью новой военной техники — камнеметных машин. Кроме того, это было связано с определенным влиянием традиций средневекового западноевропейского фортификационного искусства.

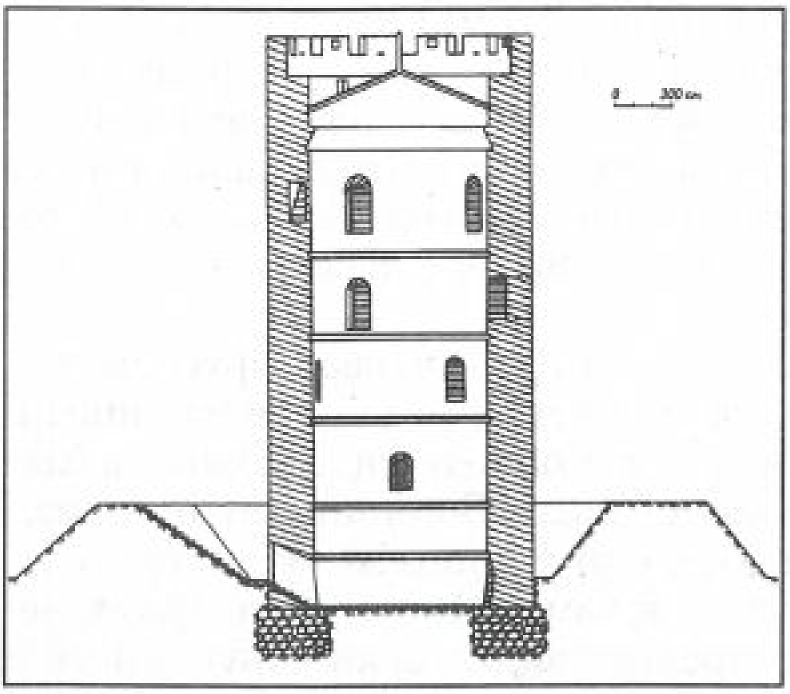
Новая тактика осады существенно изменила организацию обороны и строительство самих укреплений. Основой обороны городов и замков стала высокая многоярусная каменная или деревянная башня, возведение которой сочеталось с дальнейшим усовершенствованием естественных (природных) защитных рубежей. Башня была труднодоступной для техники, которая применялась при осаде укреплений в то время. Возвышаясь над поселением, она позволяла защитникам вести прицельную стрельбу по врагу из луков и самострелов.

В некоторых каменных башнях Беларуси были помещения, приспособленные для проживания защитников укреплений. В этом они в определенной степени схожи с жилыми башнями типа «донжон» или «бергфрид», которые были широко распространены в XII — XIII вв. в странах Скандинавии, Прибалтики, Центральной и Западной Европы.

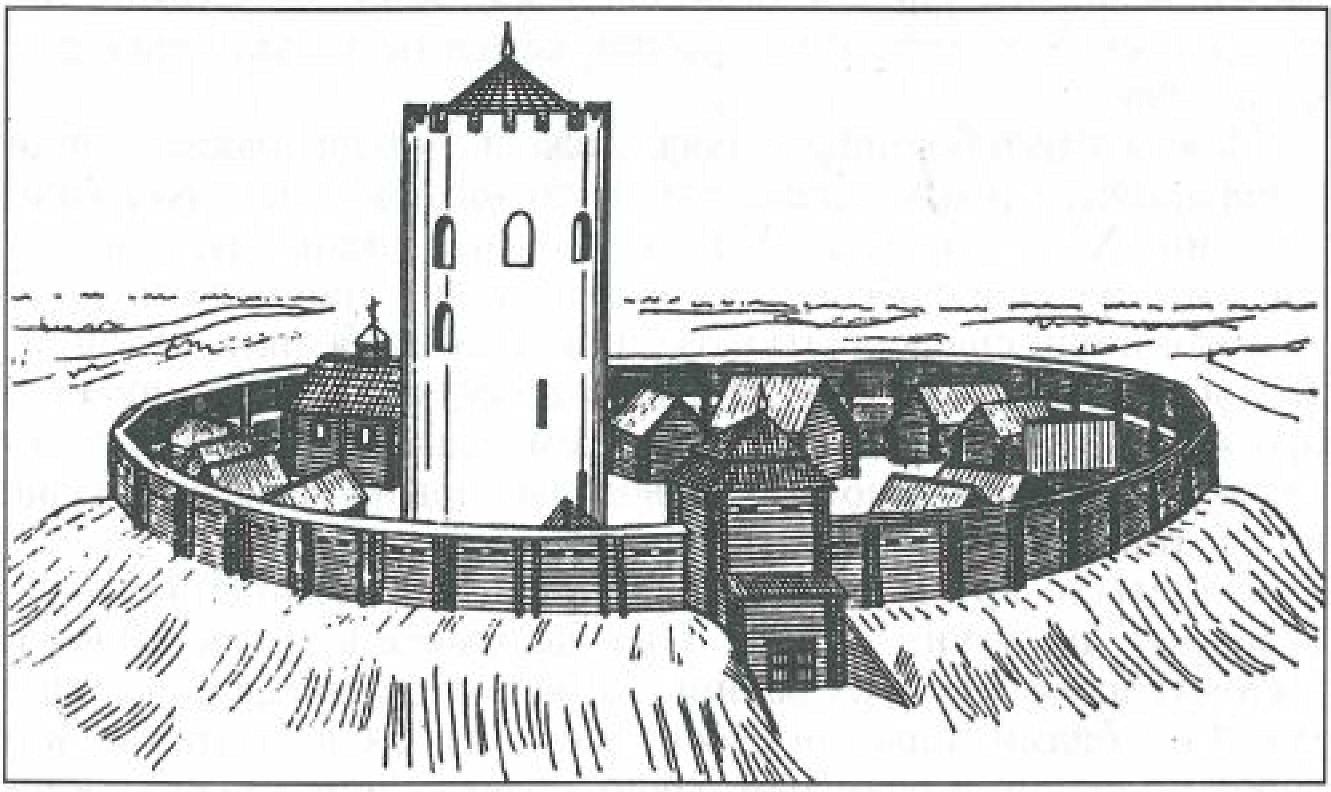
Каменецкая башня

Уникальным памятником оборонного зодчества второй половины XIII в. является каменная башня, которая сохранилась до нашего времени в г. п. Каменец Брестской области.

Каменецкая башня (каменецкий столп) стоит на высоком песчаном пригорке на левом берегу реки Лесной. История башни тесно связана с городом Каменец, который возник как погра-

Каменецкая башня в XII в.

Каменец. XIII в.
Реконструкция по материалам М. А. Ткачева.
Художник Е. Кулик

ничный опорный пункт. Здесь войска князя Владимира Васильковича не раз вступали в битву с отрядами литовского князя Тройдена. В 1276 г. после очередного примирения с Тройденом Владимир Василькович решил заложить град на реке Лесной. Для этого сюда был послан известный «градоруб» Алекса, срубивший немало «градов» еще при отце Владимира Васильковича. Через некоторое время при участии местных жителей в Каменце соорудили «столп камен высотою 17 саженей, подобен удивлению всем зрящим на нь».

Точная дата возведения этого памятника древней архитектуры неизвестна. Исходя из сведений, приведенных в Ипатьевской летописи, его «помуровали» между 1276 и 1288 г.

Толщина стен этого 30-метрового «столпа» достигает 2,5 м, внешний диаметр — 13,5 м. Башня возведена на мощном фундаменте из булыги, пересыпанной чистым мелким песком (вы-

сота фундамента составляет около 2,3 м, а его внешний диаметр — около 16 м). Она сложена из брусчатого кирпича темно-красного и желтоватого колеров с чрезвычайно хорошей перевязью швов. Величественная, монументальная башня вверху несколько более узкая, она не имеет ни вертикальных, ни горизонтальных членений. Ствол ее сложен с легким наклоном к вертикальной оси.

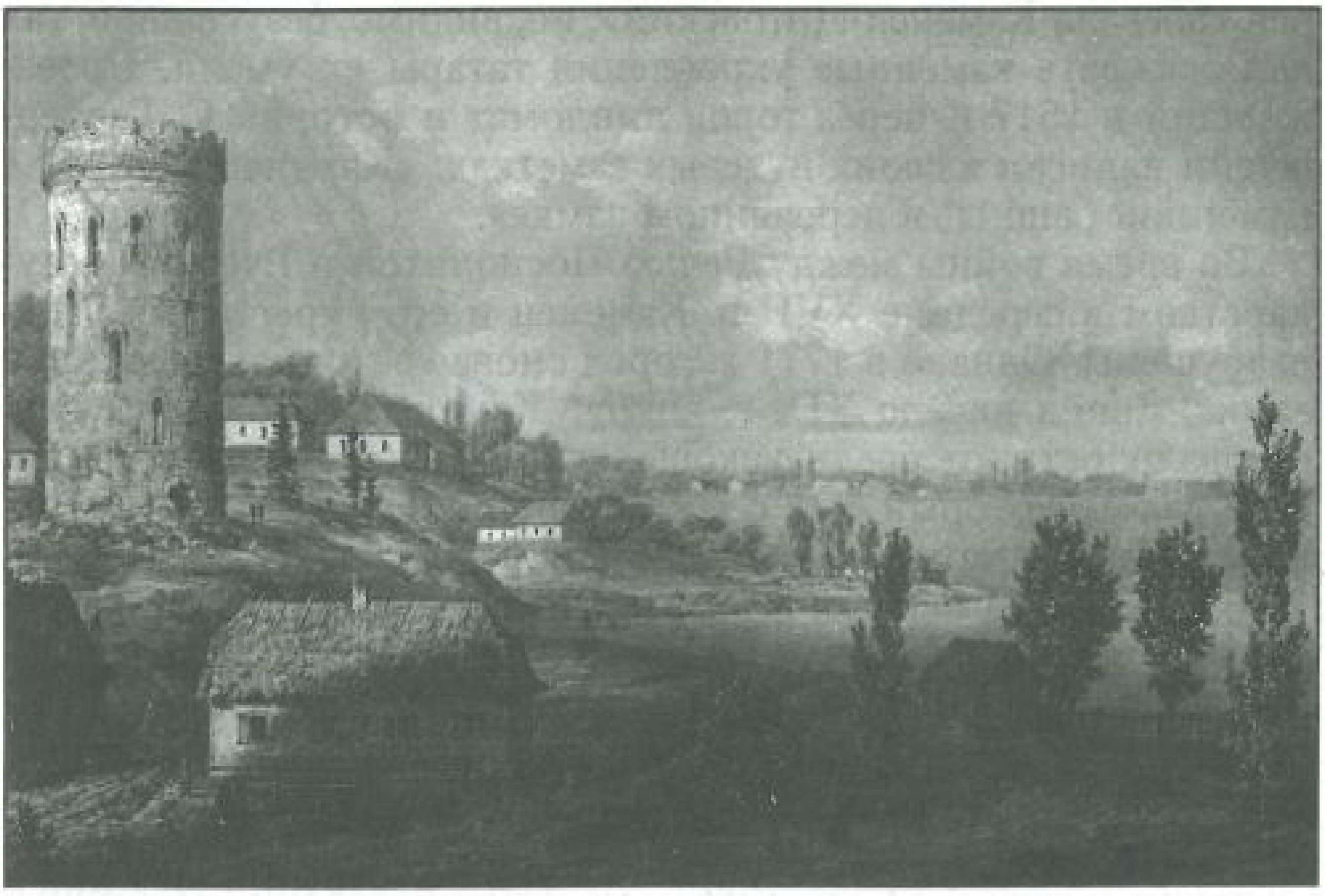
В стенах башни прорезаны бойницы. В первом ярусе их две, во втором и третьем — по три, а в четвертом — две бойницы и один большой стрельчатый проем. Когда-то он выходил на балкон, устроенный на консольных балках. Бойницы четырех нижних ярусов узкие, щелевидные, они расширяются внутрь и завершаются полуциркульными арками. Пятый ярус имеет четыре бойницы. Форма их стрельчатая, но арки скругленные и имеют незначительную стрелу подъема. Бойницы пятого яруса, в отличие от остальных, расширяются не только вовнутрь, но и вовне.

Между этими бойницами расположены четыре плоские ниши с полуциркульным завершением. Фотоснимки Каменецкой башни конца XIX — начала XX в., на которых видны эти ниши со следами древней побеленной штукатурки, свидетельствуют о том, что ниши сначала штукатурили, а потом белили. Это придавало строгому и величественному сооружению скромную неброскую красоту. Над пятым ярусом башни сохранились остатки кирпичного купольного свода, который существовал еще в середине XIX в.

С третьего яруса начинается кирпичная лестница, которую освещают два узких окошка. Она находится в толще стены и выходит на самый верх башни, на боевую площадку, прикрытую 14 зубцами. Каждый зубец имеет сквозное отверстие, которое по форме и размерам равно «тычку» или «ложку» кирпича. Отверстия скорее всего служили защитникам башни в качестве наблюдательных щелей во время интенсивного вражеского обстрела.

Каменецкая башня, как и большинство других военных сооружений того времени, имеет вытянутые вверх формы, лаконичные и простые, стрельчатые проемы и окна с трехлопастным завершением, нервюрные своды на «гирьках». Они тонко прорисовываются на могучем теле сооружения вместе с полуциркульными арками плоских ниш и бойниц, характерных для романской архитектуры.

Завершает башню зубчатая лента поребрика из четырех рядов кирпичей, положенных на угол. Она перекликается с орнаментальными мотивами народного искусства и подчеркивает особенности местных строительных традиций, истоки их своеобразия, с которых начался постепенный переход от романского стиля к готике.

Каменецкая башня. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

В 70-х гг. XIV в. Брестское Побужье, включая и Каменец, стало объектом нападений рыцарей-крестоносцев. Впервые они появились здесь в 1373 г. Результатом этого вторжения стало разорение всей Каменецкой земли. В июне 1375 г. рыцари, возглавляемые комтуром из Бальги Теодором фон Эльнером, осадили соседний замок Бельск, а затем после жестоких грабежей через труднопроходимую Беловежскую пущу вторглись на Каменетчину, которую также разорили. Теодор фон Эльнер возглавил третий поход на Побужье в начале августа 1379 г. Его многочисленное войско осадило замок Мельник, а затем опустошило Каменец. В источниках того времени ни разу не сказано об удачной осаде Каменецкого замка. Вероятно, конным рыцарям, которые с трудом пробирались сквозь непроходимые окрестные пущи, было не под силу взять без осадных орудий укрепления, подобные Каменцу.

В 1382 г. город был захвачен войсками польского князя Януша Мазовецкого. Лишь год князь удерживал Каменец в своих руках, а затем после семидневной осады им овладел литовский князь Ягайло. В 1390 г. Ягайло взял город «з великою трудностью» после энергичной осады.

Каменец, стоявший на перекрестке торговых путей, был важным стратегическим пунктом, укрепления его долгое время находились в постоянной готовности. Причиной тому были походы крестоносцев и близость к польскому порубежью, а позднее, в XVI в.,— угроза нападений крымских татар. Известно, что в 1500 г. 15-тысячная конница сыновей хана Менгли-Ги-

рея «воевала Каменец-Литовский», но, видимо, безуспешно, так как осаждать каменные укрепления татары не умели. Проезжавший в 1517 г. через город дипломат и историк С. Герберштейн написал в своих путевых заметках: «Каменец — город с каменной башней в деревянном замке».

Во время войны между Речью Посполитой и Русским государством в середине XVII в. Каменец и его укрепления были разрушены. Однако в 1771 г. город снова состоял из «места» и замка. Еще в начале XIX в. вокруг Каменецкой башни существовали остатки средневековых укреплений замка с земляным валом, который был с трех сторон окружен оборонительным рвом, а с четвертой — защищен рекой.

В 1903 г. над первым и вторым ярусами башни были разобраны своды, сооруженные между 1827 и 1889 гг. Тогда же около башни сняли трехметровый пласт культурного слоя и насыпали вокруг нее кольцеобразный вал, облицованный камнем. В этом валу для дренажа было сделано три скрытых канала.

Теперь Каменецкая башня стала филиалом Брестского областного краеведческого музея, местом проведения многочисленных туристических экскурсий.

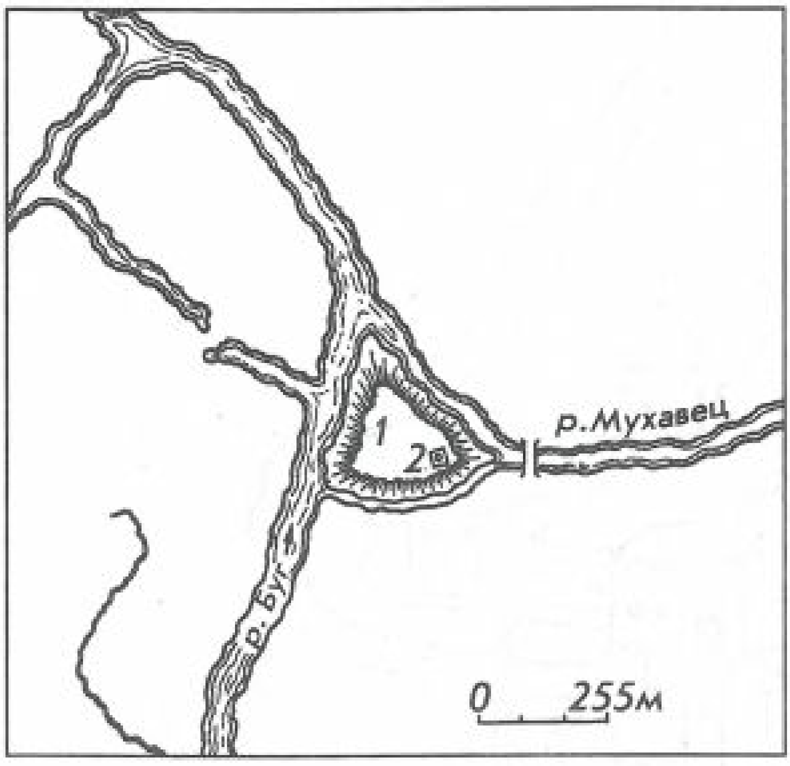
Что касается названия «белая вежа», которое прочно закрепилось за Каменецкой башней, то оно ошибочное. Это название возникло в XIX в. благодаря местным краеведам, которые полагали, что башню в древности белили. На самом деле впервые ее побелили в начале 50-х гг. XX в. В последнее время в башне проводятся реставрационные работы.

Другие башни типа «донжон»

Из разных источников известно, что оборонительные башни, аналогичные Каменецкой, были построены в Бресте, Турове, Полоцке, Гродно, Новогрудке и других городах.

Берестейский столп, согласно Ипатьевской летописи, был «высотою яко Каменецкий». Установлено, что Берестейская башня находилась на юго-восточном мысе древнего Брестского городища, которое располагалось на правом берегу реки Буг при слиянии с ним Мухавца. На всех планах города 1798, 1800, 1803 и 1830 гг. она обозначена графически. В начале 30-х гг. XIX в. во время перестройки замка и сооружения земляных бастионов Брестской крепости башню разобрали. Однако ее следы на планах позволяют предполагать, что башня была четырехугольная, размером 5,9 × 6,3 м, а толщина ее стен достигала 1,3 м.

Исходя из имеющихся данных, можно считать, что башня древнего Бреста больше похожа на такую же башню в Столпье, что на Волыни, чем на Каменецкую. Однако ее форма, вытяну-

Берестье. План 1800 г.:
1 — замчище; 2 — башня-донжон

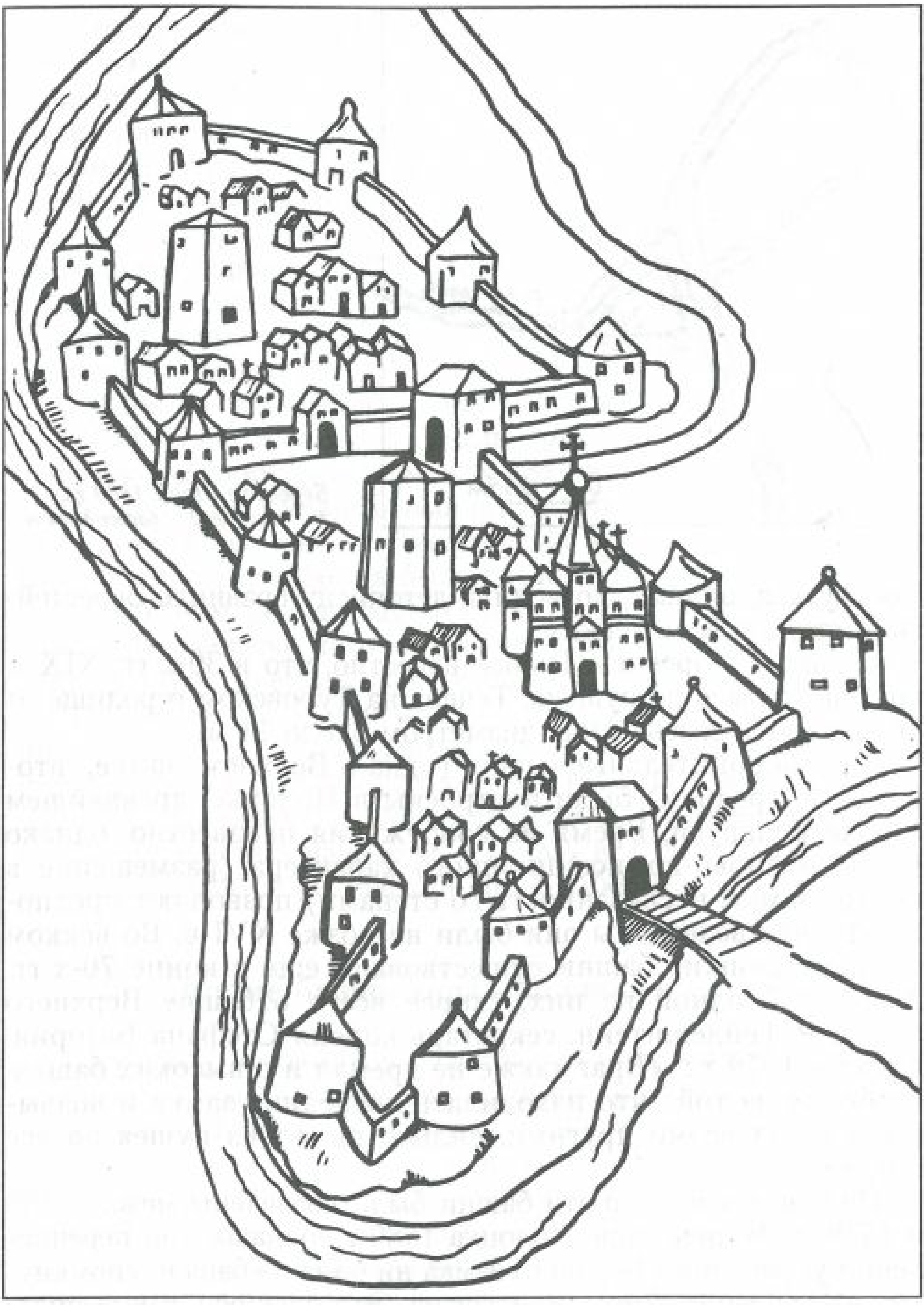
тая и узкая, видимо, позволила летописцу сравнить Берестейский столп с Каменецким.

О башне в древнем Турове известно, что в 30-х гг. XIX в. она также была разрушена. Теперь на Туровском городище от нее осталось возвышение диаметром около 11 м.

Две оборонительные башни (одна в Верхнем замке, вторая — в Среднем) были построены в Полоцке, древнейшем городе Беларуси. Время их сооружения неизвестно, однако черты планово-композиционного характера (размещение в центре замка, несвязанность со стенами) позволяют предполагать, что возведены они были не позже XVI в. Во всяком случае полоцкие башни существовали еще в конце 70-х гг. XVI в. Об одной из них, скорее всего о башне Верхнего замка, Р. Гейденштейн, секретарь короля Стефана Батория, писал в 1579 г.: «Враг также не дремал и с высоких башен, особенно из той , что находилась посредине замка и возвышалась над всеми другими, сильно палил из пушек во все стороны».

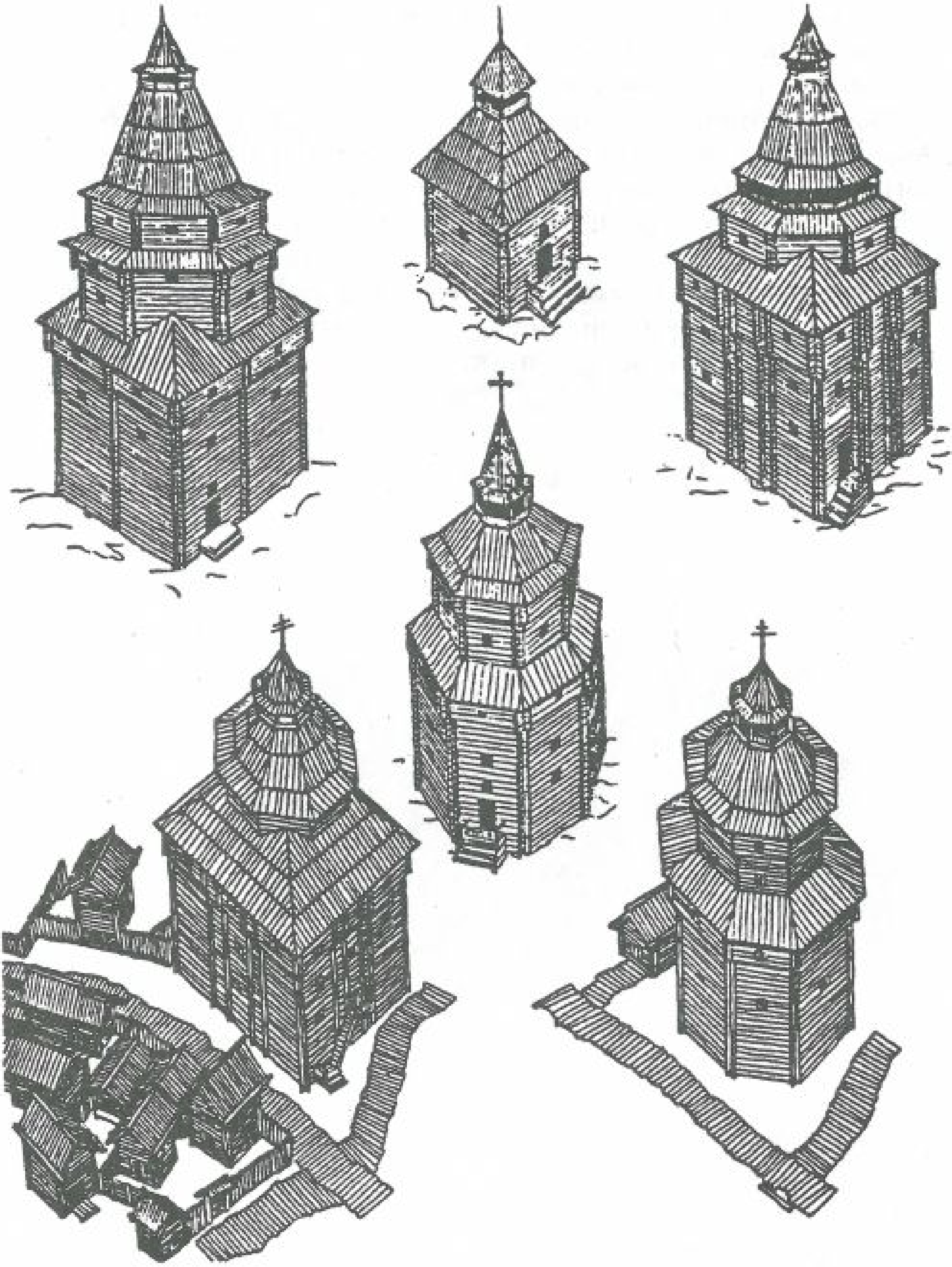
Не исключено, что эти башни были возведены между 1563 и 1579 гг. В инвентаре Полоцка 1580 г., однако, при перечислении укреплений Верхнего замка ни одна из башен, упомянутых Р. Гейденштейном, не названа. Это дает основание предполагать, что они были сооружены из дерева и, вероятно, сгорели во время осады в 1579 г.

Традиция строить одиночные башни посреди замкового двора была широко распространена в Беларуси в XVI и XVII вв. Это интересная перифраза местного военного зодчества более ранних времен. Такие башни, кстати, довольно часто возводили не только в замках больших королевских «вольных» городов, как, например, Полоцк, но и в небольших частновладельческих и королевских замках. В XVI—XVII вв. они порой со-

Полоцкие замки. Акварель С. Пахоловицкого «Осада Полоцка Стефаном Баторием в 1579 году»

четали в себе функции оборонного и хозяйственного сооружения. Как свидетельствует «Попис замку радошковичского» за 1549 г., на его дворе в окружении деревянных городней и четырех башен отдельно стояла еще одна. В ней было четыре яруса, она возвышалась над остальными замковыми сооружениями.

Церкви-донжоны, обнаруженные Л. В. Алексеевым в 1980-е гг. на мстиславльском детинце

В Шклове в 1661 г. кроме городских фортификационных сооружений существовали деревянные укрепления замка графов Сенявских. Посреди замкового двора здесь также стояла высокая, срубленная из бруса многоярусная башня, из которой во время осады вели обстрел на подступах к замку.

Остатки восьмигранной деревянной башни типа «донжон» были обнаружены в ходе археологических раскопок в Мстис-

лавле. Плановая композиция Горского городища и Пинского замчища также позволяет предполагать наличие здесь одиночных башен, находившихся около въезда. Каменная башня, очень близкая к Каменецкой, обнаружена в ходе раскопок в Мяделе. Она была воздвигнута в XV в. В диаметре башня достигала почти 13,7 м, толщина ее каменных стен равнялась 3 м.

Таким образом, начиная со второй половины XIII в. и вплоть до XVII в. на территории Беларуси находилось много замков с одиночными башнями типа «донжон». Их возникновение связано с влиянием западноевропейского военного зодчества, а также с развитием военно-инженерного искусства славянских народов.

II

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ ЗАМКИ И УКРЕПЛЕННЫЕ ГОРОДА XIII-XVII ВЕКОВ

Великокняжеские замки и укрепленные города XIII–XVII вв.

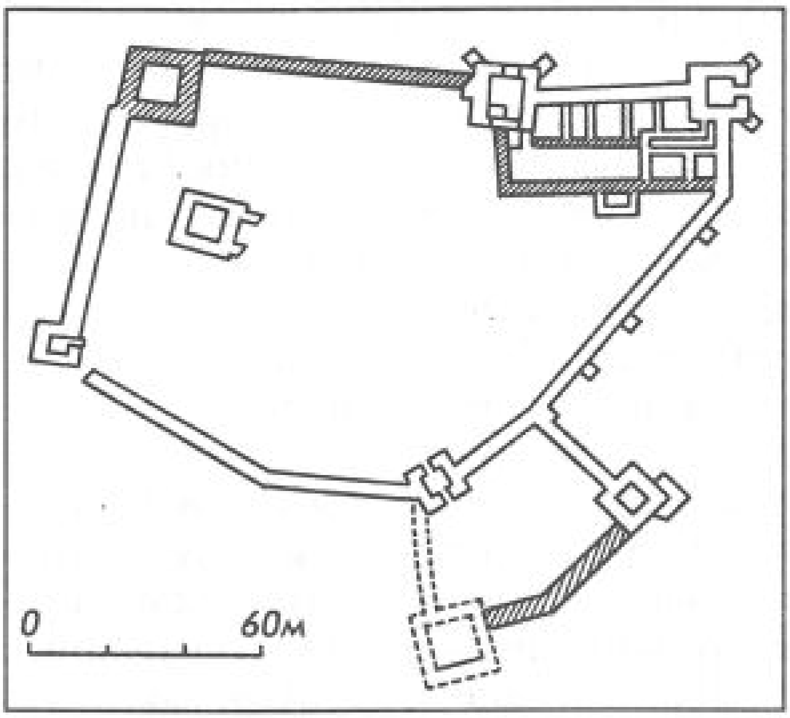
Для Восточной Европы, в том числе и для Беларуси, XIII в. был чрезвычайно сложным временем. Полчища татаро-монгольских завоевателей и немецких крестоносцев обрушились на древние земли Киевской Руси. Чтобы выстоять, необходимо было объединить все силы.

Перед угрозой татаро-монгольского вторжения и агрессии крестоносцев белорусские и украинские земли нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к Государству Литовскому. Объединение этих земель с литовскими положило начало образованию Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского — федеративного государства, в составе которого закончилось формирование белорусской и украинской народностей.

Более 100 лет жители Беларуси, Литвы и Украины, земель Северо-Западной Руси сообща противостояли крестоносцам. В этой борьбе большую роль сыграли многочисленные укрепления, которые встали на пути врага. Замки в Гродно, Новогрудке, Бресте, Лиде, Крево, Медниках, Вильно, Троках, Полоцке, Витебске имели общегосударственное значение. Возводились они в первую очередь местным населением, но, видимо, на такие грандиозные стройки великокняжеская власть посылала строителей из других земель. Недаром в ряде мест Беларуси и Западной Украины бытовали выражения типа: «Каб цябе закаталі ў Вільню горы капаць!», «Каб ты на Крэўскі замак каменне цягаў!».

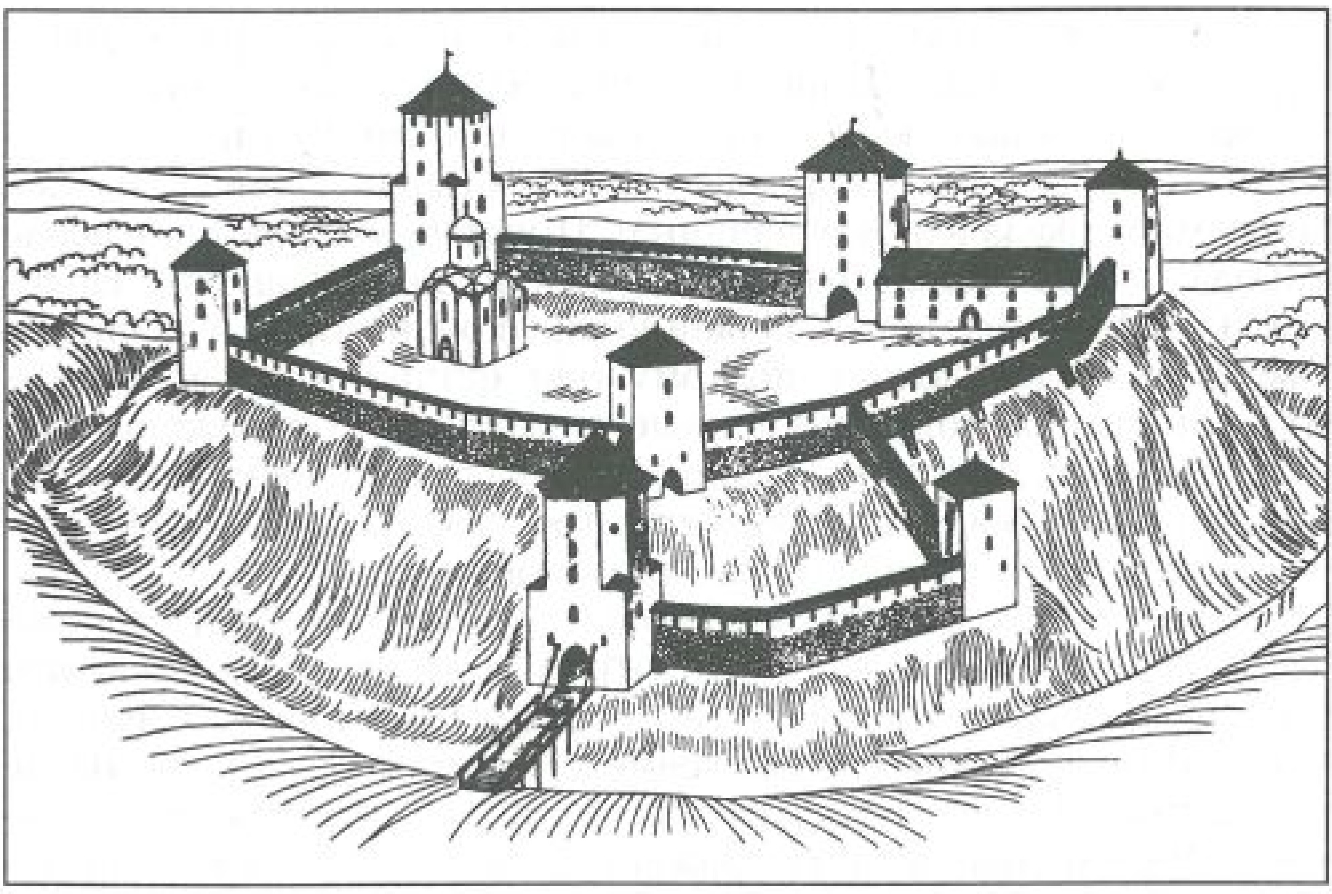
Новогрудский замок

Каменный замок в Новогрудке — уникальное сооружение оборонного зодчества. В него входят детинец (Замковая гора) с остатками каменного замка и окольный город (Малый замок). Установлено, что с начала XI в. и до середины XIII в. на валах древнего Новогрудка были деревянные стены разной конструкции, которые восстанавливались не менее пяти раз. Во второй половине XIII в. были сооружены мощные дубовые срубы (городни) с двойной передней стенкой. Тогда же была построена в замке первая каменная башня. Сегодня она находится в земле

План Новогрудского замка по Р. Гюртлеру: постройки XIII–XIV, XV – XVI вв.

Замок в Новогрудке. Реконструкция по материалам М. А. Ткачева. Художник Е. Кулик

на глубине 7,5 м, а на ней, как на надежном и крепком фундаменте, стоит кирпичная башня Щитовая (Щитовка).

Древняя башня существовала во второй половине XIII в. Она, очевидно, относилась к тому же типу башен, что и Каменецкий столп. Однако в отличие от Каменецкой Новогрудская башня была возведена из больших тесаных камней, сложенных на извести. Она имела четырехугольную, близкую к квадрату форму в плане 12 × 12 м и фундамент высотой 3,5 м. Камни, из которых сложен фундамент, были слабо обработаны. Однако просветы между ними тщательно заделаны раствором.

Цоколь высотой 30 см отделяет фундамент от стены (сохранилась кладка, высота которой достигает 4 м). Стена «по-

мурована» из камней средних размеров, хорошо обработанных и подогнанных друг к другу. Просветы между ними заполнены мелким колотым камнем, изредка кусками большемерного кирпича («пальчатки») и заделаны известью. Эта башня стояла с северной стороны замка, около входа, и замыкала кольцо земляного вала XIII в., несколько выступая вперед.

Для Новогрудка тех времен каменные постройки не были в новинку (в XII в. здесь уже стояла Борисоглебская церковь). Можно утверждать, что возводили башню местные мастера. Есть еще одно подтверждение этой гипотезы: башня сделана из полевого камня — материала, привычного для местных строителей. В конце XIII и начале XIV в. врагам ни разу не удалось овладеть древним укреплением. Так, в Ипатьевской летописи сообщалось о штурме Новогрудка в 1274 г. волынскими и татарскими войсками и было отмечено, что замок захватить не удалось.

В сентябре 1314 г. крестоносцы во главе с орденским магистром Генрихом фон Плоцке осадили замок и начали его штурмовать с помощью камнеметов. Рыцари жгли, грабили и разоряли окрестности, превращая их в пустыню. Первый натиск иноземцев оказался безуспешным. Пришлось им разбить возле города лагерь. Назавтра войско начало новый штурм Новогрудка. Подниматься к вершине Замковой горы в доспехах рыцарям было сложно, поэтому они оставили их в обозе и двинулись налегке. Осажденные мужественно отражали вражеские атаки, бросая на рыцарей громадные бревна («катки») и камни, поражали их копьями, стрелами из луков и арбалетов. Захватчики понесли значительные потери.

Наконец к осажденным подоспела помощь — под стенами Новогрудка появился конный отряд во главе с гродненским каштеляном Давыдом. Вероятно, отряд был немногочисленным, поскольку на открытое сражение с крестоносцами воины не решились. Но князь Давыд действовал «не числом, а умением». Имея большой опыт сражений, он захватил военный лагерь рыцарей, перебив 30 человек охраны. В руки гродненцев попали все военное снаряжение, провиант, 1500 боевых лошадей и весь обоз неприятеля. Вдобавок отряд князя Давыда забрал весь провиант на промежуточных бивуаках, оставленный крестоносцами на обратную дорогу. Рыцари сняли осаду Новогрудка и, бросив раненых, начали спешно отходить. Все их попытки добыть продовольствие для себя и корм для лошадей пресекались летучими отрядами гродненцев. В результате воинство магистра, жестоко страдая от голода, вынуждено было съесть последних лошадей, питаться травой и кореньями, многие умерли в дороге. Последние жалкие остатки рыцарского войска вернулись домой лишь через 6 недель.

Пройти еще раз дорогу к Новогрудку захватчики решились лишь в 1391 г. Но и тогда отряд крестоносцев во главе с маги-

стром ордена Конрадом Валленродом не добыл себе славы на крутых склонах новогрудской Замковой горы и был вынужден убраться восвояси. В 1394 г. войско магистра Конрада фон Юнингема и маршала Вернера Тетингера еще раз признало свое бессилие перед неприступным Новогрудком.

Думается, большую роль в обороне города сыграла и древняя каменная башня, на долю которой выпали тяжкие испытания. Ее верхние ярусы были сильно повреждены, и это заставило новогрудцев в конце XIV в. соорудить кирпичную башню. То, что ее назвали Щитовой, говорит само за себя. Это был надежный страж и щит средневекового города. Она выросла на остатках древней и также имела форму квадрата с несколько меньшими сторонами — 11,4 × 11,4 м. Новая башня была пятиэтажной, с перекрытиями на балках. В высоту она достигала 25 м. Вначале башня была покрыта гонтом, а потом, видимо, с XV в. — гонтовидной черепицей («даховкой»).

Сооружение напоминало четырехгранную призму, которая сужалась кверху. Толщина стен на уровне первого этажа достигала 2,75 м, а на уровне второго — 2,6 м. Внешняя и внутренняя стены были прорезаны бойницами с полуциркульными арками. Камеры бойниц расширялись внутрь. Ворота имели стрельчатые арки. Судя по всему, они закрывались изнутри дубовыми брусьями. В толще южной стены Щитовки наверх был сделан ход. Кирпичные ступени начинались в юго-западном углу башни и выводили на каждый ее этаж. Не исключено, что внутри башни, между этажами, существовали деревянные лестницы. На восточной стене на уровне четвертого этажа сохранились остатки небольшого эркера — выступа, где, вероятно, висел набатный колокол. С его помощью созывали население города в случае опасности.

В исторических документах башня известна под названиями «Щитовая», «Щитовка» и «Центральная». Сначала она была единственным каменным укреплением в кольце деревянных стен, которые окружали замок по всему периметру горы. Однако вскоре в Новогрудке начались большие строительные работы, связанные скорее всего с всеобщей подготовкой населения Беларуси, Литвы и Польши к решительному отпору и разгрому рыцарей Тевтонского ордена.

Замковые укрепления возводились в несколько этапов. Сначала на северо-востоке и востоке построили три каменные башни и соорудили между ними прясла стен. На участке между Щитовой башней и северо-западным углом оборонительного вала долгое время стояли деревянные укрепления.

Справа, на восток от Щитовки, над высоким крутым склоном горы встала высокая призмообразная Костельная башня, основание которой является квадратом со сторонами 9 × 9 м. На каждом из трех ярусов по четыре бойницы, формой и размерами похожие на бойницы Щитовки. Башня имела надеж-

ный фундамент глубиной 3 м, сложенный из больших грубо-тесанных камней.

На высоту 4 м Костельная башня сделана из камня, далее она облицована крупноразмерным кирпичом. Толщина ее стен внизу достигает 2,15 м. Прясло стены, которое соединяет Щитовую башню с Костельной, имеет длину 30 м и толщину 2 м.

От Костельной башни по восточному обрывистому краю горы шло 80-метровое прясло каменной стены. Из-за очень крутого склона стену подпирли контрфорсы («быки»), пристроенные позже. Конструктивно она соединялась с Малой проездной башней. Руины этой башни были открыты во время археологических работ 1924 – 1925 гг. В плане она имела форму прямоугольника со сторонами 8 × 10 м при толще стен 2 м. Вход в башню запирали двери на дубовых завесах, которые были утоплены в толщине стен в специальных отверстиях. Проемы ворот имели ширину 1,6 м и высоту около 3 м. В башню можно было войти с улицы по кирпичным ступеням.

Слева от Малой башни (если смотреть со стороны замкового двора) в прясле стены сохранилось отверстие от консольной балки. На таких балках раньше лежал помост боевой галереи, на которую с земли вела деревянная лестница. С помоста через небольшой проем шириной 94 см можно было попасть в середину башни, на второй этаж. Судя по размерам, Малая башня также была трехэтажной, с перекрытиями по балкам. О ее внешнем виде трудно что-либо сказать, но думается, что она была очень схожа с Костельной башней. В конце 20-х гг. XX в. после того, как руины башни полностью раскопали, были проведены предварительные консервационные работы и частично восстановлены стены.

От Малой башни идет на запад самое мощное по толщине (2,6 м) прясло стены длиной 70 м. Каменная стена упирается в Посадскую башню, которая первой принимала на себя удары завоевателей. Это учитывали зодчие Новогрудского замка. При толщине стен 2,6 м башня имела в основании квадрат размером 7,7 × 7,7 м. В нее вел проход шириной 1,5 м. Похожая на Малую башню, Посадская башня также была разрушена до основания, поэтому сказать что-либо о ее внешнем облике мы не можем. Известно, что слева в примыкавшем прясле стены была орудийная бойница, которая усиливала мощь башни. Ширина бойницы достигала 1 м, высота – 1,3 м.

Правое прясло стены, которое идет от Посадской башни к северному краю горы, смыкалось с деревянными укреплениями на северо-западном крае замкового вала. Укрепления существовали здесь, как свидетельствуют археологические данные, вплоть до конца XV в. Это объясняется прежде всего тактически выгодным местоположением данного участка обороны замка. С востока 50-метровый отрезок земляного вала, достигавшего в высоту 5 м, был защищен Щитовой башней. Она на-

дежно фланкировала его своим огнем. С севера участок был закрыт нижним валом, предзамковым рвом и склоном горы, которая здесь имеет наибольшую высоту — свыше 27 м, крутизну склона до 60⁰ и протяженность до 50 м. Если к этому добавить мощь стен, достигавших в высоту 3 м, то станет понятной причина такой приверженности традиционным деревянным укреплениям. Наконец, следует учитывать и экономический фактор. Каменное зодчество было все же дорогостоящим.

Возведением стен и башен закончился первый этап строительства Новогрудского замка. Отметим также, что в XIV в. на замковом дворе существовал каменный храм. Вначале он был бесстолпным одноапсидным сооружением, затем здесь появились четыре подкупольных столба крестообразной формы. Здание было увеличено в размерах, перестроено, ему придали вид однобашенного барочного строения. Видимо, это был храм Св. Михаила, известный по письменным источникам XVI–XVII вв. До 1775 г. в нем проходили сессии Трибунала — высшего апелляционного суда Великого княжества Литовского.

К северу от церкви в XIV в. стоял двухэтажный каменный дворец размером 8 × 8 м, который существовал вплоть до середины XVII в.

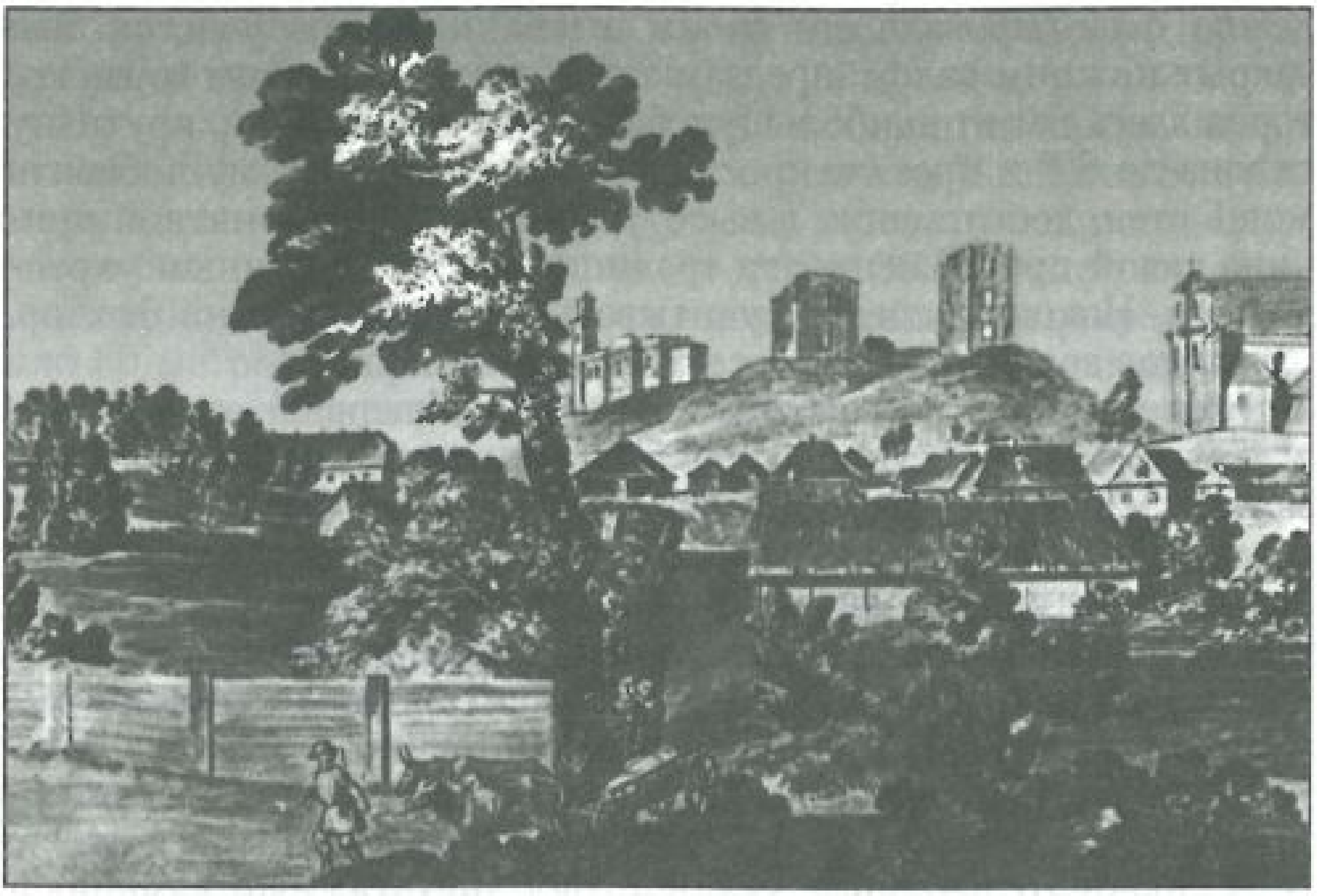
В истории архитектуры Беларуси эти два строения занимают важное место, так как подобные памятники того времени в других городах почти неизвестны.

Второй этап строительства укреплений Новогрудского замка, который длился до начала XV в., связан с постройкой Колодежной башни у подошвы каменной горы. Проблема водоснабжения всегда остро стояла перед строителями средневековых городов и замков. В качестве причины капитуляции осажденных городов в письменных источниках часто приводится отсутствие питьевой воды.

В Новогрудском замке, который стоял на высокой горе, колодца не было, однако на восточном склоне били родники. Над одним из них и поставили Колодежную башню. В плане она имела форму квадрата 8 × 8 м. От самого цоколя башня была облицована крупноразмерным брусковым кирпичом. Толщина кирпичных «щек» достигала 35 см. Забутовка стен была выполнена из камня и известкового раствора. Кладка «балтийская»: в ней чередуются два ложка и один тычок. Фундамент Колодежной башни (высота его около 2,5 м) сложен из камней на известковом растворе.

Вверх по склону горы от башни идет прясло каменной стены, которое соединяется с укреплениями замка. В двухметровой ее толще находился тайный выход к воде шириной 1 м. Этот ход перекрывался сводом. Второй строительный этап, видимо, завершился к 1410 г.

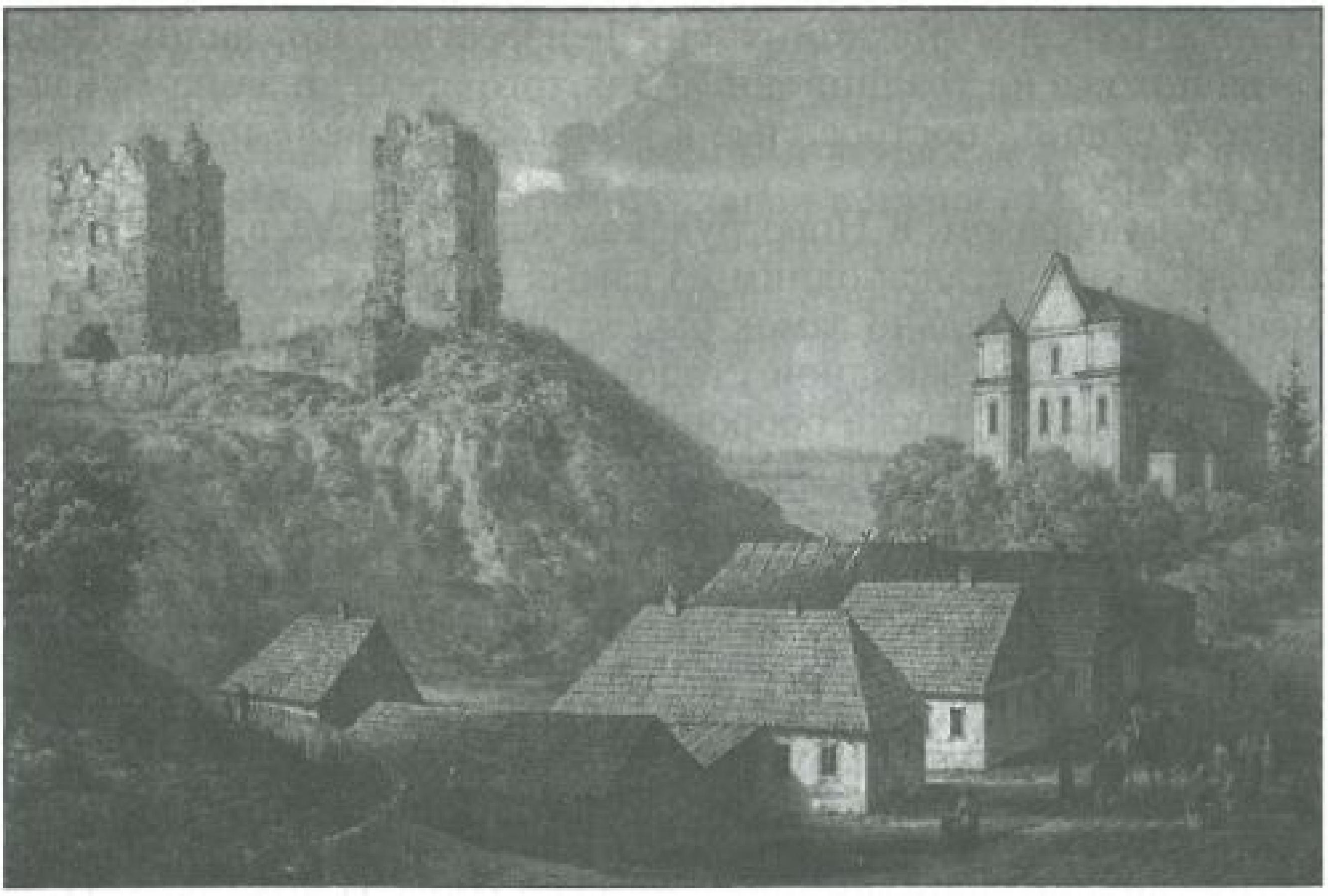
Следующий этап строительства укреплений Новогрудского замка приходится на конец XV — начало XVI в. В 1505 г. под

Новогрудок в конце XVIII в. Акварель И. Пешки

Новогрудком появился один из татарских загонов во главе с Бити-Гиреем. Вражеское войско рискнуло начать осаду каменного замка. Это говорит о том, что в его рядах были турецкие янычары, которые научились штурмовать подобные укрепления. Татары почти не имели огнестрельного оружия, у них были луки со стрелами, длинные арканы и сабли. Турки при взятии укреплений использовали штурмовые лестницы, применяли подкопы и приметы, стремились поджечь укрепления, отчаянно лезли на стены, несмотря на град стрел, камней и пушечный огонь. Все это было и при штурме Новогрудского замка, обороной которого руководили воевода В. Гаштольд и городничий Маскевич. Замок устоял, и перекопская рать вынуждена была убраться восвояси. Так же безуспешно закончились попытки перекопских татар овладеть Новогрудком и в 1506 г.

Сложная внешнеполитическая обстановка начала XVI в. обусловила новый этап строительства замков на землях Великого княжества Литовского. В северо-западной части Новогрудского замка была сооружена каменная башня Дозорная. Она имела в основании квадрат 14 × 14 м и мощный четырехметровый фундамент из камня и кирпича, сложенный в технике «полосатой» кладки. В нижней части сооружения были бойницы подошвенного боя, рассчитанные на стрельбу из пушек. Судя по значительным размерам основания, новая башня по высоте равнялась Центральной или даже превосходила ее.

Новогрудок. Рисунок Н. Орды середины XIX в.

Одновременно с Дозорной между нею и Центральной башней построили оборонительную стену двухметровой толщины. Таким образом, прясло длиной 51 м замкнуло кольцо каменных замковых укреплений, окончательно вытеснив деревянные защитные ограждения.

Качественное улучшение артиллерийских орудий в начале XVI в. и совершенствование тактики осады сделали недостаточно надежной Малую башню замка. Фланговый огонь с Колодежной башни уже не помог бы в случае прямого штурма ворот, которые оставались наиболее важным и ответственным участком обороны замка. В связи с этим в начале XVI в. было начато строительство еще одной башни у юго-восточного склона горы, призванной защищать подступы к замку со стороны «места», которое под стенами замка продолжало активно расти.

Появились улицы, заселенные ремесленниками (Рымарская, Ковальская, Дуботовская, Седлярская). Вокруг рыночной площади начали формироваться новые кварталы города. Меская воротная башня («брама Меская»), которая была сооружена у восточного подножия горы, соединившись пряслами стен с Колодежной и Малой башнями, превратилась в своеобразный центр нижнего пояса обороны —«форбург». Эти укрепления намного повысили оборонные качества Новогрудского замка. Чтобы попасть в него теперь, нужно было пройти через двое ворот, а дорога наверх находилась под прицельным огнем. Ис-

тинные размеры Меской башни неизвестны. Но, видимо, она была похожа на традиционные для того времени замковые воротные башни, построенные в Мире, Витебске и других городах Беларуси.

Таким образом, в Новогрудском замке в XVI в. было семь башен, и он считался одним из самых мощных для своего времени. Дополнительно замок был защищен укреплениями с северной и северо-западной сторон. Здесь находились большой земляной вал, а также оборонительный ров шириной до 30 м и глубиной до 4 м. На валу стояли деревянные оборонительные сооружения, которые становились серьезной дополнительной преградой на пути противника.

В целом, если исключить осаду Новогрудка русскими воеводами в ноябре 1535 г., закончившуюся неудачей, первая половина XVI в. для города прошла спокойно. Это, правда, отрицательно повлияло на состояние замка, за которым королевская власть перестала следить. В преддверии Ливонской войны шляхта повета обратилась к королю с просьбой срочно отремонтировать разрушающиеся укрепления Новогрудка. Но с ремонтом, похоже, не спешили. Находившийся в глубине Беларуси, вдали от тревожного восточного порубежья, Новогрудский замок постепенно утратил свое стратегическое значение со всеми неизбежными в таких случаях последствиями: стал разрушаться, отставать в вооружении. По сведениям 1551 г., здесь находились лишь пушки малого калибра: полуфунтовая серпантина, однофунтовый средний и большой двухфунтовый фальконеты. Имелись гаковницы.

Во время войны Речи Посполитой с Русским царством 1654–1667 гг. русские войска дважды брали Новогрудок. В начале сентября 1655 г. его заняли казаки И. Золотаренко. При этом замок и город сильно пострадали во время осады. Частично восстановленный, замок был снова взят в 1660 г. войсками князя А. И. Хованского. На этот раз без боя: наемный гарнизон, своевременно не получивший от короля плату за службу, сдал его.

В ходе войны особенно пострадали замковые укрепления с западной и южной сторон. Меская и Колодежная башни, а также Малая башня и прясла стен между ними были сильно разрушены, местами вплоть до фундаментов. Несколько лучше сохранились Щитовая, Костельная и Дозорная башни. В Щитовой даже остались документы местного городского архива. Однако в целом Новогрудский замок приходил в упадок, катастрофически теряя свое стратегическое значение. Не изменило ситуацию и решение сейма Речи Посполитой в 1661 г. освободить город на 4 года от всех налогов.

В результате военных действий были окончательно уничтожены укрепления Новогрудского замка. В 1706 г. проходившие через город шведы взорвали их остатки.

Говоря об укреплениях средневекового Новогрудка, следует отметить, что вторым поясом обороны города была фортификация Малого замка. На западном крае его площадки, там, где сейчас возвышается старый каменный ветряк, когда-то стояла могучая боевая башня. Прямоугольная в плане (12,3 × 10,9 м), она была построена в конце XIII — первой половине XIV в. из полевого камня и кирпича. Толщина стен достигала 2,6 м.

Возведенная над древним въездом в Малый замок, башня грозно возвышалась над крутым склоном горы. Окруженная земляным валом с деревянными стенами-городнями наверху, она вместе с городом изведала все лихолетья, обрушившиеся на Новогрудок. Башню несколько раз перестраивали. На рубеже XV и XVI вв. ее разобрали, ко всем четырем стенам фундамента сделали прикладки толщиной 1 м и построили новую восьмигранную башню из кирпича. Башня простояла до середины XVII в., ее снова разобрали, а строительный материал использовали для сооружения ветряной мельницы.

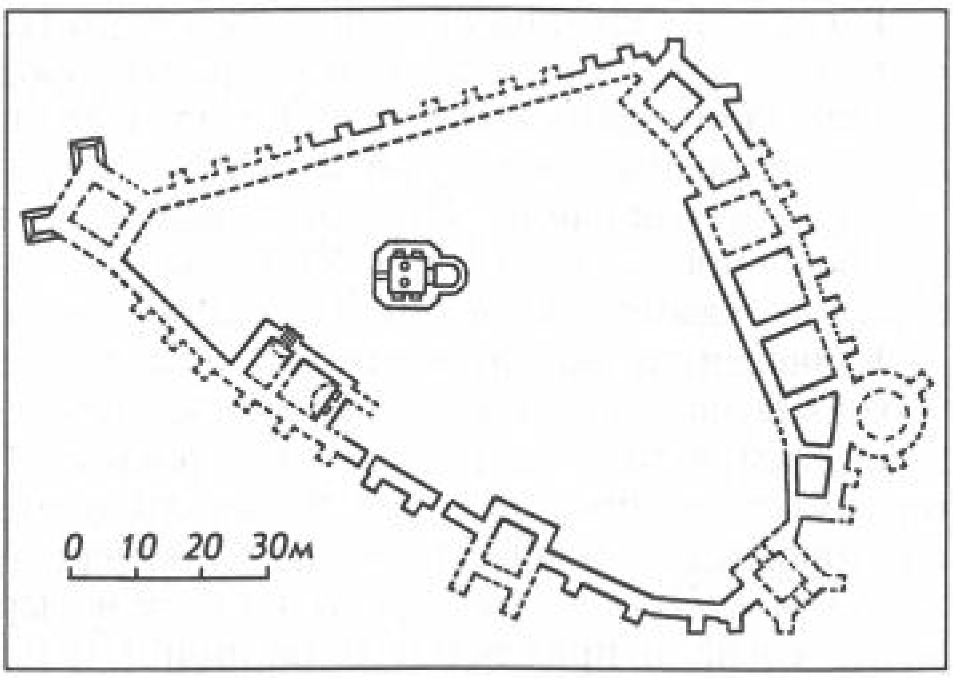
Новогрудский замок постепенно разрушался. Лишь в 1921 г. он был взят под охрану, а в 1922—1930 гг. провели частичную консервацию руин башен. Причем стены рухнувшей Костельной башни сложили заново. С 1956 г. Новогрудок и его замок стали объектом внимания археологов, открывших немало новых страниц удивительной истории этого древнего города.

Гродненские укрепления

Над стремниной могучего Немана, в месте впадения в него речушки Городничанки (Городни), в X в. славяне основали поселение, которое назвали Городень. Уже в XII в. оно имело мощные деревоземляные укрепления, а на отдельных участках на северной и восточной сторонах — каменные. В сочетании с 30-метровой кручей горы и водами Немана древний Городень был почти неприступным.

В XIII в. в Городенском замке была возведена мощная каменная башня, очень похожая на Каменецкий столп. Впервые она упоминается в письменных источниках в 1277 г. при описании похода галицко-волынских князей на Гродно. Летописец сообщает, что высокий каменный «столп» стоял перед воротами в замок. К сожалению, в XVI в. во время очередной перестройки замка Городенский столп разобрали.

Свою линию укреплений в XIII в. имел, вероятно, и торгово-ремесленный посад («окольный город») Гродно. Он находился к востоку от замка, за оврагом, и превосходил по площади детинец. Его укрепления не сохранились, однако на старых планах виден ров, отделяющий окольный город от остальной территории. В письменных источниках XIV в. «окольный город» упоминается под названием «Нижний замок».

План Гродненского замка XIV в.

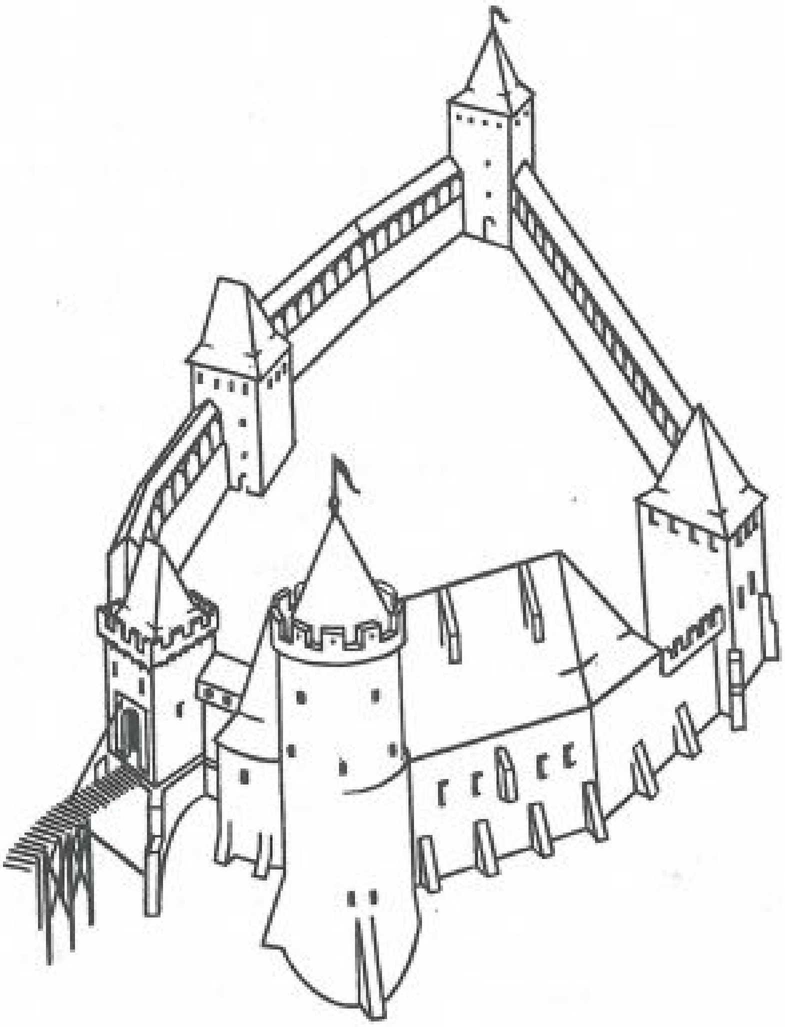
В XIII–XIV вв. гродненские замки считались ключом к землям Белорусско-Литовского Понеманья. Овладеть ими постоянно стремились крестоносцы. Этот ключ не только запирал рыцарям водную и сухопутную дороги в глубь густонаселенной территории, но и оберегал богатый красивый город, который был значительным торгово-ремесленным, религиозным и культурным центром громадного региона на западных рубежах восточного славянства.

Первое столкновение с крестоносцами стало для Гродно трагическим и во многом поучительным. Войско магистра тевтонцев Конрада Тирнберга в 1284 г. осадило город. Его защитники успешно отбивали все штурмы противника. Однако измена двух горожан, которые ранее жили в Пруссии и нашли приют в Гродно, способствовала тому, что город был взят и подвергся разрушению.

Зимой 1296 г. возрожденный из пепла Гродненский замок был осажден тевтонцами во главе с комендантом г. Бальги Зигфридом Райбергом. Замок устоял, но жилые кварталы и окрестности города враг предал огню. Было уничтожено много жителей, 200 человек попали в плен, а Райберг, видимо, погиб под стенами замка.

Через несколько месяцев последовал новый поход крестоносцев на Гродно, который возглавил комендант г. Бальги Зуцверт. Рыцари атаковали замок, но встретили такое сильное сопротивление, что вынуждены были убраться восвояси. Не смогли захватить Гродненский замок и крестоносцы в 1305, 1306 и 1311 гг., хотя численность вражеских отрядов порой достигала 6 тыс. человек.

В те трудные для Гродно времена выдающуюся роль в защите города, а также всей территории Понеманья, соседних земель и его населения сыграл комендант — каштелян Гродненского замка князь Давыд. По всей Беларуси, Литве и Польше он прославился как мужественный защитник Гродно, Ново-

Гродненский замок времен короля Витовта. Реконструкция Т. Андрейчика

грудка, Пскова, гроза прусских, ливонских, датских и немецких воинов. Несмотря на то что Давыд был православным, великий князь Гедимин выдал за него свою дочь, красавицу Бируту. Военный талант и ум Давыда были так велики, что Гедимин оказывал ему предпочтение перед своими братьями и сыновьями не только в военных делах, но и в отношениях с соседними землями Северо-Западной Руси.

Первая четверть XIV в. ознаменовалась сближением Великого княжества Литовского и Пскова под знаком объединения в борьбе против рыцарей Ливонского ордена. Большую роль в этой борьбе сыграл блистательный полководческий талант Давыда Городенского. Поражение крестоносцев в 1314 г. надолго отбило у них охоту встречаться с князем Давыдом на военной тропе. В 1319 г. гродненский каштелян, упреждая удары рыцарей, с 800 конниками сам совершил дерзкий рейд в глубь Пруссии. Весной, воспользовавшись половодьем и пройдя безлюдными местами, его войско вихрем ворвалось в прусскую провинцию Вегендорф. Давыд отомстил врагам за горе своих соотечественников. Захватив многих знатных пленников и большую добычу, гродненский отряд вернулся домой, хотя комтуры Пруссии Ульрих Дрилебе и Фридрих Квитц пытались оказать ему сопротивление.

В 1322 г. в Новгородско-Псковской летописи сообщается о том, что гродненский «князь Давыдко» прибыл со своим войском защищать от рыцарей Псков. Тогда крестоносцы не реши-

лись на штурм. Однако в марте 1323 г., когда датские рыцари, нарушив мир, захватили Гдов и побили псковских «гостей», вновь «послаша псковичи к Давыду князю в Литву». Войско гродненцев подоспело вовремя и отбило натиск датчан, отбросив их за пределы Псковской земли, а затем дошло до Ревеля, которым владел датский король. По сведениям рыцаря П. Дусбурга, войско Давыда Городенского перебило более 5 тыс. человек, захватив хорошую добычу.

Однако в мае 1323 г. немецкие рыцари «в силе тяжце» снова напали на Псковщину. Они, «приехаша в кораблях, и в лодиях, и на конях, с пороки и с городы», подошли к Пскову и осадили его. Осада продолжалась 18 дней. В это время на выручку осажденному городу шел князь Давыд Городенский со своей дружиной. Вовремя «приспе князь Давыд из Литвы с людьми своими». Вместе с псковскими ратниками гродненцы разгромили и прогнали остатки рыцарского войска за реку Великую.

Блистательные победы гродненского каштеляна вызвали злобу и лютую ненависть у рыцарей, и они не упустили случая отомстить. В начале марта 1324 г., в Великий пост, большой отряд крестоносцев, минуя Гродно, тайно пробрался к родовому поместью князя Давыда Вертелишки и дотла разрушил его. Было убито 33 человека, угнано 100 лошадей и большое количество другого скота. Ответом на это дерзкое преступление был поход Давыда в Мазовию и разгром им большого войска. В 1326 г. с 1200 всадниками и союзным отрядом поляков он совершил опустошительный поход на Бранденбург. Подобно кинжалу, вошло это войско в самое сердце Германии, дойдя до Франкфурта-на-Одере. Неспособные противостоять разящим ударам Давыда Городенского, крестоносцы подкупили польского рыцаря Андрея Госта, который предательским ударом в спину убил полководца в его походном шатре.

Пока был жив Давыд Городенский, рыцари Прусского ордена с 1312 г. не отваживались нападать на Гродно. С гибелью храброго каштеляна закончилась полоса относительно спокойной жизни города. В начале осени 1328 г. громадное войско крестоносцев подошло к стенам Гродно. Большая его часть скрытно разместилась на подступах, а 400 человек начали грабеж и разорение предградья. После жестоких погромов они отошли. Жители, укрывшиеся за стенами замка, решили, что крестоносцы убрались восвояси, и вышли из укрытия. Воспользовавшись этим, рыцари двинулись на город, захватили замок, разграбили и сожгли его.

Жизнь в Гродно наладилась лишь к середине XIV в. В 1356 г. жители города уже участвовали в военном походе в составе сильного войска, которое разорило прусскую провинцию Алленштадт и осадило город Гутенштадт.

В начале лета 1362 г. главный маршал Прусского ордена Геннинг Шиндекопф с большим отрядом двинулся на Гродно.

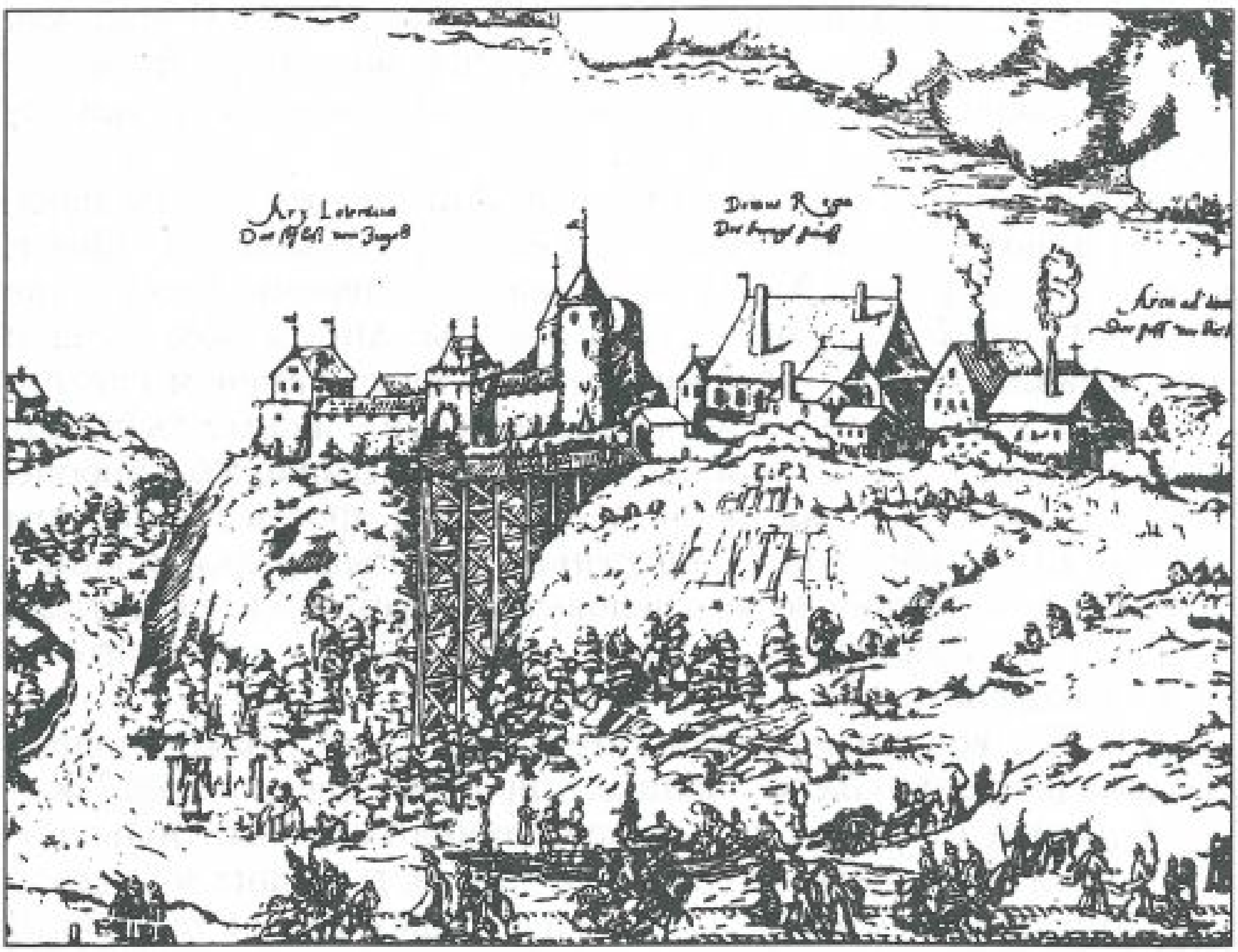
Рыцари уже собрались переправиться вброд через Неман, как неожиданно их атаковали горожане. Видимо, потери были настолько большими, что противник отказался от попытки захватить город.

Не только пруссаки, но и рыцари Ливонского ордена искали удачи под стенами древнего поселения на Немане. В 1364 г. немецкий граф фон Ханау возглавил в Ливонии войско, где было 40 князей из разных стран Европы. Английские рыцари переправились через Ла-Манш, чтобы «под знаменем святого Георгия» — покровителя всех крестоносцев — испытать судьбу под неприступным замком, известным всей рыцарской Европе. Однако замок выстоял вновь, и всю свою ярость пришельцы обрушили на население окрестных сел. Рыцарский хронист отметил, что их войско «бесчеловечно опустошило окрестности Гродно, уведя много людей в неволю». Второй разорительный поход состоялся в августе 1373 г.

В 1375 г. войско префекта Ратенбурга герцога Альберта фон Заксена встретило ожесточенное сопротивление жителей Гродно. Главный отпор дали рыцарям простолюдины. Большинство грабителей были убиты и ранены, часть из них во главе с герцогом попали в плен, а остальные обратились в бегство. В 1377 и 1379 гг. прусские крестоносцы при участии 2000 австрийских и других европейских рыцарей еще дважды терзали земли Гродненщины.

Из-за междоусобицы Витовта и Ягайло в 1390 г. пришла новая беда. Замок, которым владел Витовт, 50 дней выдерживал осаду королевского войска. После многократных штурмов вначале пал Нижний замок. Витовт, расположившись на левом берегу Немана, соорудил еще один замок — Новое Гродно. Отсюда он пытался помочь своему гарнизону в старом замке. Через реку была протянута толстая железная цепь, к которой привязали лодки и, таким образом, устроили мост. По нему из замка вынесли больных и раненых и переправили новый отряд «жолнеров». Однако вскоре этот мост был разрушен: Ягайло приказал выше по течению срубить вековые деревья, связать их прямо с ветвями в громадный плот и пустить по течению. Одним ударом с мостом было покончено. На 50-й день гродненский Верхний замок пал.

В 1391 г. с помощью союзных ему рыцарей Витовт вернул себе Гродно. Однако противоестественный союз Витовта с крестоносцами был недолгим. В 1392 г. Островское соглашение примирило Ягайло с Витовтом, объединив их в борьбе с общим врагом — Прусским Орденом. Ответом на это стал поход в начале 1393 г. большого рыцарского войска, усиленного иноземным пополнением. Гродненский замок после трехдневного штурма был захвачен и разрушен. Спустя несколько лет он вновь восстал из руин. Однако в 1398 г. сильный ночной пожар, во время которого едва не погиб вместе с семьей сам

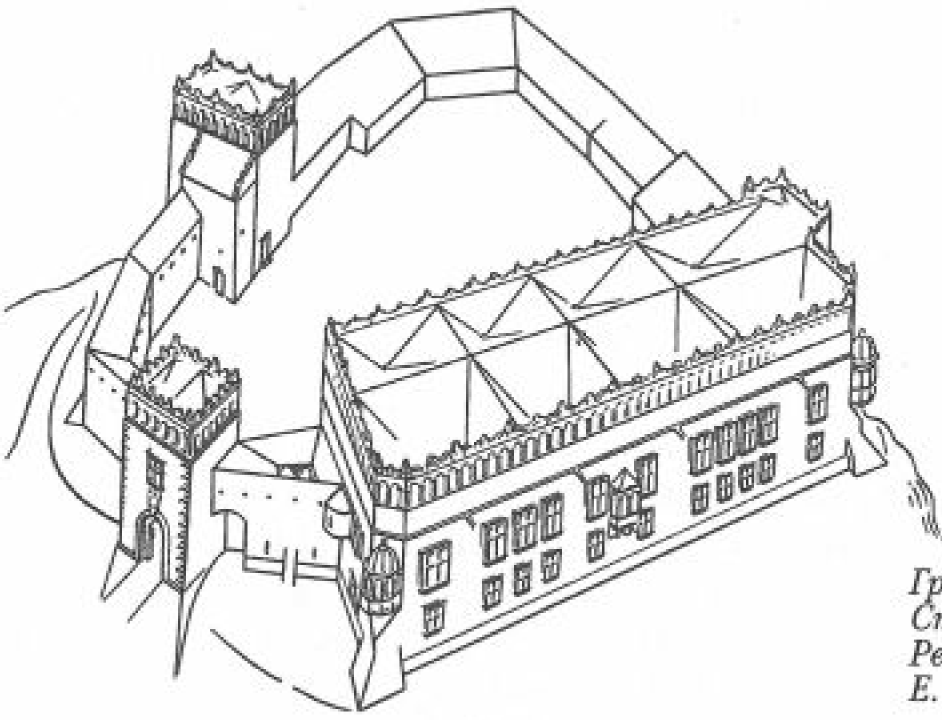

Гродненский замок. Гравюра М. Цюндта. 1568 г.

Витовт, обратил замок в пепел. После этого решено было больше не строить деревянных укреплений. На пепелище вырос каменный замок, на долю которого также выпало немало бед. Уже в 1402 г. крестоносцы испытали его на прочность, но он выдержал все штурмы.

Для своего времени Гродненский замок был исключительно мощным сооружением, где гармонично сочетались благоприятные для обороны «крепости самородные» и мощный комплекс каменных укреплений, за стенами которого спасалось местное население. Замок был возведен по периметру горы, и его стены образовывали неправильный в плане треугольник. Стена, обращенная к Неману, достигала 120 м в длину, стена со стороны Городничанки — 90 м, стена со стороны города (третье прясло) состояла из двух отрезков — 24 и 46 м. Толщина стен равнялась 2,6–3 м. В замке было пять башен, в том числе «вежа-брама» — круглая в плане башня («столп») и три квадратные размером 12 × 12 м в основании. В линии стен, обращенных к городу, размещался новый каменный дворец Витовта размером около 45 × 15 м. 50-метровый сухой ров отделял замок от города и Нижнего замка. Видимо, и его укрепления на рубеже XIV и XV вв. соорудили из камня. Остатки этих стен еще видны на гравюре Гродно 1568 г.

После Грюнвальдской битвы 1410 г. с крестоносцами, в ходе которой гродненские ополченцы снискали себе вечную славу,

Гродненский замок времен Стефана Батория. Реконструкция Е. Войцеховского

для города началась мирная жизнь. С врагом, который более ста лет терзал Белорусское Понеманье, было покончено. Однако «городовая работа» осталась одной из важнейших повинностей горожан. Они следили за состоянием укреплений и отправлялись ежегодно на 60 дней для ремонта различных «украинных замков», в том числе и Виленского. В свою очередь для военно-фортификационных работ в Гродно привлекались и жители Волковыска.

Подобно другим городам Беларуси, получившим магдебургское право, Гродно имел военную организацию с разделением на десятки и сотни, свои боевые знамена и герб. Там было большое количество орудия, а в 1540—1541 гг.— даже двенадцать пушкарей, которые обслуживали артиллерию замков.

Находясь в глубине страны на важных торговых магистралях, Гродно развивался территориально и экономически. Однако, в отличие от порубежных городов, в XV в. и на протяжении почти всего XVI в. он не имел городских укреплений. Лишь у моста через Неман стояла сторожевая проезжая башня, которая хорошо видна на гравюре 1568 г.

В последней четверти XVI в. Гродно превратился в главную резиденцию короля Стефана Батория. При нем началась перестройка Верхнего замка, который утратил свои суровые, аскетические черты, лишившись ряда старых построек и башен. Исчезли проезжая башня, столп XIII в., дворец Витовта.

В Верхнем замке по проекту итальянского архитектора Скотто был построен новый двухэтажный дворец Стефана Батория. В плане он напоминает вытянутый в длину и несколько перекошенный прямоугольник размером 21 × 60 м, разделенный на несколько покоев и залов. На первом этаже находились кладовые, канцелярия, сокровищница и архив. Второй этаж дворца занимали королевские покои, богато украшенные шлифованным гипсом, каменной резьбой и изразцами, полы

были выложены керамическими и мраморными плитками. Однако дворец не утратил своего оборонного значения, что подчеркивалось толстыми внешними стенами и тесной связью его планировки с другими замковыми защитными строениями: башнями, въездными воротами с подъемным мостом. Тогда же был модернизирован и Нижний замок.

Поскольку в замках размещались все главные королевские службы, здесь в случае военной опасности горожане находиться не могли. Для этого было слишком мало места. Тогда и возникла необходимость создать в Гродно третий замок — центр обороны города, рассчитанный на местное ополчение. Этот комплекс деревоземляных укреплений был сооружен на крутом берегу Немана недалеко от сегодняшнего железнодорожного моста и ограничивался с востока огромным естественным рвом. Во второй половине XVII в. этот деревянный замок реконструировали, были сооружены бастионные укрепления. Тогда же с севера и востока над Городничанкой появилась городская линия укреплений с Виленскими и Лидскими (в русских документах — Смоленскими) воротами. В арсенале замка в 1641 г. хранились доспехи на 600 человек, несколько сотен мушкетов и шпаг.

Войну Речи Посполитой с Русским государством в середине XVII в. Гродно ощутил лишь в конце лета 1655 г. Все население отсюда заблаговременно эвакуировалось в глубь Польши. 22 августа город без труда захватили войска воеводы Я. К. Черкасского. В опустевшем и обветшавшем замке были проведены восстановительные работы. Здесь стоял небольшой гарнизон, который не смог удержать город в марте 1659 г. и сдал его шляхте Гродненского повета.

В сентябре 1705 г. Гродно стал центром сосредоточения союзных войск Петра I и польского короля Августа II, частично окруженных и блокированных войсками шведского короля Карла XII. В городе были срочно восстановлены бастионные укрепления. Но шведы не решились на штурм. В марте 1706 г. русские войска вышли из Гродно, затопив при отступлении в водах Немана пушки, ядра и порох.

Просуществовав до конца XVIII в., городские укрепления были срыты. Их остатки теперь прослеживаются только археологически. С 1986 г. началась реставрация руин замка.

Лидский замок

Лидский замок — своеобразное военно-оборонительное сооружение XIV в. Он был возведен в те годы, когда натиск крестоносцев достиг наибольшей силы. Вместе с литовцами и украинцами население Беларуси мужественно сражалось с врагом, которого особенно манили богатые земли Понеманья. Что-

бы закрыть рыцарям доступ в глубь Великого княжества Литовского, князь Гедимин в 1323 г. приказал заложить в Лиде каменный замок. Новый боевой форпост принеманских земель возводили около 5 лет.

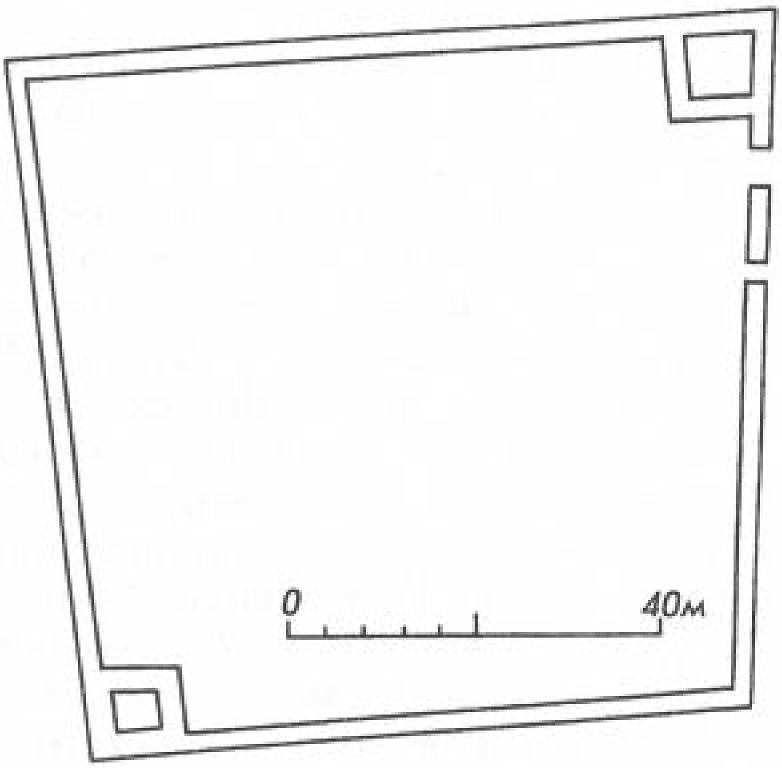
Противостоять натиску крестоносцев тогда могли только оборонные сооружения, при строительстве которых учитывалась тактика осады войск, вооруженных первоклассной по тому времени военной техникой. С XII по XIV в. в Северной Европе и Прибалтике распространился тип особых замков-кастелей. Основу их мощи составляли высокие каменные стены в виде четырехугольника, под защитой их находился гарнизон. Особенно много кастелей построили ливонские рыцари на захваченных землях Прибалтики. Небольшие по своим размерам, эти укрепления были базой захватчиков, пунктами сбора дани с покоренных народов, местом рыночной торговли.

Взяв за основу тип рыцарского кастеля, зодчие творчески подошли к решению сложной задачи. Исходя из местных строительных традиций, они создали мощное сооружение, которое могло надежно защитить от врагов. За его стенами отныне находили пристанище жители не только города, но и соседних селений.

Строители удачно использовали рельеф местности, выбрав болотистую низменность, где речушка Каменка впадала в речку Лидею. На искусственном острове, насыпанном из песка и гравия, был возведен Лидский замок. Стены его в плане напоминают трапецию, большое основание ее смотрит на север, откуда чаще всего угрожала опасность. Перед северной стеной (длина ее около 93,5 м) находился глубокий широкий ров, который, видимо, наполняли водой. Северную стену (длина около 80 м) прикрывали болотистые берега Каменки и Лидеи. Длина западной и восточной стен равнялась соответственно 84 и 83,5 м.

Недалеко от северо-восточного угла замка толщу восточной стены прорезали два входа. Меньшие ворота («фортка») при ширине прохода 2,5 м и высоте 3 м имели стрельчатую арку, облицованную большемерным кирпичом. Вторые (приблизительно 4,5 м в ширину и около 6 м в высоту) завершались полуциркульной аркой. Меньшие ворота служили «черным входом». Большие открывали только для торжественного въезда князя или знатных гостей. В южной стене замка на высоте около 2 м от земли находился полуциркульный проем высотой около 3,9 м и шириной 2 м. Судя по всему, это был запасной выход для гарнизона в критические моменты обороны.

Южная стена интересна также тем, что здесь до наших дней сохранились бойницы. Они бескамерные и в плане имеют форму трапеций, обращенных широким основанием внутрь замкового двора. При одинаковой высоте бойницы имели разную ширину, три их типа чередовались. Они предназначались для стрель-

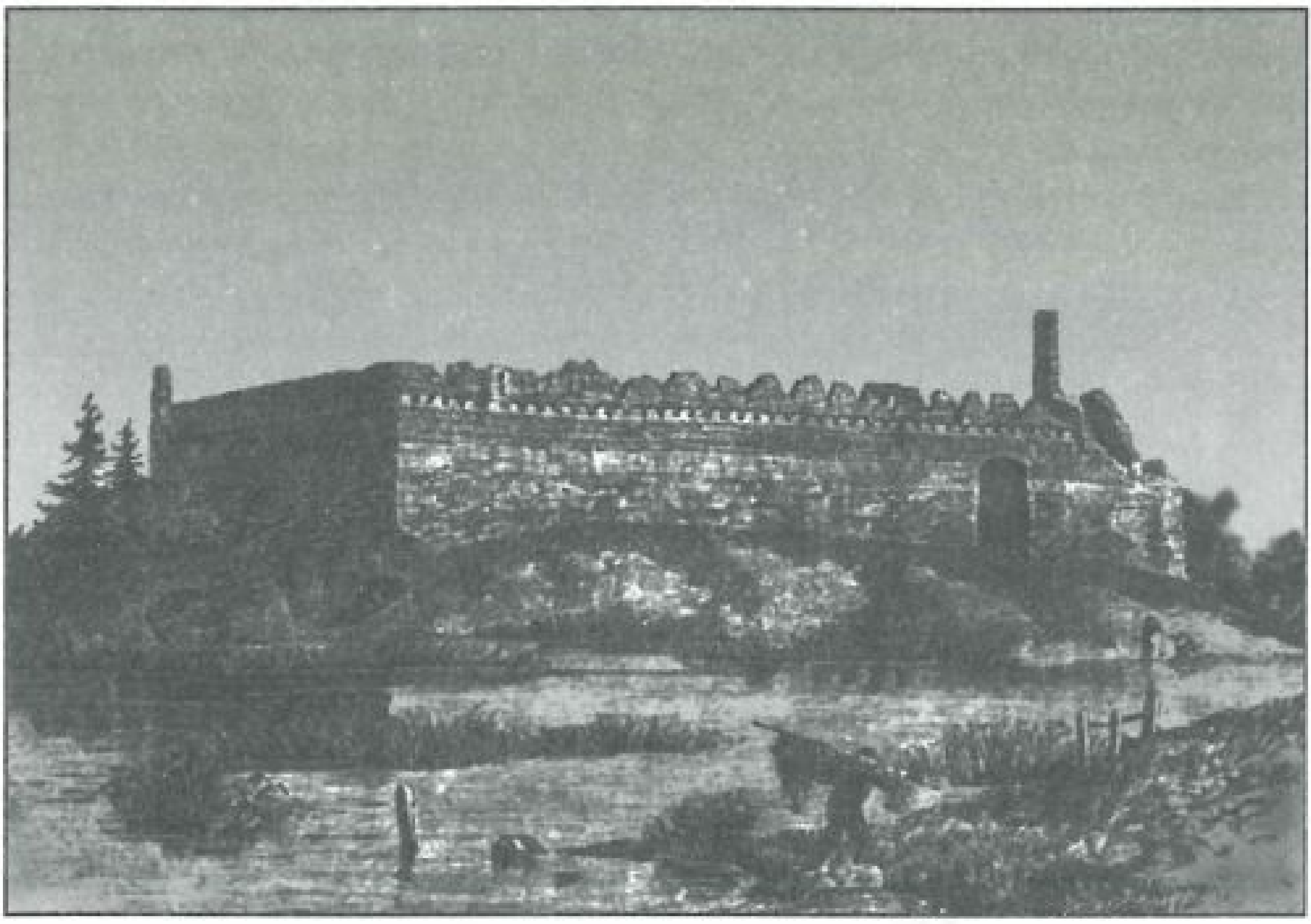
План Лидского замка.
Первая половина XIX в.

бы из луков и арбалетов, а позже — из легкого огнестрельного оружия. По периметру замковых стен ниже бойниц находилась деревянная галерея («вулица»), устроенная на консольных балках. На этот помост можно было подняться по лестницам с перилами, которые размещались в северо-западном и юго-восточном углах замка. Над боевой галереей была специальная крыша, имевшая скат в сторону двора.

Одновременно со стенами в юго-западном углу замка была сооружена башня, в плане близкая к квадрату размером 11,3 × 1,3 м. Толщина стен достигала 3 м, высота башни, очевидно, была намного выше 12-метровых замковых стен. Есть сведения, что в этой башне находилась православная церковь Св. Георгия Победоносца, которая была перенесена отсюда в город в 1533 г. Вторая башня располагалась по диагонали от первой, в северо-восточном углу замкового двора. Построена она была позже, видимо, в 80-е гг. XIV в. или на рубеже XIV и XV вв., когда в Беларуси и Литве совершенствовались оборонительные сооружения для решительного отпора крестоносцам. План второй Лидской башни — разносторонний четырехугольник размером 12 × 12,5 × 12,3 × 12,15 м.

Археологические и письменные источники свидетельствуют о том, что на всех этажах Лидского замка находились покои и залы. На нижнем с кирпичным сводом была тюрьма, выше — суд и архив. Жилые помещения занимали верхние этажи. Лестница располагалась в толще стены. Всего для сооружения Лидского замка потребовалось около 23 тыс. куб. м валунов, около 1,5 млн кирпичей, огромное количество извести и песка.

Замок был возведен в болотистой низменности, что во многом сняло проблему водоснабжения. В ходе археологических раскопок на территории замкового двора было найдено несколь-

Развалины Лидского замка. Первая половина XIX в.

ко средневековых колодцев. Большое стратегическое значение имел пруд на Лидее и Каменке, который закрывал прямые подступы с восточной и юго-восточной сторон.

За долгое время своего существования Лидский замок видел немало завоевателей. После смерти Гедимина, когда Лида стала столицей удела князя Ольгерда, а потом его сына Ягайло, между князьями начались распри за великокняжеский престол. Этим воспользовались крестоносцы. В 1384 г. после продолжительной осады и штурма они захватили замок. В декабре 1392 г. отряды рыцарей во главе с командорами Яном Румпенгаймом, Конрадом Лихтенштейнским и их союзником князем Витовтом переправились возле местечка Алитус через Неман и по скованным морозом болотам подошли к стенам Лидского замка. Вместе с ними за грабительским счастьем пришло и войско английских рыцарей, которое возглавлял молодой граф П. Нортумберлендский.

Противник ограбил город, «зажег подзамче» и осадил замок. Князь Дмитрий Корибут, который руководил обороной, имел достаточно сил, но, напуганный осадой, решил оставить замок. Дождавшись ночи, он с гарнизоном направился в сторону Новогрудка. Врагу досталось большое количество оружия.

Зимой 1394 г. крестоносцы вновь напали на Лиду. В походе приняли участие английские рыцари во главе с графом Бэдфордом, а также французский отряд. Но на этот раз захватчи-

Замок в Лиде. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

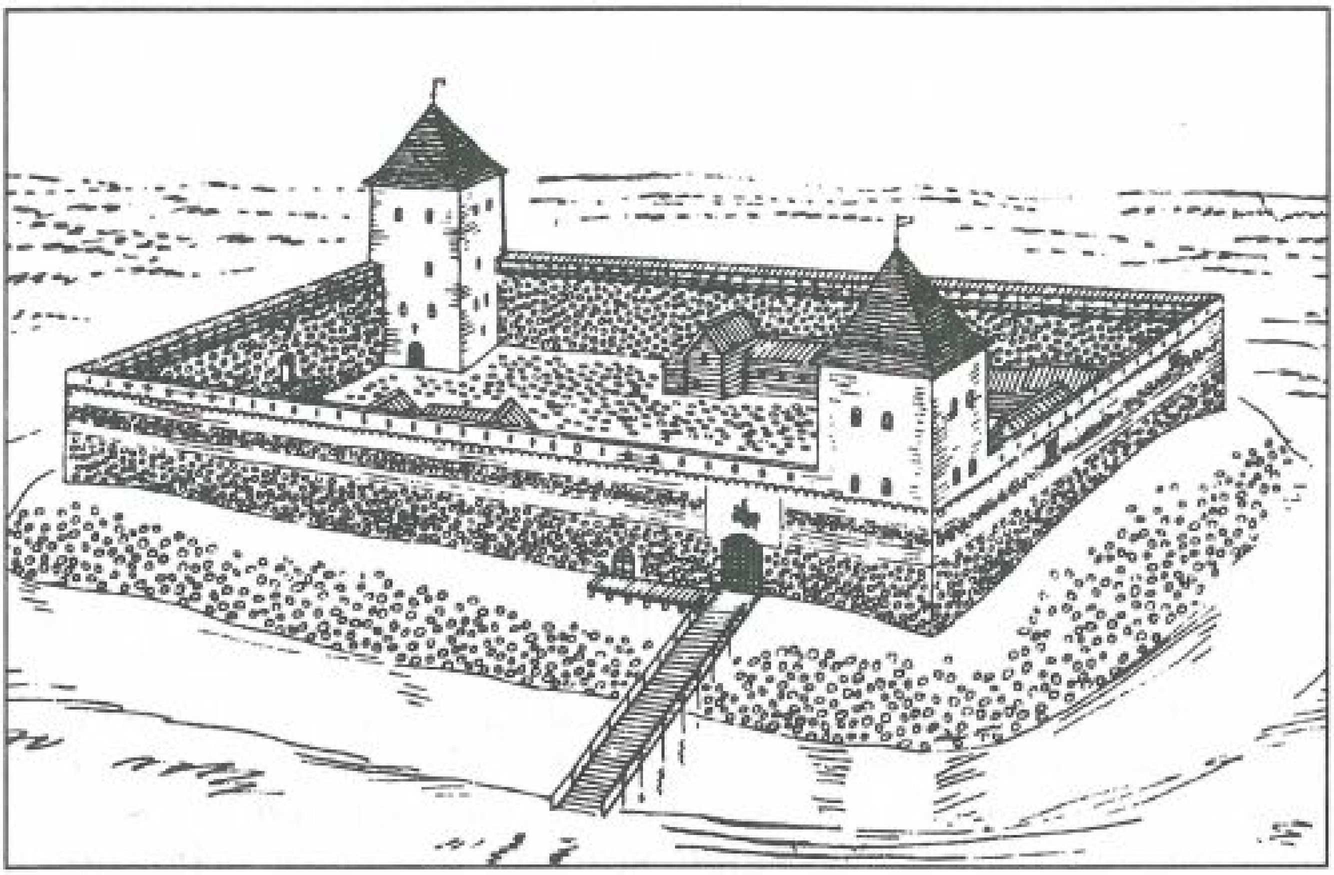
кам ничем не удалось поживиться. Жители сожгли свои дома и, закрывшись в замке, мужественно отражали все вражеские штурмы.

С 1396 по 1399 г. в Лидском замке жил изгнанный из Золотой Орды хан Тохтамыш. Князь Витовт дал ему здесь пристанище, надеясь помочь вернуть трон, а затем использовать Тохтамыша в борьбе против Московского княжества. Однако в битве на Ворскле дружины Витовта были уничтожены войсками соперника хана.

5 августа 1406 г. под стенами Лиды появились отряды смоленского князя Юрия Святославовича. Он шел выручать из неволи свою семью, которую годом ранее Витовт полонил, захватив Смоленск. После нескольких неудачных штурмов смоляне сняли осаду. Не поддался замок и князю Свидригайло (1433 г.), который вел долгую войну с Жигимонтом. С 1434 по 1443 г. замок стал прибежищем для еще одного изгнанника — хана Довлет-Хаджи Гирея. Правда, его судьба оказалась более счастливой, чем Тохтамыша: при поддержке Великого княжества Литовского он стал ханом перекопских татар.

После долгого затишья в 1506 г. под стенами Лиды появился один из загонов крымских татар, однако рискнуть на штурм замка враг не решился.

Средневековая Лида состояла из замка, княжеского двора, собственно города с подзамчьем и Заречья. Княжеский двор, или «замковый фольварк», как его называли еще в XVIII в.,

Лидский замок. Реконструкция по материалам М. А. Ткачева. Рисунок Е. Кулика

размещался над речушкой Каменкой, на северо-западе от замка. Возле него были мельницы, винокурня, другие хозяйственные постройки.

«Место» находилось на север от замка. Его историческим центром считался рынок, от которого отходили четыре улицы: Виленская – в сторону Вильни, Замковая – к замку, Каменская – к реке Каменке, а далее по дороге на Василишки и Острину – улица Кривая, которая соединяла Каменскую улицу с рынком. Своих укреплений город не имел. В середине XVII в., во время долгой войны между Речью Посполитой и Русским государством, каменные стены и башни Лидского замка ощутили всю силу тогдашней новейшей осадной техники. После продолжительной осады и артиллерийского обстрела летом 1659 г. 30-тысячное войско воеводы Никиты Хованского взяло замок штурмом. Сильно поврежденный, он был совершенно разрушен в 1702 г., когда один из шведских отрядов взорвал его башни. В то время стратегического значения замок уже не имел. Начался период запустения и разрушения старого укрепления, которое последний раз было использовано по назначению отрядом повстанцев, возглавляемых Т. Костюшко, в 1794 г.

В конце XIX в. местные предприимчивые дельцы начали ломать замковые стены и продавать камень и кирпич. Однако благодаря решительному протесту горожан этот вандализм удалось остановить.

В начале XX в. императорская археологическая комиссия выделила средства на проведение работ по консервации Лид-

ского замка, но сделано было немного: замок частично обмерили, сфотографировали башни и стены и разобрали ненадежные места кладки. В 20-е гг. XX в. консервационные работы проводили польские реставраторы, а в 80-е гг. реставраторы Министерства культуры БССР восстановили стены и северо-восточную башню.

Кревский замок

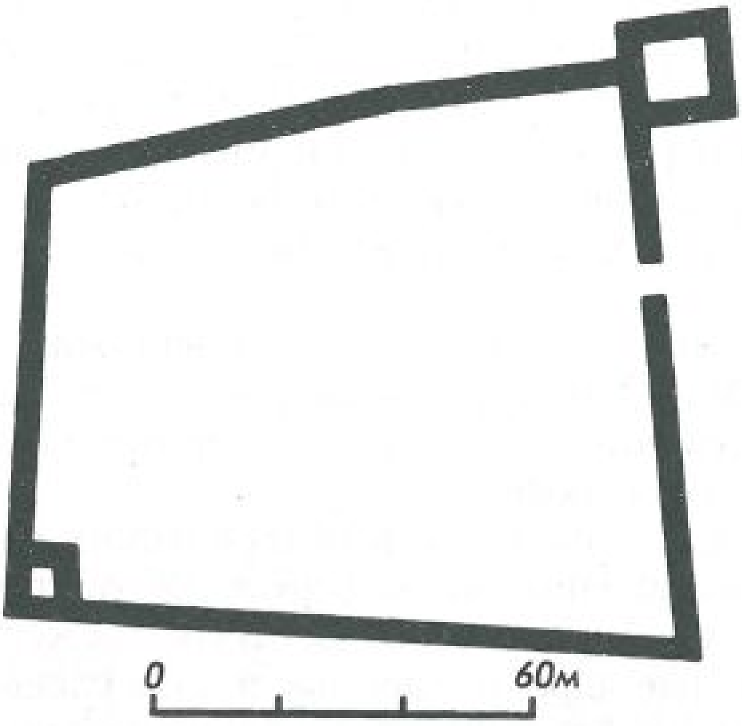
У слияния речушек Кревянка и Шляхтянка в 30-е гг. XIV в. был сооружен каменный замок Кревского княжества. Тогда здесь правил сын Гедимина — Ольгерд (в замке он жил с 1338 по 1345 г.).

Этот интересный памятник военной архитектуры XIV в., расположенный в Сморгонском районе Гродненской области, своей планировкой напоминает Лидский замок. Он построен в виде неправильной трапеции, которая большим основанием обращена в напольную сторону. С востока, юга, частично с запада и севера замок защищали воды Кревянки и Шляхтянки. Эти реки были перекрыты плотиной.

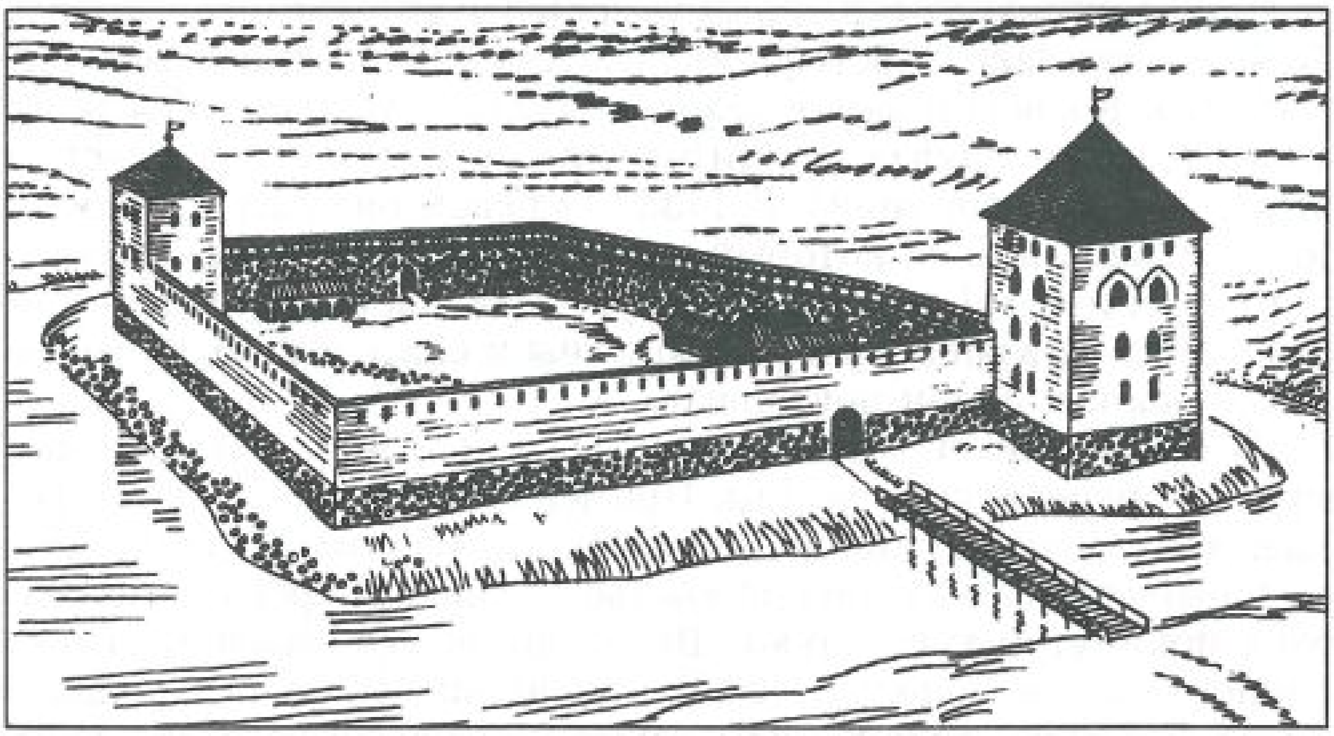
Как и в Лидском замке, здесь было всего две башни, которые размещались по диагонали. Однако Кревский замок имеет некоторые особенности, присущие только ему. В северо-западной части стояла большая (Княжеская) башня размерами в основании 18,65 × 17 м. Она выступала за периметр замковых ограждений, надежно фланкируя западную и северную (с воротами) стены. В башне жили князь, его челядь и начальник замковой стражи. Княжеские покои находились, судя по всему, на втором этаже. Над третьим этажом мог существовать еще один ярус, о чем свидетельствуют остатки ведущей наверх каменной лестницы в толще стены. Толщина стен башни была 3 м внизу и 2,5 — 2,6 м на уровне третьего этажа, а высота ее превышала 25 м.

Княжеская башня имеет трехметровый фундамент. На высоту 3 м основание ее сложено из камня. Выше начинается трехслойная («пусковая») кладка с кирпичными «щеками» толщиной до 0,7 м. Расстояние между этажами составляет 4,8—5 м. Перекрытия между ними были сделаны на толстых балках. Этажи соединялись деревянными лестницами. Высокая четырехскатная кровля Княжеской башни сначала была покрыта гонтом, а в XV—XVI вв. —черепицей («даховкой») двух типов. С восточной стороны, где вода искусственного пруда близко подступала к стенам замка, строители сделали земляную насыпь и вымостили ее камнем.

Длина замковых стен в Крево различная. Северная стена, которой чаще всего угрожала опасность во время осады, достигает в длину 85 м (без учета стены Княжеской башни), восточная —

План Кревского замка

Замок в Крево. Реконструкция по материалам М. А. Ткачева. Рисунок Е. Кулика

108,5 м, южная — 71,5 м, западная — 97,2 м. Толщина стен достигает 2,75 м. Двухметровый фундамент сооружен из камня средней величины с 30-сантиметровым цоколем. Он находится на «подушке» из дубовых и еловых жердей и веток. На 4 м в высоту замковые стены сделаны из камня. Выше (и только с внешней стороны) толщина кирпичной кладки равняется 65 см.

Ранее высота стен Кревского замка достигала 12—13 м. На высоте 10 м по всему периметру на деревянных балках размещалась боевая галерея — помост. Стреляли защитники замка сквозь бойницы, которые были сделаны через каждые 2,4 м. На стыке восточной и южной стен изнутри находилась еще одна башня размером 11 × 10,6 м (ее возвели позже), которая имела не менее четырех этажей.

В южной стене Кревского замка, как и в Лиде, был расположен запасной выход шириной 2,8 м и высотой 4,2 м. Еще один

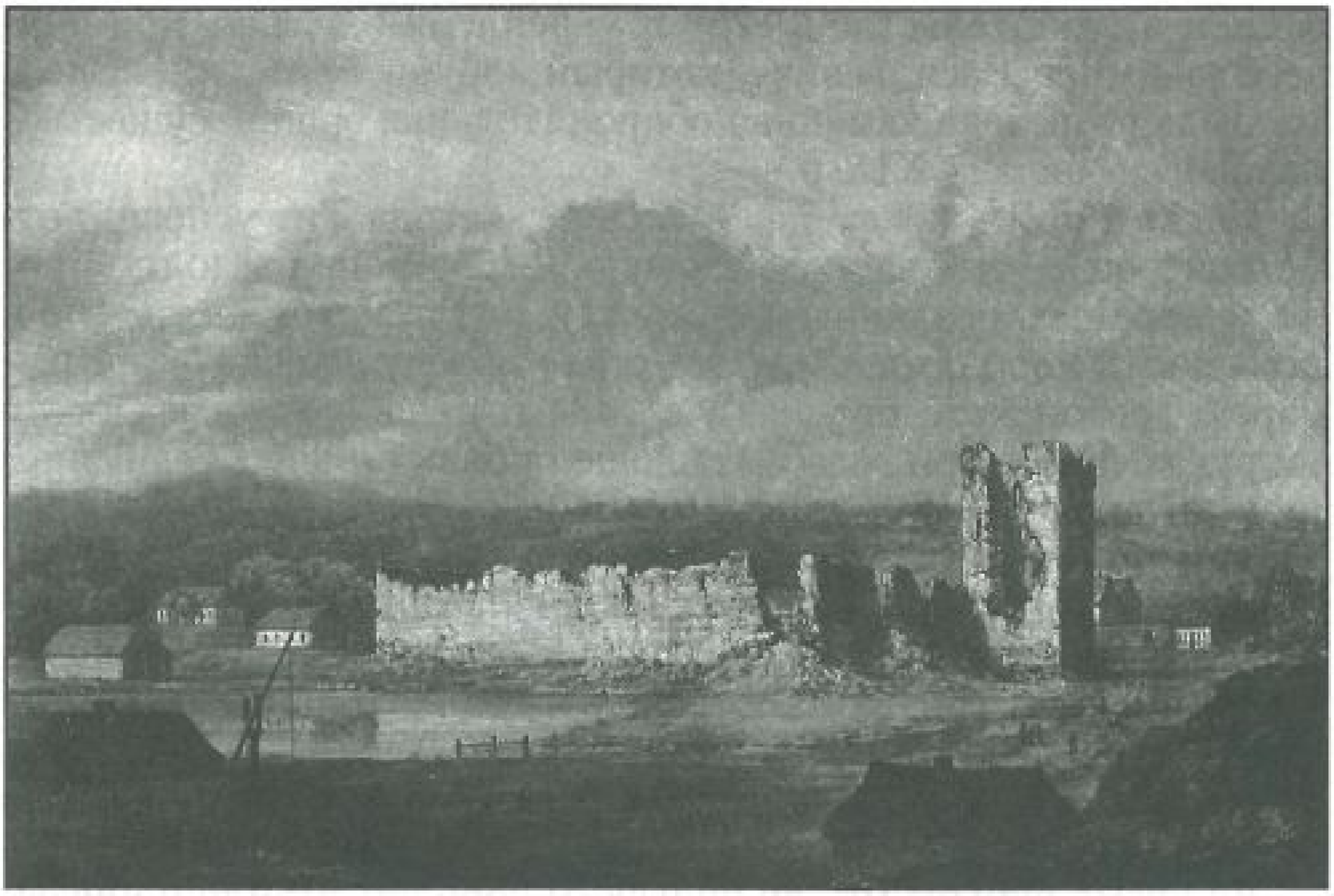
запасный ход находился в западной стене. У самого низа ее прорезает проем стрельчатой формы шириной 2,2 м и высотой 2,5 м. Некоторые исследователи считают его «впуском» для воды, которой наполняли пруд («сажалку») на территории замкового двора. Учитывая функциональную целесообразность и размеры проема, можно сделать вывод, что это мог быть запасный ход.

Во время раскопок на замковом дворе было найдено много керамических изделий XIV–XVII вв., терракотовая и поливная кафля, фрагменты стеклянных изделий, черепица, оружие, остатки хозяйственных построек.

Кревский замок был свидетелем многих исторических событий. Уже вскоре после возведения он подвергся жестокому нападению врага. Об этом свидетельствуют остатки сожженной боевой галереи и каменные ядра, найденные в ходе раскопок под западной стеной. В 1382 г. в подземелье центральной башни по приказу Ягайло был умерщвлен его «дядька»— князь Кейстут, основной претендент на великокняжеский престол. В 1385 г. в Кревском замке разрабатывались условия объединения Великого княжества Литовского и Польши под властью Ягайло (Кревская уния). В 1433 г. Кревом овладел мятежный князь Свидригайло, который претендовал на великокняжеский престол. «И приде ко Креву,— сообщает летопись,— стояша два дни, взяша Крево мурованны и сожже, а людей много посекоша и в полон поведоша».

В 1503–1506 гг. замок не раз осаждали и значительно повредили перекопские татары. Примерно в это время здесь проезжал путешественник и дипломат Сигизмунд Герберштейн, который отметил в своих дорожных записях: «Крево — местечко с покинутой крепостью». Вероятно, вскоре замок был восстановлен, поскольку в 1519 г. во время глубокого рейда в глубь Беларуси войска московских воевод «воеваша и плениша... Крев». Во второй половине XVI в. здесь жил беглый русский князь Андрей Курбский.

Замок постепенно терял свое оборонное значение, однако в XVIII в. он еще находился в довольно неплохом состоянии. Позднее началось его разрушение. Особенно Кревский замок пострадал в годы первой мировой войны, когда через Крево проходила линия фронта. Более трех лет здесь велись сражения. Замок оказался на немецкой стороне обороны. Там были сооружены бетонные убежища (в Малой башне и у южной стены), наблюдательные пункты. Во время обстрелов древний замок очень сильно пострадал, особенно Княжеская башня. Кирпичная облицовка во многих местах отслоилась и обвалилась. Северная стена укрепления накренилась на 10 градусов. В 1929 г. польские реставраторы укрепили ее контрфорсом двухметровой ширины и законсервировали. Облицовку главной башни связали железными стяжками, а щели залили известко-

Крево. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

вым раствором. Тогда же подмуровали остатки северо-восточной стены, укрепленные эскарпом.

Возведение замков типа «кастель» было важным шагом на пути развития местного военного зодчества. Здесь получил начало и был широко использован принцип фланкирующего огня из башен, вынесенных за периметр стен. Плановая композиция четырехугольного оборонительного сооружения стала затем характерной особенностью белорусского зодчества XV и XVI вв. Эти замки сыграли важную роль в защите Понеманья от нашествия крестоносцев и внесли немалый вклад в дело окончательного разгрома Тевтонского Ордена.

Брестские укрепления

Брест известен летописцам с 1019 г., но лишь в 1099 г. он был впервые назван «градом». Укрепления этого «града», а затем и сменившего его средневекового замка размещались на высоком мысе у впадения реки Мухавец в Западный Буг. Площадка замчища еще в конце XVIII — начале XIX в. сохраняла вид мысового городища в форме треугольника со сторонами около 234 × 187 × 234 м, который с юга был отделен от прилегающей территории дугообразным рвом. Площадь памятника превышала 2 га.

В XII и XIII вв. Брест находился в гуще политических и военных событий Киевской Руси. В Ипатьевской летописи есть

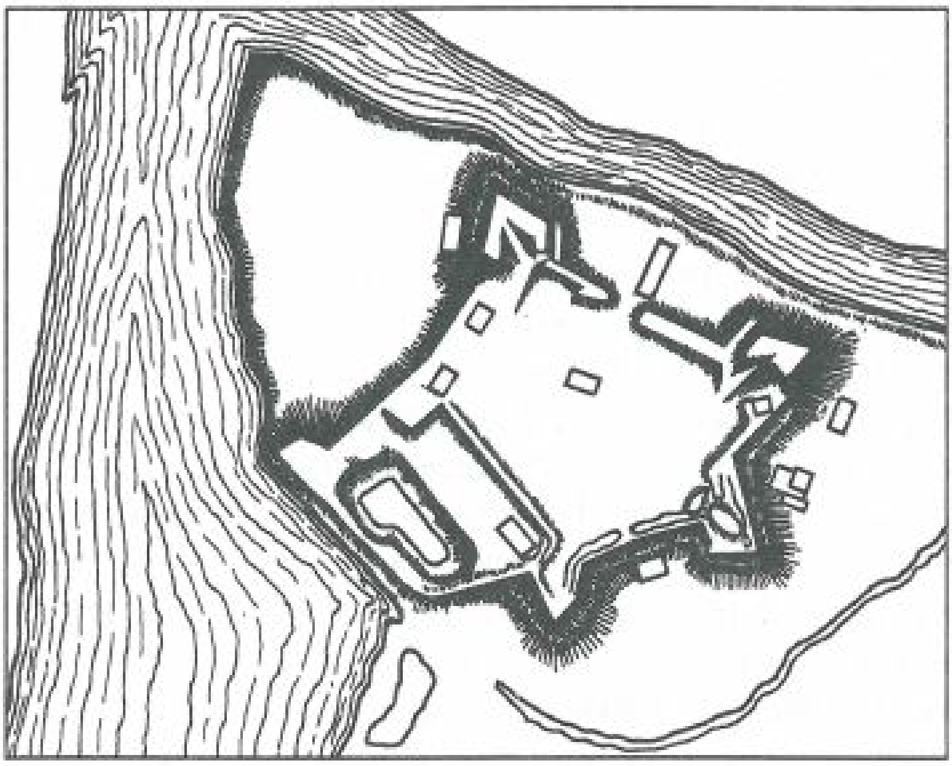
записи о строительстве в 1259 г. укреплений «града» при князе Владимире Васильевиче, который «зруби Берестий». Здесь же была возведена каменная оборонительная башня, существовавшая до начала XIX в.

После 1282 г., когда берестейский воевода Тит успешно отбил очередное нападение мазовшан, город попал в долгую полосу военных столкновений между литовскими князьями и польскими королями. Берестье стало объектом нападений рыцарей Тевтонского ордена, а в 1334 г. ненадолго оказалось в их руках. Через три года сюда вошел князь Кейстут Гедиминович, но после 1348 г. город, как и всю Берестейскую землю, заняли поляки. В 1366 г. Берестье снова принадлежало Кейстуту. Жители города вместе с ополченцами Витебска, Полоцка, Смоленска и других городов участвовали в сражениях с крестоносцами (битва на Стреве в 1348 г.) и сами отражали атаки рыцарей. Отряд крестоносцев во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, в августе 1379 г. ограбил и сжег город, но замка взять так и не смог.

Во время борьбы между польским королем Ягайло и князем Витовтом Берестейский замок зимой 1390 г. осадило королевское войско. После 10-дневной обороны замок был взят. В том же году первым из городов Беларуси Брест получил магдебургское право. Польский историк Ян Длугош назвал его «пристанью и воротами в литовские и русские земли». Военное значение Бреста нашло отражение в гербе, полученном в 1554 г. Здесь на красном фоне был изображен замок, стоявший у слияния двух рек.

В конце XV– начале XVI в. Брест не раз ощущал удары крымских татар. В 1500 г. 15-тысячная конница подошла к городу. Был сожжен посад («место»), но замка враг взять не смог. Тем не менее татары ушли только после получения «окупа». Для городов Белорусского Понеманья Брест превратился в центр, где постоянно находилась «сторóжа от татар». В частности, мещанам Волковыска в 1507 г. великий князь приказывал: «А к Берестье в заставу мають ходити водле давнего звычая».

В замке было огнестрельное оружие, в том числе и пушки (в 1516 и 1523 гг. упоминается «пушкарь Берестейский Марко»). Однако все оружие и припасы были уничтожены в 1525 г., когда в результате пожара «замок Берестейский, и паркан, и место, и брамы — все на корень выгорело». Мещане били челом королю, просили передать в их руки право «у месте Берестейском мыто брати с купцов», обещая за это «ку обороне паркану гаковницы и порохи и иные потребы бронные справовати». Такое разрешение было дано сроком на 10 лет, но при этом мещанам напомнили, что обязательно нужно построить «паркан». Его сооружали всем миром «как наши мещане, так и князские, и паньские, и духовные».

План Брестского замка

При составлении описания «староства Берестейского» в 1566 г. были упомянуты заново отстроенные замок, «место в паркане» и «место за парканом», новый район Замуховечье, расширившийся на юг от замка. Сам замок был отделен от Замуховечья водяным рвом, который соединялся с реками Мухавец и Западный Буг. На замковом валу стояло пять башен, в том числе башня с воротами.

Детальных описаний этих сооружений не сохранилось, лишь отмечено, что в башне, стоявшей со стороны Замуховечья, было круговое «бланкованье», а в старой «браме с ганком наверху» висел ратный колокол («звон великий»). В цейхгаузе хранились доспехи металлические на 100 человек, 12 пушек, одна мортира, 96 гаковниц и 7 железных «киев», копья и протазаны, «болты» для арбалетов, 360 пушечных ядер, форма для их отливки. За оружием и оборонительными сооружениями присматривали специальные слуги и замковые ремесленники: пушкарь, плотник, кузнец, слесарь, каменщик и столяр.

В замковом инвентаре того времени есть сведения о специальном насосе для подачи в замок воды по трубам («рурам»). Водяные «помпы медяные або спижные за штемпелями железными» приводились в действие большим колесом водяного «млына». С его помощью могла работать и механическая «ступа на толчение пороху», а при необходимости и сукновальня («фолюш»). Водонасосное устройство обслуживал специальный мастер («рурмистр»).

Конструктивную основу обороны замка составляли городни («коморы пасполитые»), внутри которых местные жители и крестьяне волости имели «схованье». На городни вели специальные лестницы («сходы»). Были предусмотрены туалеты («по-

требные коморки»). В мирное время замковая волость ежедневно выделяла для охраны замка 12 сторожей и 12 кликунов.

Основная часть городских кварталов находилась на островах между двух рукавов Мухавца. По сведениям 1566 г., город был обнесен земляным валом с «парканом». Перед валом с восточной стороны был водяной ров. Один конец его доходил до реки Мухавец, а второй — до ее рукава. В первой половине XIX в. в связи с ростом города ров был засыпан, а площадь поселения увеличилась до пределов, ограждаемых двумя рукавами Мухавца.

В 1566—1580 гг. в линии городских укреплений находилось не менее четырех проезжих башен. В восточной части размещалась «брама от улицы Заугринки», которая выводила на Виленский гостинец, на дорогу, ведущую в Кобрин, и далее в южные и восточные районы Беларуси. В разных документах она упоминается то как «брама Виленская», то как «брама Завгрынецкая». «Песочная брама» запирала «улицу Песок» и открывала дорогу к «гостинцу Краковскому» в Забужье. Третья проезжая башня открывала дорогу с городского рынка в замок, а четвертая — в Замуховечье, далее на Ковель и Волынь. Перед каждой «брамой» был мост. Городской вал проходил по краю островной территории, занимаемой «местом», и кругом был защищен реками. По-видимому, вода была и во рву с восточной стороны.

В районе «брамы Завгрынецкой» вал ранее «так был широкой за городнями, яко через две сажени вшыр на ров ку воде для хоженья и обороны вшелякое, а з другое стороны от места межи домы местскими, а межи тыми ж городнями вколо тот же вал так был широкий, яко два возы великих скарбных оменутисе могли».

Защищать город и замок были обязаны мещане и жители волости. В военное время здесь размещался дополнительный контингент войск. Так, во время Ливонской войны в июле 1566 г. здесь находились 600 конников. Жители, которые входили в цеховые военные объединения (мечники, слесари, кузнецы, резчики, столяры, шинкари, сапожники, пекари и др.), согласно уставам своих цехов обязаны были иметь «супольную армату, бубен и хоругву... для обороны места». Каждый цех со своим оружием участвовал в военных смотрах («полисах») и во всех «потребах меских» .

В 1648 г. во время освободительной войны против шляхетского гнета в Беларуси и на Украине казаки Б. Хмельницкого, среди которых было немало белорусских крестьян, полностью разрушили Брест. То, что чудом уцелело, было уничтожено в декабре 1648 г. королевскими наемными солдатами, которые вновь заняли город. В результате этих событий Брест и его укрепления, которые считались «воротами Великого княжества Литовского в Корону» и на которых основывалась «сила всей Речи Посполитой», пришли в такое состояние, что Варшавский сейм принял в 1654 г. специальную декларацию о

срочном восстановлении укреплений. Жители были освобождены от общественных налогов. Людей набирали для военно-фортификационных работ. Все жители, включая лиц духовного звания, привлекались к этому строительству. Руководил работами специально присланный королем инженер. Все это осуществлялось за счет доходов от Брестской экономии.

Во время войны между Речью Посполитой и Русским государством, в которой участвовала и Швеция, строительство укреплений в Бресте шло медленно. В конце октября — начале ноября 1655 г. около города оказались русские воеводы С. А. Урусов и Ю. Борятинский. Однако до взятия Бреста дело не дошло. Для этого не хватило сил.

Летом 1657 г. объединенное войско шведского короля Августа и Семиградского князя Ракоши осалило Брест и добилось успеха. Причиной тому была измена наемной немецкой пехоты. В условиях осады немцы «Брест сдали и сами остались у короля шведского, а осталось де их 1700 человек». По другим сведениям, противник овладел городом «через трактат», т. е. заставил гарнизон сдаться на определенных условиях.

В честь этой сомнительной победы была создана специальная гравюра, на которой изображена сцена осады Бреста. Нам представляется, что на гравюре изображен не реальный план Бреста и его укреплений, а попавший в руки шведов проект строительства нового, не законченного комплекса фортификационных сооружений города. Их возведение продолжалось в 1658 г. после того, как Брест удалось снова вернуть. Это произошло благодаря операции, разработанной гетманом Павлом Сапегой. 12 июля 1657 г. он приказал М. Радзивиллу, подчашему Великого княжества Литовского, возглавить отряд добровольцев для неожиданного нападения и захвата Брестской фортеции. Там находился гарнизон численностью не более 600 человек из войска Семиградского князя Ракоши. Гарнизон возглавлял престарелый комендант Гонди. Операцию по захвату замка подготавливали в обстановке особой секретности. П. Сапега приказал все тщательно разведать и, выбрав удачный момент, «учинить эксперимент: спешив людей, подобраться как можно тише, чтобы никто и пера не уронил», а затем атаковать укрепления, захватив противника врасплох.

Операция удалась. 20 августа о ней говорили как о свершившейся. Гетман в письме поблагодарил М. Радзивилла и его отряд, состоявший из «обывателей Брестского воеводства», как от своей «персоны, так и от всей Речи Посполитой за совершенный труд при отобрании Бреста, за что все Отечество должно отплатить благодарностью».

Судя по документам, гарнизон сдался на определенных условиях. 15 сентября 1657 г. П. Сапега обратил внимание М. Радзивилла на слишком поспешный отход из города гарнизона во главе с комендантом Гонди. В результате в замке не

досчитались одиннадцати пушек. П. Сапега приказал задержать семиградцев для выяснения вопроса и забрать у них часть оружия.

В освобожденном Бресте, опустошенном и разграбленном, началось медленное восстановление укреплений. Для завершения строительства Брестской фортеции в 1658 г. сейм Речи Посполитой выделил 10 тысяч злотых. Планировалось дать городу необходимое количество пороха, ядер и оружия. Гетман Великого княжества Литовского получил приказ содержать здесь столько пехоты, сколько будет необходимо. Однако реальные обстоятельства войны между Русским государством и Речью Посполитой делали подобные декларации лишь благим пожеланием. Не случайно в 1659 г. Варшавский сейм лишь продублировал ранее принятое постановление о Брестских укреплениях. Трудно сказать, что было сделано реально. 8 января 1660 г. войска царского воеводы И. А. Хованского, подойдя по льду к городским укреплениям, захватили их. До 13 января длилась осада замка, который был взят штурмом. И. А. Хованский находился в Бресте до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши.

В занятом городе воеводе пришлось строить укрепления для защиты своих войск. В донесении царю, датированном 9 марта 1660 г., он сообщал, что «Брест верхний город укрепил я накрепко, сверх старых крепостей по земляному городу нарубил тарасы в две стены рублены, а вышиною две сажени, а в иных местах и в две с половиной, хлебных запасов в Бресте года на два будет тем людям, которые оставлены, соли и пушечных всяких запасов гораздо много, сидеть в Верхнем городе бесстрашно от неприятеля, большого города занять некем, надобно посадить тысячи четыре, а на меньшую статью три тысячи, и то будет неприятелю страшно». Однако ход войны и Оливский мир между Швецией и Речью Посполитой, благодаря которому высвободились значительные воинские силы последней, вынудили Хованского оставить Брест и двинуться на Ляховичи. Укрепления города при отходе царскими войсками сожжены не были, поскольку о них говорилось 20 июня 1660 г. как о существующих. В 1661 г. Брест снова захватили русские войска, поскольку тогда же плохо вооруженная шляхта безуспешно пыталась добыть Брестскую фортецию. Несколько позже она снова оказалась в руках Речи Посполитой.

В разгар Северной войны в 1706 г. укрепления города не выдержали осады войск шведского генерала Мейерфельда. Тем не менее тактически выгодное размещение средневековых укреплений было использовано позднее. В 1828 г. на месте замка были построены пять бастионов. В 1833 г. началось возведение Брестской крепости, строительство которой завершилось в 1911 г.

Фортификация средневекового Менска

В систему обороны средневекового Менска, включенного в состав Литовского государства в XIII в., входили замок, который занимал древний детинец, и укрепления окольного, или Верхнего, города. Замок был возведен на правом берегу Свислочи в месте впадения в нее Немиги. Овальная в плане площадь замка (3 га) была обнесена по периметру мощным земляным валом. Песчано-гравийная насыпь достигала в ширину 20 м. Внутри вал был армирован специальным деревянным каркасом из сосновых бревен, положенных в девять накатов строго поперек и вдоль трассы вала. Позднее земляной вал укрепляли, усилив его внутренний склон специальными крюковыми конструкциями. Ширина насыпи достигала 30—32 м. Судя по сведениям XVII в., она возвышалась над Свислочью на 15 м.

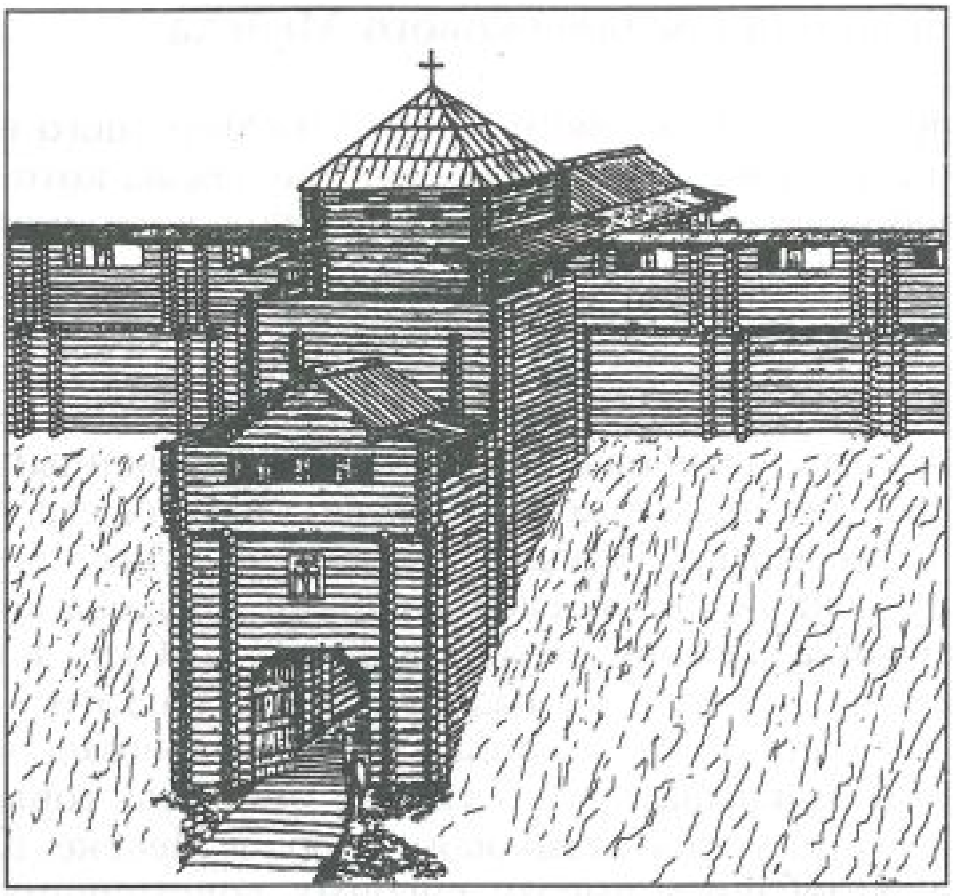
Земляной вал был построен в конце XI в., а укреплен в XII в. Вал должен был закрывать от обстрела с Соборной горы (Верхнего города) все постройки замкового двора в Менске. К высоте вала следует добавить высоту срубных конструкций (городней с «бланкованьем»), которые достигали 5—6 м. Хорошо укрепленный замок был защищен и водяным оборонительным рвом. Здесь протекала, огибая укрепления, река Немига. Подпруженная плотинами мельниц, она впадала под стенами замка в Свислочь.

Оборонительные сооружения окольного (Верхнего) города вряд ли были построены в XII—XIII вв., когда Менск стал занимать возвышенность к востоку от замка. Эта линия обороны сформировалась, скорее всего, в XIV—XVI вв. Она опиралась главным образом на естественные высокие склоны, у подножия которых с севера и востока протекала Свислочь.

В XIV—XVIII вв. укрепления средневекового Менска не раз испытали на себе удары неприятеля. Не только нашествия чужеземцев, но и внутренние междоусобные войны часто докатывались до его стен. Так, в 1434 г. мятежный князь Свидригайло, «прышодшы к Менску и город Менск зажег... а людей много в полон поведоша, мужи и жены». В Ольшевской летописи отмечается, что «Менск за один день взяли и место выжгли». Однако удалось ли войску Свидригайло взять замок — неизвестно.

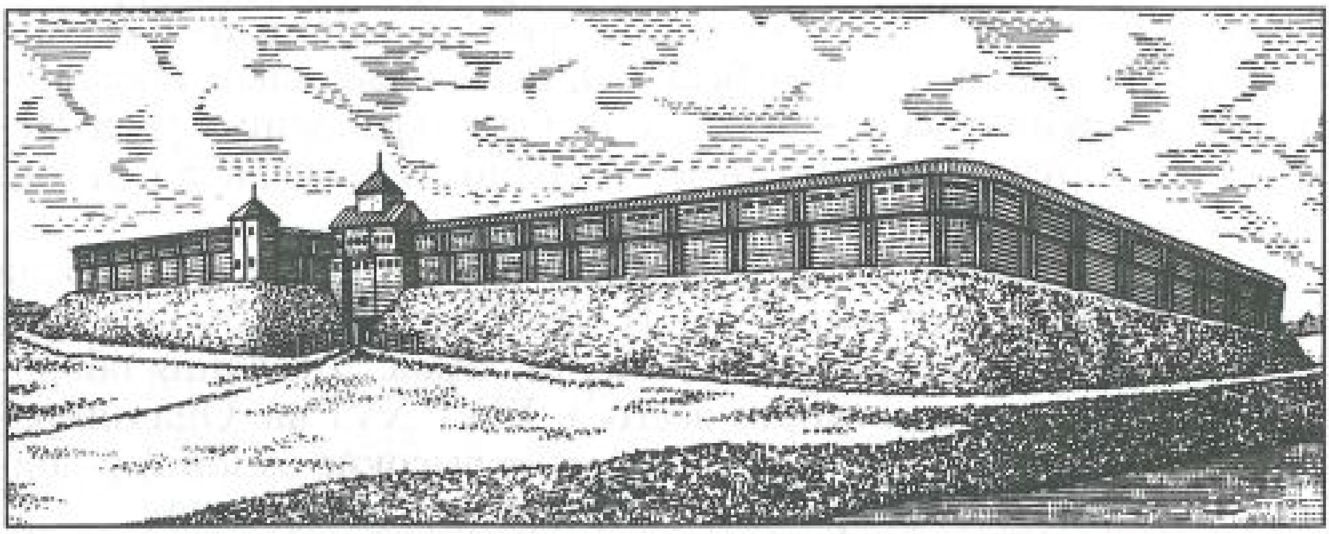
В 1506 г. перекопский хан Махмет Гирей двинул свои загоны на земли Великого княжества Литовского. Вскоре «он подышох под замок Менский, где стал кошем 15 августа». Вся округа и «место» были разграблены и сожжены, но замок «оборонился». Кроме разорения и плена татары принесли в Беларусь моровое поветрие, причинившее новые беды.

В 1508 г. под стенами Менского замка появился мятежный князь Глинский, который привел сюда полки русского воеводы князя Шемячича. Две недели длилась осада города, но по-

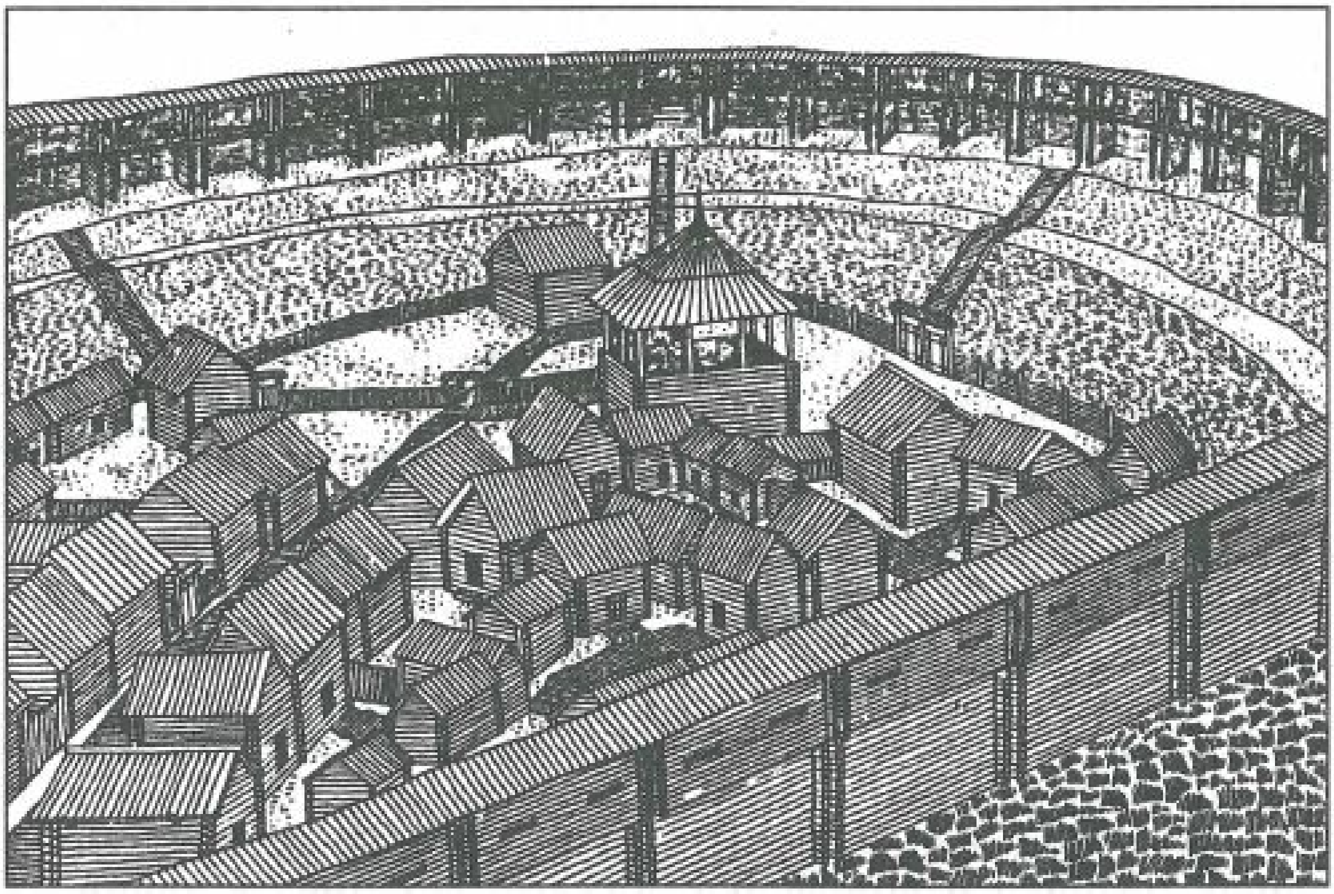
Въездные ворота и башня Менского замка. Реконструкция Ю. А. Заяца

Менск. Панорама крепости. XIII в. Реконструкция Э. М. Загорульского

дошло войско короля Жигимонта и «Глинского от Менска отстрашывшы, бо был вже Менск Глинский добывати почал». Повторно город был осажден в 1519 г. войсками русских князей В. Шуйского, М. Горбатого и С. Курбского и в том же году, вероятно, князем М. Кислицей, который ходил «под Молодечно и другие городки с новгородцами и псковичами». В 1534 г. через Менск из Борисова «с огнем и мечом дошли до Молодечны» войска русских воевод М. Горбатого и Н. Оболенского, «не занимаясь осадой крепости».

В документах «господарской канцелярии» за 1552 г. сохранилась запись о том, что «з божьего допущенья тот замок наш Менский недавних часов сгорел». В 1568 г., во время Ливонской войны, послы от Менского воеводства просили короля, чтобы он «замок тамошний Менский яко будованьем, так и з ласки свое господарское стрелбою водле потребы опатрити рачил». Они высказали просьбу, «абы там в Менску городни-

Менск. Восточная часть крепости. Реконструкция Э. М. Загорульского

чий от Его Королевской Милости дан был, яко ся то и перед тым заховывало, жебы всякого порядку и опатренья замкового подле надежности того враду доглядел». Король обещал решить эти вопросы «водле стародавнего звычаю».

Вероятно, вскоре замок был восстановлен, так как А. Гваньини, который был в Менске в 70—80-е гг. XVI в., писал, что это «большой деревянный город и замок, построенный из дерева, место довольно хорошо приспособленное к обороне природой и трудом, окруженное глубоким рвом-перекопом, по которому течет река, густо уставленная мельницами». Следовательно, благодаря системе плотин поднимали уровень воды не только в Свислочи, но и в Немиге. Таким образом, водой наполнялся оборонительный ров и замок превращался в островное укрепление. Большую роль в поддержании укреплений Менска в надлежащем состоянии сыграло то, что город получил в 1499 г. магдебургское право, которое было позже дополнено разными привилегиями.

В конце XV— начале XVI в. в замке было большое количество пушек. Здесь, как и почти везде тогда в Великом княжестве Литовском, пушкарями были в основном наемники-иностранцы. Нанимали их на определенный срок. В середине XVI в. иностранцы утратили доминирующее положение, их сменили пушкари, нанятые из местного населения. Менские пушкари обслуживали свой замок, кроме того, некоторые из них находились на службе вдали от родного города. Так, в 1552 г. на Украине в Черкасском замке служил «пушкарь на имя Ворона,

родом из Менску, жонатый, коваль и стрелец з дел добрый, порохи робит, дела оправует и знову ручницы ковати умеет».

Менск был важным торгово-ремесленным центром Великого княжества Литовского. Еще в середине XVI в. здесь появились корпорации ремесленников (цехи). Защищать город и досматривать его фортификации были обязаны сами горожане. Магистрат следил за тем, чтобы все ремесленные цехи отбывали свои военно-строительные повинности (это предусматривалось в их уставах).

До получения магдебургского права мещане Менска кроме работы в городе «ходили в сторожу» и предоставляли свои подводы войскам великого князя в военное и мирное время. После 1499 г. они «ходили в сторожу только на потребу земскую» по письму великого князя и при наличии его личной печати.

В 1591—1592 гг. магистрат города и король утвердили уставы кравецкого, кушнерского цехов, объединенного цеха, куда входили злотники, ковали, котляры, медники, слесари, часовщики, мечники и ножевники. Каждый цех имел в линии городской обороны строго определенное место. Для «потребы Речи Посполитой меской» по распоряжению магистрата цехи должны были «на час в мейсце певное являться, чтобы со зброей становилися до вахты меской и водлуг потребы не мешкая прибывать и всякое послушенство вряду зверхному мескому належачее во всем чынить». Приходить с оружием на цеховые сходки категорически запрещалось под угрозой штрафа («кары воском чверть каменю»). Интересен четвертый «артикул статута» цеха лекарей-цирюльников 1635 г., касающийся их воинских обязанностей. В случае «гвалту неприятеля якого на город» все лекари по приказу городских бурмистров должны были с оружием явиться туда, куда им приказано. Исключением из правил мог быть случай, когда лекарь находился возле «тяжелобольного, от которого тяжко отойти». Тогда он должен был отправить вместо себя вооруженного слугу или помощника. Военными делами в цехах ведали цехмистры. Во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. наиболее многочисленные цехи имели для этого особых «хорунжих». Инвентари Менского замка XV—XVII вв. и городских укреплений не сохранились.

В 1648 г. во время полыхавшей на территории Беларуси и Украины войны в «Менску жолнеры и мещане в осаде от черкас и гультяйства сидели». Спустя некоторое время мещане находились в осаде уже королевских «жолнеров», которые требовали от них «стацию» (провиантский налог). Эта осада велась по всем правилам военного искусства, так как после нее городские укрепления очень пострадали.

В 1654 г., в преддверии очередной войны между Речью Посполитой и Русским государством, мещане города доброволь-

но согласились дать деньги «на направу валов Менских зруйнованых и брам». Однако сведений о строительстве и ремонте укреплений в то время не сохранилось. С 1654 г. и до середины 1655 г. Менск был базовым городом, где концентрировались войска.

Отсутствие должной фортификации заставило Речь Посполитую дать бой царским войскам окольничьего Б. М. Хитрова, воеводы Я. К. Черкасского и казакам И. Золотаренко не под стенами города, а за пять верст от него. Сражение было проиграно, «литовские люди» были вынуждены отступать до Менска. В городе закрепиться было негде, поэтому «...те люди тот город Менск покинули, побежав из города, разметав мосты, на другую сторону, на поле». Царские войска и казаки, войдя в Менск, навели мосты и, переправившись через Свислочь, подошли к замку. Не начиная осады, окольничий Б. М.- Хитров у ворот поставил пехоту, а с остальными войсками, перейдя реку, «взошел на поле, и литовские люди учинили большой бой с ними». Исход боя неизвестен. Что касается Менского замка, то мещане оказали сопротивление неприятелю. Менск был в списке городов польских и литовских, которые «взяты». Произошло это 3 июля 1655 г.

К моменту прихода царских войск в Менск этот важный административно-хозяйственный центр был пуст. Жители покинули город, уйдя в глубь государства, в Вильно и далее. Здесь остались лишь «войт Ивашко Жыдович с товарищы полтораста человек».

3 декабря 1655 г. царь отдал приказ стоявшему в Борисове стольнику и воеводе А. И. Еропкину послать в Менск две роты солдат с начальными людьми и «в Менску для всякого береженья сделать крепость, какую пристойно, и солдатам быть в Менску до нашего указу». Помогать воеводе должны были «менского повета шляхта, всякие служебные люди, мещане и пахотные люди».

Из-за нежелания шляхты давать своих крестьян на «острожную работу», так как царь особой грамотой освободил шляхтичей от нее, укрепления в Менском замке возводили, главным образом, русские солдаты. Строительство началось в декабре 1655 г. еще при воеводе Иване Колобове, которого затем сменил Богдан Аладьев. В руки нового воеводы перешли ключи от города, он стал «ведать нарядом», пушечным зельем и житницами. Аладьев осмотрел замок, выяснил, каков он «мерою и каковы проезжие ворота», оценил состояние других «крепостей», рва и колодца. Налицо были четыре полковые пушки, небольшой запас свинца и пороха.

В февраля 1656 г. царю сообщили о работах, проведенных в Менском замке:«На старой осыпи поставили башню, а на осыпи поставили туры большие и насыпали. Осыпь от реки Свислочи вверх 14 сажен, по обе стороны — по 10 сажен, поперек того, да

поставили острог полутретьи сажени вверх, а посеред острогу поставили башню 3 сажени». Всего было отремонтировано 309 саженей укреплений, но оставалось еще 120 саженей. В старинных документах записано: «Вкруг около осыпи все обошла вода. Поставили город только тремя ротами, уезд весь пуст».

В других документах упоминаются укрепления вокруг «места»: «И в Менску... старая осыпь круг всего посаду велика. А на которой осыпи поставили турки небольшие, те турки накладены кирпичьем, да меж той осыпи поставлено тыну в ветчаном лесу для поспешенья». Характерно, что в русских документах того времени замковые и городские укрепления назывались «осыпями», там нет ни слова о деревянных навальных конструкциях. Это дает основание полагать, что в Менске тогда была бастионная фортификация. Русские воеводы старались возводить на таких укреплениях деревянные стены и башни.

К июню 1656 г. все, что было сделано зимой, развалилось. Воевода Ф. Арсеньев написал царю, что «в Менску острогу нет ни худова ни доброва». Это вызывало беспокойство не только у русских ратных людей, но и у оставшихся в городе мещан, которые боялись шведских солдат, приходивших из-под Слуцка. Шведы не забирали в плен население, но нещадно грабили его, уводя с собой «лошадей и животину всякую». Царь требовал «в Менске острог покрепить служилыми и уездными людми». Воевода не мог этого сделать, так как у него было всего 20 рейтар и 270 пеших солдат, которые стояли «по осыпи» в карауле. Не было в повете и шляхтичей, так как они «от казацкого разоренья разбежались неведомо куда». Осложнились дела и тем, что царскими солдатами были «татары да мордва, русского не знают».

Учитывая ситуацию, царь грамотой от 26 июля 1656 г. приказал над шведами «промышлять сопча» с борисовским воеводой И. Ржевским «сколько милосердный Бог помощи подаст». В связи с тем что возить лес и ремонтировать старый острог в Менске было некому, предлагалось сделать новый. Местом для него воеводы выбрали Верхний город, где в центральной части размещались монументальные сооружения. Там были городская ратуша и тюрьма, королевский двор, торговые ряды, а также Свято-Духовский монастырь («Духов монастырь») и костел францисканок. Эти храмы упоминаются в отписках и грамотах того времени. Кроме них здесь находились монастыри бернардинок и бернардинцев, доминиканский костел и монастырь. Оставалось объединить эти могучие строения одной линией укреплений, заделав промежутки между ними деревянными стенами, что и было выполнено царскими солдатами и мещанами.

Как отмечал русский воевода В. Яковлев, заменивший умершего Ф. Арсеньева, около Свято-Духовского монастыря были

«ограда каменная и бои верхние и нижние, стену сделать можно и заделка у той стены будет небольшая». Монастырская ограда достигала в длину 100 саженей. К ней еще добавили 53 сажени деревянной ограды. Характеризуя костел, воевода писал, что он «добре велик, каменной, в нем полковой и подошвенный и мушкетный бой, к Духову монастырю близко будет». Костел находился в 25 саженях от монастыря. На территории нового острога, обведенного рвом, был вырыт колодец. Новые укрепления возводили в 1658 г. Был ли задействован во время войны 1654—1667 гг. новый острог, построенный в Верхнем городе, неизвестно, однако факт использования инкастеллированных храмов в качестве городских укреплений весьма знаменателен.

В документах XVII—XVIII вв. Менский замок фигурирует больше в качестве места проведения шляхетских сеймиков. Однако еще в 1750 г. там стоял замковый гарнизон, где находились хорунжий, подхорунжий и рядовые солдаты. Вал вокруг замка был тогда в исправном состоянии.

В то время еще существовала городская линия фортификации в виде вала с девятью бастионами, земляными куртинами длиной около 2 км и оборонительным рвом перед ними. Ворот в линии укреплений было двое: в сторону Койданова и далее на Брест, другие — на Раков и Вильно.

После войны середины XVII в. экономическая жизнь Менска возрождалась с трудом. В 1664 г. в городе вновь был организован объединенный цех злотников, кузнецов и котляров. Позднее обособился слесарный цех, который имел своего «хорунжего», ведавшего военными делами. Грамотой от 26 июля 1662 г. король Ян Казимир обязал всех проживающих на городских землях мещан «...во всяких обстоятельствах находиться в подчинении городским законам и обычаям, под управлением и в пределах подсудности Менского городского магистрата, уплачивать городские подати и сборы на текущие потребности и на солдат, а также выполнять повинности, давать подводы и участвовать в защите укреплений города Менска».

В результате Северной войны город вновь пришел в упадок. Его несколько раз осаждали то русские, то шведы, и всякий раз он платил громадные налоги. Еще в 1744 г. ощущались последствия этой войны. В королевской грамоте Менску о правах и привилегиях отмечались его разорение, опустошение и разрушение вследствие вражеских нашествий, грабежей, поджогов, мора и голода, солдатских постоев, взимания гиберны. Жители Менска вынуждены были скитаться «по другим городам и углам». Однако и тогда магистрат поддерживал в городе традицию городского ополчения, которое иногда причиняло ему немало хлопот. Так было в 1750 г., когда «около 1000 людей с барабанами, копьями, ружьями, пиками и другими при-

способлениями», ударив ночью в набат, напали на представителя замковой администрации и солдат гарнизона.

После того как Центральная Беларусь вошла в состав Российской империи, в 1793 г. было составлено «Топографическое описание Менской губернии», где дана характеристика остатков городской фортификации. Отмечалось, что «Менск положение имеет скатистое, по обе стороны реки Свислочи. Окружен был в древние времена земляным, весьма посредственной высоты валом и рвом, внутри коего по правую сторону реки Свислочи находится еще небольшое овальное старинное укрепление, называемое замок, но за давностью времен оное приходит в упадок».

Средневековый Борисов

Поселение Борисов было построено на левом берегу Березины при слиянии с ней реки Прильи (Прялья, Алешка). Это произошло в конце XIII– начале XIV в. Новый замок находился на площадке, обнесенной глубоким рвом, который был наполнен водой. Ров отделял замок с востока от подзамка и разраставшегося рядом поселения.

В первой четверти XVI в. начались активные действия русских войск в Восточной и Центральной Беларуси. В Патриаршей летописи сохранилась запись, сделанная в 1514 г.: «...в Борисове стояли великого же князя воеводы — князь М. И. Булгаков да брат его князь А. И. Булгаков и иные его воеводы с людми». В летописи не сообщается, был ли тогда взят замок. Вполне вероятно, что нет, как это было с упоминавшимся тогда же Менском.

Через 5 лет русские войска вновь подошли к стенам Борисова. Со стороны Смоленска в направлении Орша–Менск–Вильно действовали девять московских воевод, которые «...воеваша и плениша Литовскую землю». Среди «повоеваных городов» упоминается и «Борисово». В 1535 г. воеводы от Смоленска «начата воевати королеву державу», включая «Борисово».

Военные разрушения касались главным образом собственно города. Следующие сведения о Борисовском замке, которые зафиксировал М. Стрыйковский, относятся ко времени Ливонской войны. По его данным, город выглядел следующим образом: «Борисов — деревянный город, замок укреплен башнями и парканом, ибо между парканов внутри нафасованы земля и камни для лучшего отражения неприятеля. Река Березина вокруг замка. В нем постоянно содержат гарнизон солдат от вторжения неприятеля».

В 1593 г. также были сделаны описания Борисова. В январе через город проезжал Трифон Коробейников, отметивший, что «городок Борисов невелик, поменьше Дорогобужа, под ним

р. Березина, да около пруд, а от городка, едучи к Менску, мост древяной через реку, в длину его сажен з 200». Под городком следует понимать замок.

Несколько другим показался Борисов послу австрийского императора Николаю Варкочу, который был здесь 24 августа 1593 г.: «...останавливались в Борисове, довольно обширном городе, но с очень маленькими зданиями, как и обыкновенно в Польше и Литве. Близ него довольно большой замок из дерева».

Благодаря зарисовкам князя Богуслава Радзивилла, который путешествовал по Беларуси в 1647 г., мы знаем, что в то время Борисовский замок имел совершенно другие укрепления, чем в конце XVI в. На плане, снятом Радзивиллом, замок представлен в виде укрепления с пятью бастионами, окруженного глубоким рвом.

Летом 1654 г. началась война с Русским царством. Борисов впервые ощутил ее горячее дыхание лишь через год, в июне 1655 г. Сюда из Копыси был направлен русский воевода Ю. Борятинский с 700 солдатами и драгунами. Их задачей было занять город и замок и разбить отряд шляхтича К. Поклонского, бежавшего из Могилева после измены русскому царю. В ночь на 10 июня 1655 г. под городом Борисов произошел бой, в котором войска К. Поклонского потерпели поражение. Русскому отряду не удалось взять замок, поскольку гарнизон сумел отразить неоднократные штурмы и нанес наступавшим существенный урон. Тогда на Борисов был брошен отряд окольничьего Б. М. Хитрово. 19 июня город и замок были взяты с боем и сожжены. Остатки гарнизона, отступая на правый берег Березины, сожгли за собой мост. 14 сентября царь велел воеводе немедля «в Борисове город делать земляной или деревянный, смотря по тамошнему». Стены в остроге нужно было сделать «с обламами».

Борисовский замок быстро восстановили солдаты и рейтары русской армии, которым помогали окрестные крестьяне. Один из окольничьих сделал донесение царю, что он, «пришовшы в Борисов через Березу-реку, построил мост, а на другой стороне реки — земляной город». Восстановлен был и «острог на Березе-реке».

Затянувшаяся война потребовала создания в Борисове более основательных сооружений. В 1657 г. царь поручил воеводе В. Шереметьеву «досмотреть городовых и острожных всяких крепостей по городу и по острогу проезжих ворот, глухих башен, какие тайники, колодези и какова в них вода». В результате осмотра было составлено донесение, где говорилось, что «город делан острогом в четыре стены, а меж стен насыпано землею, а сверху острогу почал делать город рубленой стены». В ходе этих работ на земляном валу были сооружены башни и стены, выкопан колодец, сделан тайник к Березине, возведены жилые и хозяйственные постройки, главным образом хлебные амбары.

События 1658 г., когда положение русских войск в Беларуси было сложным и они оставили ряд городов, привели к тому, что Борисов вновь оказался в руках войск Речи Посполитой. Однако удержать город им не удалось. В ходе ожесточенных сражений Борисов, его замок вновь оказались у русских. Воевода Ф. Нарбеков 29 июня 1658 г. писал царю, что он принял город от воеводы И. Ржевского, «только земляной вал оставлен деревянным стоячим тыном, а крепостей никаких по городу, ни боев с города, обороны и очистки городу никакой не было». В 1659 г. по всему валу были возведены новые тарасы в две стены высотой 3,5 аршина из прочного соснового леса. В стенах были бойницы. На тарасах устроили «изнутри города стены на столбах на перекладах катков по три бревна толстых». Тогда же был восстановлен «вновь из земляного города у проезжих ворот в реку Березину к воде тайник, из него пропустили текучую воду из реки Березини, и тот тайник покрыли землею, укрепили незнатно и прочно, в приход неприятельской и в осаду в Борисове ратным людям водою нужно наколи не будет».

На территории подзамка были насыпаны бастионы («выводы»), устроены «полати», положены «катки на столбах же и на перекладах... по три бревна тяжелых», а линии вала подзамка и замка были соединены между собой. Для этого в дно водяного рва были вбиты сваи, а над водой из брусьев и железных связей на них устроен висящий каркас, на котором стояла острожная стена. Эта сложная конструкция была довольно прочной. В замке стояло более 145 разных построек и житниц. Стройматериалы поставляло местное население, которое также привлекалось для выплавки железа на руднях под Борисовом. Кузнецы ремонтировали мушкеты, станки и колеса для 12 борисовских и 12 других пушек, которые были доставлены сюда из Гродно и других городов.

Воевода К. О. Хлопов, принявший в мае 1680 г. Борисовские укрепления, к вверенному наследию относился весьма критически. Он счел необходимым уведомить царя, что «город Борисов де сделан невелик, потому что в те поры, как делали город, застало зимнее время и в приход воинских людей ... в старом городе будет сидеть невозможно, потому что сделан мал и занят твоими хлебными запасами». За этим последовало продолжительное служебное радение нового воеводы. В конце 1660 — начале 1661 г. К. О. Хлопов информировал царя: «Город Борисов твоими ратными людми во многих местах по городовой стене рухомые места переправил и вновь поделал, над городом и около города Борисова и острога ров выкопал, ров широкой и глубокой, устилал во рву по все стороны дерном и около рву ставил кругом города и острога честики частые, а из реки Березыни около острогу рвом пропустили воду в реку ж Березыню». Однако из-за лютой зимы и бескормицы осталось «до весны недоделанными два саженя укреплений».

В то время Борисов представлял собой весьма солидное укрепление, к тому же достаточно хорошо оснащенное артиллерией. В конце июня 1660 г. здесь числилась 21 пушка. В 1661 г. в городе были «4 пищали медных виленских, 30 пищалей медных полковых, пушечка малая полковая, пищаль медная дробовая виленская, большой запас пороха (390 пудов), ядер, пуль».

Борисовский замок выполнял и другую функцию. Он был складом и перевалочной базой при отправке из Литвы и Беларуси в Смоленск трофейного оружия, запасов сухарей, солода, крупы, гороха, муки, ржи, овса, пшеницы, бобов и т. п. В конце 1660 г. отсюда отправили в Смоленск «30 полковых пищалей, 37 пищалей затинных, 252 пуда ручничного и пушечного пороху, 290 пудов свинца и мушкетных пуль, 4 пищали виленские большие медные, виленскую медную дробовую пушку, малую железную пушку». Кроме того, вывозили и квалифицированных ремесленников. Тогда же было отправлено «борисовских мещан ... всяких мастеровых людей 6 человек, польских —7 человек», а также десятки тонн хлеба, поставлялись шишаки, холодное оружие, заступы, лопаты, топоры, трофейные барабаны, литавры и знамена. В случае неожиданного нападения гарнизон Борисова мог воспользоваться своими запасами и выдержать длительную осаду.

Зимой 1661 г. город был осажден отрядами С. Чарнецкого, которые пытались «изгоном» захватить его. Как видно из докладной воеводы К. Хлопова царю, гарнизон «кругом города Борисова на Березыне скалывал лед, и на городовой стене караулы были беспрестанные так же, как было в прежней осаде при Чернецком, чтоб польским и литовским людям придти к городу Борисову безвестно не мочно».

Работы по укреплению Борисова продолжались. Был выкопан новый оборонительный ров шириной 7 и глубиной 4 сажени. Городовую стену обложили дерном, чтобы ее «зажечь было не мочно», водяной ров дополнительно укрепили частиком. На подзамке возвели башни земляные, а на них «нарубили стены деревянные с обламами и бойницами и поделали в башнях раскаты для пушечной стрельбы и подошвенного бою в приступное время и для городовой очистки».

В июне 1661 г. город постоянно находился в осаде. Ситуация складывалась критическая. 27 июня К. Хлопов писал царю: «К Менску и Борисову учали польские и литовские люди через реку Березыню переправляться, и я, холоп твой, видя в Борисове малолюдство, острогу всего держать нечем, две доли острогу выжег, а треть острогу в прибавку к городу по ворота укрепя, большою крепостью оставил для воды и твоих, великого государя, хлебных запасов». Эти запасы вначале причинили воеводе немало хлопот, поскольку перевести в замок их было невозможно, так как «запасных порожних житниц в городе не было, а

всего острогу было выжечь нельзя, чтоб к острогу и городу проток из Березыни, а из того протоку воду емлють в город».

Однако противник все же «отнял воду» у замка, пытаясь закрепиться в посаде. В этой ситуации воевода сжег его, «чтобы польским и литовским людям пристанища не было». 1 июля 1661 г. к Борисову подошли большое войско С. Чарнецкого, В. Боловича, А. Русецкого и отряды «литовского полку Павла Сапеги с литовскими пехотными людьми». В августе город пытался захватить отряд Кмитича. Борисов почти год находился в осаде. Однако хлебные запасы сыграли свою роль. Лишь 9 июля 1662 г. русские войска оставили город.

Барон А. Мейерберг, проезжавший спустя три месяца через Борисов, написал: «2-го октября в 120 верстах от Могилева предстал нашим глазам Борисов. Он состоит из двух крепостей на левом берегу Березины, которой воды, умноженные водами сливающейся с нею речки Схи, протекают и окружают его. Строений в нем никаких нет, кроме убогого жилища воеводы с часовнею. В июле 1655 года москвитяне взяли эти крепости вооруженною рукою, но через 7 лет, в том же самом месяце, должны возвратить были их опять литовцам, изнуренные голодом по случаю медленного облежания, а прилегавший к крепостям город разорен».

Бернгард Таннер, который был в составе польского посольства в Москве в 1678 г., оставил запись, касающуюся Борисовского замка и города: «Городом этим владели москвитяне благодаря удобству, предоставляемому большой рекой Березиной, о чем и теперь еще свидетельствуют виднеющиеся остатки стен и валов».

В конце XVII в. замок и подзамче были приведены в порядок и содержались в хорошем состоянии вплоть до конца XVIII в.

Гомельские укрепления

В XII–XVII вв. Гомель был мощным центром обороны Нижнего Посожья. Укрепления с земляным валом и частоколом появились здесь еще в XI в. Позднее вал многократно укрепляли. Видимо, не случайно во время междоусобиц за гомельскими укреплениями искал спасения великий киевский князь Изяслав Давыдович (1159). В 1164 г. здесь был основан княжеский стол, которым владел одно время князь Игорь Святославович — герой «Слова о полку Игореве».

Замок стоял на высоком правом берегу реки Сож при впадении в нее ручья Гомия (Гомеюка). Он был отделен широким оборонительным рвом от городских кварталов. Площадка имела сегментовидную форму, периметр укреплений достигал 460 м. Крутые и высокие склоны в сторону Сожа и Гомия удачно сочетались с искусственными укреплениями.

С конца 30-х гг. XIV в. Гомель находился в составе Великого княжества Литовского. С этого времени он жил судьбой порубежного укрепленного города на юго-восточной окраине государства, занимая важное место в оборонительном поясе замков Посожья. Вместе со Стародубом Гомель входил в удел князя Патрикия Наримунтовича, племянника Ольгерда. В 1406—1419 гг. Гомелем управлял великокняжеский наместник, затем им владели князь Свидригайло (до 1435 г.), беглый русский князь Василий Ярославович Боровский (1436—1452), возвратившийся позже домой. С 1452 г. город снова оказался в руках престарелого, много повидавшего на своем веку князя Свидригайло. После его смерти Гомель был отдан беглым можайским князьям, отказ которых в 1499 г. принять католичество привел к длительной борьбе за обладание городом. В 1500 г. в нее включился и московский великий князь, у которого можайские беглецы нашли поддержку. До 1535 г. Гомель почти ежегодно подвергался нападениям войск Великого княжества Литовского, но каждый раз выдерживал осаду. Это является доказательством мощи его башен и стен, за которыми постоянно укрывался значительный гарнизон московских князей.

В июне 1535 г. был организован поход сильного войска Сигизмунда I, которое возглавляли гетман Великого княжества Литовского Юрий Радзивилл, гетман коронный Ян Тарновский и киевский воевода Андрей Немира. Войска осадили Гомель по всем правилам тогдашней военной науки. Кроме артиллерии там были специалисты по ведению подкопов. Сигизмунд поставил задачу: «Замок мощный и обороною способенный Гомей взять или хоть огнем его спалить». Рассчитывая на победу, король распорядился разослать «листы» наместникам городов Поднепровья и Посожья с требованием выделить от каждой волости определенное количество людей «добрых с топоры, которы бы мели тот замок Гомей зарубити».

Гетман Ю. Радзивилл, начав осаду, основную ставку сделал на артиллерийский обстрел Гомельского замка: «А так в середу весь день на замок стрелба била, а потом с середы на четверг всю ночь и в четверг мало не весь день с наших дел стрелбу чинили». Как свидетельствует Патриаршая летопись, находившийся в Гомеле наместник — русский князь Дмитрий Щепин-Оболенский оказался «не храбр и страшлив, видев люди многие и убоявся, из града побежал, дети боярские с ним же и пищалники». В замке остались только «тутошние люди немногие гомельяне», которые, видя «воеводское нехрабрство и страхование, здаша град». Запасы замка, подремонтированного присланными плотниками, были пополнены. Великокняжеский подскарбий Иван Горностай направил сюда «вей потребы салетру, и порох, и кули, и свинец».

Решением короля в 1537 г. гомельские мещане и вся волость были освобождены от «робления замку Гомейского на 1 год под тым обычаем, иж они не мели до году одного замку рубити и ничего в нем оправовати, хиба естли бы которые кгонты в замку опали, або дощечка ся где оторвала, то мели за ся прибити и направити». Однако местный «державца» князь И. Толочинский отобрал королевские привилегии у мещан и стал «их примушати» выполнять разные работы в замке, а непослушных сажал в башню, забирая в залог жен и детей. Присланного для разбирательства дворянина он «зсоромотил и бити его хотел». Это вызвало гнев короля, но главная причина недовольства и тревоги за ситуацию в Гомеле сформулирована была предельно ясно в его грамоте: «Знать и помнить необходимо, иж тот замок за великим накладом к рукам нашим пришел ...иж тот замок на Украйне есть, а к людем украинным треба ся ласкаве захватити и не годиться им ни в чем обтяженья чинити».

Подобно другим белорусским замкам, Гомельский замок имел мощный оборонительный вал, деревянные многоярусные башни, стены-городни с боевой галереей («бланкованьем»), а также въездную браму с подъемным мостом («узводом») через ров. Стены укреплений на значительную высоту были обмазаны глиной, которая предотвращала их гниение и выполняла противопожарную функцию. Из замка был прорыт тайный подземный ход к реке Сож, откуда во время осады брали воду.

Наряду с укреплениями Гомельского замка с 1561 г. упоминаются и укрепления «места», т. е. линии собственно городской фортификации. Гомель был окружен земляным валом, на самом верху которого стояли деревянные башни и стены — городни. Въехать в город и выехать из него можно было через Чечерскую, Могилевскую, Речицкую и Водную «брамы». Последняя выводила на городскую торговую пристань. Перед валом находился глубокий ров с подъемными мостами, подведенными к брамам города.

Оборонное значение Гомельского замка особенно возросло в связи с ожесточенной борьбой против постоянных разорительных набегов крымских татар. Как известно, татары за тридцать лет (с 1500 по 1530 г.) 14 раз нападали на земли южной, юго-восточной и центральной Беларуси (в 1503 и 1508 гг.— дважды в год). С 1474 по 1569 г. они совершили 75 походов на Великое княжество Литовское. Один раз их наголову разбили под Чечерском. В походах татар в 1532 и 1551 гг. принимали участие турки, которые умели брать города штурмом.

Учитывая важность и значение Гомельского замка для защиты государства и исходя из того, что «...иж кождому оборона и осторожность есть потреба», сюда из ближайших городов были отправлены хлебные запасы и группы конной «сторожи», а из Виленского арсенала в 1522, 1562 и 1563 гг. достав-

Гомельский замок.
Рисунок с карты XVI в.

лялись вооружение и амуниция. Так, верховная власть обязала Чечерскую волость содержать в Гомеле за свой счет отряд «сторожи». Не исключено, что ее присылали и другие города — Пропойск, Рогачев. Сюда же из Рогачева перевезли большое количество ржи и овса «ку наспижованью замку». В 1557 г. в гарнизоне Гомельского замка насчитывалось до 200 человек «драбов». Для ремонта укреплений было привлечено население Чечерска, Пропойска и других волостей Поднепровья и Посожья. В середине XVI в. Гомельский замок превратился в региональный центр обороны юго-восточных земель Великого княжества Литовского от грабительских набегов перекопских татар.

Во время Ливонской войны Гомель ненадолго заняли войска Ивана Грозного, однако в июле 1576 г. отряд гетмана Юрия Радзивилла сумел захватить город. В 1581 г. он опять подвергся нападению царских войск, которые «...до замку неведоме ночью пришедши, на место ударили и место огнем выпалили». Однако замок им взять не удалось.

В годы войны между Русским царством и Речью Посполитой в Гомельском замке постоянно находился небольшой гарнизон, который состоял из 40 казаков и 40 солдат. Их поддерживало городское ополчение. В 1633 г. Гомель противостоял казацким сотням Богдана Булгакова и Ивана Ермолина, которые не смогли захватить замок. Во время осады города Б. Булгаков был ранен. В октябре 1648 г. украинские казаки во главе с полковником Гловацким и белорусские крестьяне заняли Гомель, ограбив шляхту и состоятельных людей. Мещане почти все «показачились». Однако отряд Гловацкого недолго пробыл в Гомеле, так как вскоре Б. Хмельницкий отозвал его на Украину.

В 1649 г. после Корсуньской битвы Гомель был занят казаками полковника Небабы. Зборовский мир позволил литовскому гетману Я. Радзивиллу сосредоточить большое количество войск для подавления восстания на Гомельщине и взять Гомель, Чечерск и другие города.

В 1651 г. Б. Хмельницкий начал новое наступление на южные города Беларуси. В июне черниговский полковник Небаба направил к городу войско полковников Забеллы и Окшы. Вначале здесь было 7 тысяч казаков, а затем подошло еще 10 тысяч. Гомель защищали большой наемный гарнизон и ме-

стное ополчение. 13 июня казаки начали рыть шанцы, подводя их под самый паркан. Около полуночи они подползли к паркану и попытались закрыть нижние бойницы. Если там появлялся ствол мушкета, по нему били обухом. Затем последовал штурм, но враг был отбит.

После первой неудачи Забелло послал людей в Чернигов к Небабе за подмогой. Тем временем казаки попытались выманить гарнизон из города, разыграв сцену боя якобы с подошедшими на выручку Гомелю войсками. Однако осажденные разгадали этот маневр, и ни один солдат из брамы не вышел. После этого казаки два дня готовились к новому штурму, соорудив 14 гуляй-городов, которые замаскировали ветками. С наступлением ночи они подкатили к Чечерской браме четыре гуляй-города, три — к мосту через оборонительный ров, но из-за огня, который осажденные вели из пушек и мушкетов с замковых укреплений, вынуждены были отступить. В ту же ночь казаки под руководством полковников Литвинко и Поповича безуспешно «раз по 15 ходили на штурм» замка. Позднее Небаба на некоторое время отозвал их из Гомеля. В конце июня 1651 г. они снова осадили город. Тогда гарнизону было прислано подкрепление, и он устоял.

В 1653 г. в порубежных замках Посожья находились дополнительные гарнизоны. В Гомельском замке в марте 1654 г. было 700 человек пехоты, присланной гетманом Радзивиллом. По некоторым сведениям, летом 1654 г. гомельский гарнизон насчитывал 2 тысячи человек. Это была главным образом немецкая и венгерская пехота, а также рота татар.

В июне 1654 г., в начале войны между Русским государством и Речью Посполитой, на Гомель из Новгород-Северского двинулось войско наказного атамана И. Золотаренко, которое насчитывало 20 тысяч конных и пеших ратников. И. Золотаренко «... армат узял с собою немало, а также запас пушечный», что позволило ему приступить к осаде крупнейшего на Нижнем Посожье замка. Сообщая царю Алексею Михайловичу о своем походе, атаман писал, что «Гомель есть всем местам граничным литовским головою. Место велми оборонное, людей служилых немало, снарядов и пороху много».

Войско И. Золотаренко без особых усилий преодолело городские укрепления и подошло к Гомельскому замку. Расставив вокруг него и на соседних холмах пушки, казаки начали осаду, «промышляя всеми промыслы ратными». За время осады до 11 июля они четыре раза безуспешно ходили на штурм. Осажденные предпринимали ответные вылазки. Во время одной из них был убит черниговский полковник Степан Подобайло, который уже был в Гомеле в 1649 г. Осада замка затянулась, и казаки решили вынудить его защитников сдаться из-за «голода и безводья».

За ходом осады следила вся Восточная Беларусь. Понимая, что гомельчане своим упорством «всей Литве и войскам ее сердца и смелости додают», И. Золотаренко обратился к осажденным от имени царя и Богдана Хмельницкого с предложением сдаться, но те «гордо и сурово» отказались. Тогда казаки втащили несколько пушек на Спасскую церковь, которая стояла за Гомеюком недалеко от замка, и стали стрелять раскаленными ядрами. В замке начался пожар. Вылазка с целью ликвидации этой артиллерийской позиции окончилась для осажденных неудачей. Вскоре казаки взорвали потайной ход к воде, что и решило участь замка. Как было написано в донесении царю 13 августа 1654 г., после более чем полуторамесячной осады «гомляне, полковники, ротмистры и со всеми своими людьми покорилися».

Война 1654—1667 гг. значительно повлияла на состояние городских укреплений. Однако замок, судя по сообщениям того времени, все еще сохранял свою мощь. Известно, что владелец Гомельского староства князь Михаил Чарторыйский в 1737 г. построил здесь новый замок с башнями, в стенах которого были многочисленные бойницы, углубил рвы и укрепил подъемный мост.

В одном из архивных документов 1765 г. перед нами предстает жизнь Гомеля, в то время небольшого городка, в котором насчитывалось всего 206 домов. Мы не находим здесь описания укреплений, но в топографии города улавливается их присутствие. Это чувствуется, когда читаешь о людях, живших за «брамою Водной», на улице Речицкой «под валом» или на улице «у рове».

В 1772 г. Гомель, как и вся Восточная Беларусь, был включен в состав Российской империи и пожалован «для увеселения» графу Румянцеву. Через некоторое время башни и стены деревянного замка были разобраны, а валы срыты. В 1785 г. по плану Б. Растрелли здесь было начато строительство существующего ныне каменного дворца.

Оборонительные сооружения Могилева

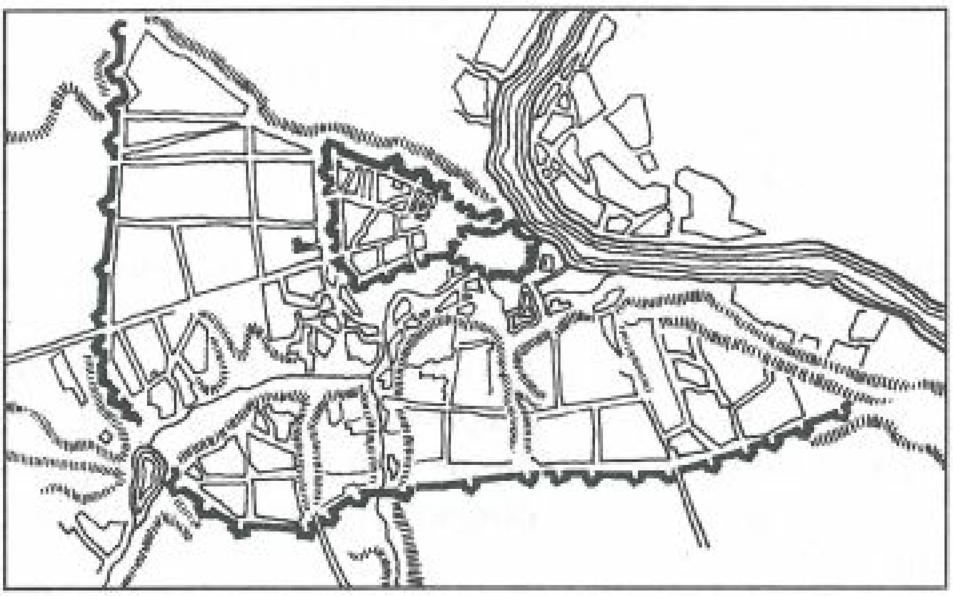
Версия о происхождении и становлении восточно-белорусского города Могилева была дополнена и уточнена благодаря современной науке. Теперь нам совершенно ясно, что сведения о его основании в 1267 г. князем Львом Даниловичем Галицким — не что иное как миф. Не причастен к этому и киевский князь Лев Данилович Могий, хотя бы потому, что такого князя в 1386 г. вообще не существовало. Однако народная легенда о разбойнике Могиле, будто бы захороненном в кургане над Днепром, действительно кажется довольно правдоподобной. Легенда стыкуется с информацией, приведенной в Баркула-

бовской летописи, а также в Могилевской хронике Сурты и Трубницкого. В летописи говорится: «Лета 1526 г. болший замок зароблен и принято много горы Могилы, на которой теперя замок Могилев стоит». Очень важна для истории города такая летописная строка: «...по горце Могиле назван Могилев», т. е. фактически раскрывается этимология названия города.

Эти сведения были углублены и дополнены благодаря археологическим раскопкам, проведенным на месте, где стоял средневековый Могилевский замок. Оказывается, ему предшествовало не древнее городище, как считалось ранее, а древний грунтовый могильник XII—XIII вв. Это кладбище, судя по всему, в 1526 г. уже не функционировало, было заброшено, а место на высоком берегу Днепра, где оно располагалось, называлось «гора Могилы». Учитывая, что в летописи говорится о «болшим замку», можно предположить существование еще одного, меньшего замка, который, по свидетельству «Могилевской хроники», «перед тем несколько сот лет был». Однако следы его стерлись под средневековой и сегодняшней застройкой Могилева. В таком случае «место Могилев», принадлежавшее в 90-х гг. XIV в. королеве Ядвиге и в 30-х гг. XV в. князю Свидригайло, могло не иметь укрепленного замка.

В целом археологические материалы свидетельствуют о довольно сонной жизни на берегах Днепра и Дубровенки вплоть до XIV—XV вв. Лишь в первой четверти XVI в. начался быстрый экономический и территориальный рост Могилева и численности его населения, которое пополнялось, главным образом, за счет «прихожих людей селян» и выходцев из Кричева, Мстиславля, Смоленска и других мест.

При строительстве «болшего замка» в 1526 г. древнее кладбище на мысу у слияния Дубровенки с Днепром было уничтожено под метровым слоем глины. Затем соорудили мощный вал, который в основании достигал более 16 м в ширину и не менее 5 м в высоту. Насыпь возвели из плотной ярко-красной глины и крупнозернистого песка. Глиняную поверхность вала для прочности обожгли до кирпичеобразного состояния и построили на его гребне деревянные стены и башни. В сочетании с рвом, отделявшим замок от города, и с 20—25-метровыми крутыми склонами горы весь комплекс Могилевских укреплений был мощным узлом обороны от вражеского нашествия. Обязанность защищать, ремонтировать и строить замковые укрепления была возложена великокняжеской властью на мещан Могилева и крестьян волости. В замке у них были «убежища», где они «в час пригоды схованья свои мевали». «Убежищами» назывались городни, которые были оборудованы под «схованье» семей и имущества защитников замка.

План Могилева. XVII в.

Могилев. С гравюры начала XVIII в.

До того как Могилев получил 20 февраля 1561 г. устную грамоту короля Сигизмунда Августа на малое магдебургское право, собственных укреплений, судя по всему, он не имел. Именно в этой грамоте впервые упоминается «паркан местский». В грамоте четко распределены все обязанности жителей города и волости относительно военного строительства и воинской повинности. Мещане были обязаны замок и «паркан местский оправовати и перекоп около замку и около паркану местского копати, выправуючи з домов своих к той работе каждый против себе чергою». Причем, как и «перед тым завжды», город выполнял четверть всех фортификационных работ, остальное — волость. Руководил работами орган городского самоуправления («врад») в лице войта и четырех сотников. Мещане поочередно, начиная «от дня Благовещенья святое Пречистое», выполняли городовую повинность. За счет торговых поборов город должен был содержать «завжды сторожу в пар-

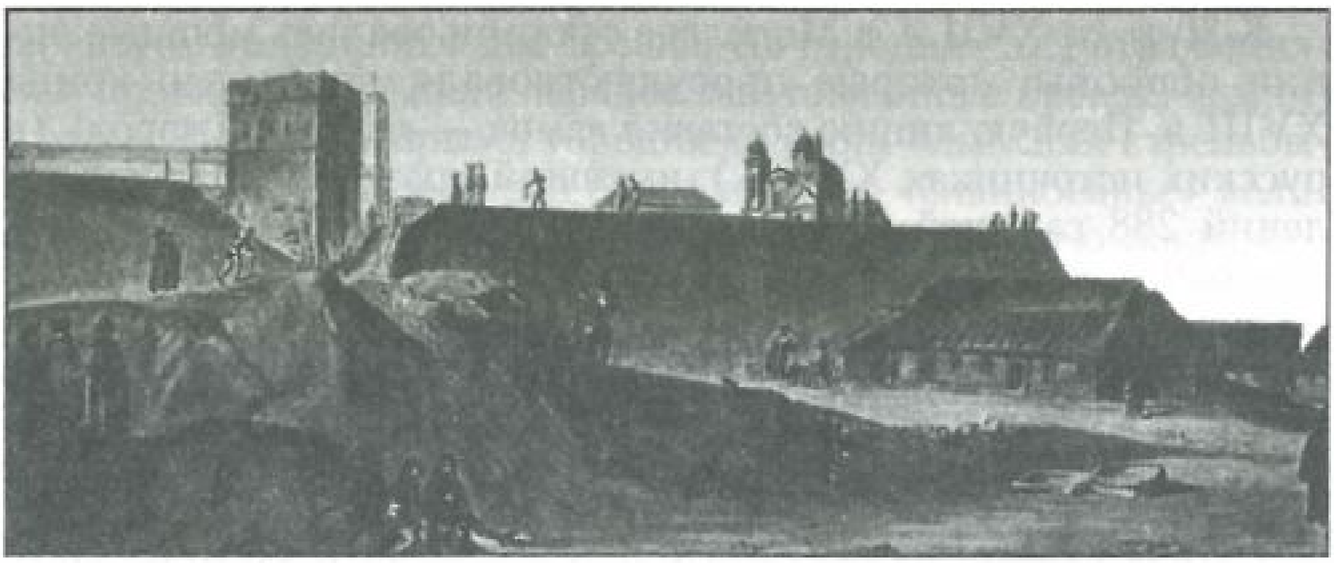
кане и на вежах паркановых». Из 16 сторожей для замка («на кликанье и на иншые потребы») 4 нанимал за свои деньги «городской уряд», взимая плату с мещан.

В уставной грамоте 1561 г. лаконично и четко записаны личные воинские обязанности горожан: «теж мещане места тамошнего повинны вей и каждый з особна, для обороны, в час небеспечности земское от неприятеля нашого стрелбу всякую, то есть гаковницы, ручницы и сагайдаки и иншую оборону, то есть рогатины и што иного к той обороне належит, в домах своих мети, а хто не может больше, ино хотя одну ручницу и рогатину нехай мает, а без обороны таковое в дому своем нехай не мешкает».

Военно-инженерные работы развернулись в Могилеве уже в 1561 г. Возводились городской вал, стены и башни, а накануне Ливонской войны начали перестраивать и замок. Со временем в городе появились предместья. Они упоминаются в «Магдебургском привилее», который был дан Могилеву 22 января 1577 г. Стефаном Баторием. Король надеялся, что, использовав магдебургское право, Могилев как пограничный город будет лучше укреплен. Часть доходов город мог направлять на свои оборонные нужды. Жители получили от короля «печать местскую, то есть вежу мурованную, высоко выведенную...», которая стала первым городским гербом. В 1577 г. Стефан Баторий дал могилевчанам разрешение пользоваться королевской пущей на четыре мили во все стороны от города, брать свободно дрова «и дерева на потребу домовую, также на работу замку нашего Могилевского и паркану местского».

В 1580 г., в конце Ливонской войны, по данным Баркулабовской летописи, «Москва, то есть Серебряный, с немалым войском место славное Могилев выжег». Однако задержаться здесь царскому войску не удалось, так как к городу подошли отряды Чарторыйского. В Хронике Сурты и Трубницкого сообщается о нападении русских войск в 1581 г., причем отмечается, что «на тот час еще фортеции не было, кроме замкового острога».

Как и в других городах, в Могилеве была собственная артиллерия. Со времени правления короля Жигимонта I, т. е. с первой половины XVI в., деньги на артиллерию и пушкарей шли с городских весов — «важчего». За эти же деньги нанимали и сторожей в замок. «Магдебургский привилей» 1577 г. оставил «водле давнего звычаю важчее за мещанами», обязав их содержать в замке одиннадцать пушкарей. К 1585 г. количество пушкарей уменьшилось до пяти. За это время мещане смогли построить около города «немалым коштом своим» новые стены. Они обратились к королю с просьбой освободить их от содержания пяти замковых пушкарей и «тую повинность з них знести». Король выполнил просьбу, отметив в

Алейная брама в Могилеве. 1648 г. Акварель И. Пешки

своей грамоте от 3 марта 1585 г., что мещане должны будут «на паркане местском пушкаров ховати и стрелбою водлуг потребы тот паркан около места опатровати так, якобы часу небеспечности от неприятеля, с того паркану место добре варовано было».

13 декабря 1595 г. украинские казаки во главе с Наливайко сожгли город вместе с острогом. Позднее Могилев был разграблен и окончательно разорен войском гетмана Великого княжества Литовского Миколая Буйвида.

После разорения город оправился нескоро. Даже в 1601 г. королевские ревизоры Я. Чиж и Я. Вильчак констатировали отсутствие возле него паркана. Королевский инженер-фортификатор составил план сооружения в Могилеве двух новых линий укреплений из валов, бастионов, ворот и рвов, которые могли защитить Старый город и его предместье (Новый город). Это грандиозное строительство потребовало много средств, нужно было снести часть жилой застройки, чему отчаянно сопротивлялись духовенство, шляхта, бояре, пушкари и другие жители. Борьба магистрата с ними затянулась, потребовалось пять именных королевских грамот, прежде чем работы были начаты. Старый город был обнесен укреплениями только к 1618 г., но полностью работу тогда не завершили.

В 1626 г. в Могилеве произошел пожар, от которого «весь острог выгорел с большим ущербом мещанам и торговцам города». Лишь в 1633 г., да и то ввиду явной внешней угрозы (назревавшей войны с Русским государством), Полевой вал вокруг Нового города приобрел завершенный вид.

В 1633 г. Могилев был уравнен в правах со столицей государства Вильно и освобожден от постоя войск. С 18 июня 1637 г. грамота короля Владислава IV разрешала магистрату собирать особый торговый налог («провент»), который следовало использовать «толко на амуницию и направу валов меских, также на направу бруку».

К 30-м гг. XVII в. в Могилеве сформировались мощные линии обороны, которые просуществовали вплоть до конца XVIII в. Первую линию составил замок — «Верхний город» (в русских источниках XVII в.), имевший протяженность укреплений 288 саженей. Вторая линия укреплений протяженностью 690 саженей окружала «Старый город», здесь было четверо ворот. Третья линия обороны, т. е. Полевой (Дальний, Круговой) вал, в разное время имела различное количество «брам». В конце XVII в. здесь уже было тринадцать башен с воротами. Есть основания утверждать, что существовала еще одна линия укреплений — Заднепровская.

Самый ранний из известных нам инвентарей Могилевского замка относится к 1604 г. Его составили королевские ревизоры Я. Корсак и Я. Гиз. Тогда замок был отделен от города оборонительным рвом, который протянулся от Дубровенки к Днепру. Через «перекоп» был переброшен мост на сваях, подводивший к въездным замковым воротам, которые назывались «Горной брамой». Последнее его звено («узвод») было подъемным. Большие ворота имели сложную систему запоров, здесь же была небольшая калитка («фортку») для пешеходов.

Архитектурно-строительные элементы и конструкции башнеобразной брамы-ворот, как, впрочем, и остальных оборонительных сооружений замка, наглядно свидетельствуют о таланте, практической сметке и высоком мастерстве местных мастеров («дойлидов»), которые хорошо понимали значение башни в системе обороны как замка, так и города. Мощное сооружение было в плане прямоугольным, но с первого яруса переходило, вероятно, в шести- или восьмигранник. Это дало основание ревизорам назвать башню «округлой». Судя по документам, она имела четыре помоста, т. е. была пятиярусной. Более того, под башней размещался «земной», т. е. подошвенный, бой. Стены брамы «с приступной стороны» до уровня третьего помоста были срублены в три бревна, а со стороны замка — в одно бревно. Затем до самой крыши весь этаж срубили в два бревна. Четырехскатная кровля была накрыта «драницами». В браме размещалась тюрьма.

По периметру оборонительного вала соорудили еще шесть башен в несколько ярусов, соединявшихся стенами-городнями. Все башни были срублены комбинированно: стены, обращенные в сторону «поля»,— в два-три бревна, выходившие внутрь замкового двора — в одно бревно. Со стороны Днепра стояла пятиярусная башня («брама Дольная»), а рядом находился тайник — подземный ход из замка к реке. Потайная дверь хода запиралась на ключ. На одной из башен висел бронзовый колокол, в который «на трывогу званивали».

Оборонительные стены Могилевского замка имели вид традиционных, но очень высоких городней. Почти все они были трехъярусными. Верхний бой имел галерею («бланкованье») с

парапетом толщиной в два бревна. На городнях для отражения атак противника лежали заранее заготовленные бревна, камни и колья. Под некоторыми городнями были «ямы для стрельбы земной», т. е. подошвенный бой. Снизу на «бланкованье» вели лестницы («усходы»). Входные проемы на галерею закрывались деревянной решеткой («кратой»), которая запиралась на ключ. Весь замок снаружи «з долу под бланкованье» был обмазан глиной. Ремонтные работы осуществляли жители замковой волости.

В момент составления инвентаря на приступной стене замка находились 4 пушки («шротовницы»), 3 серпантины, 2 небольших полевых орудия. Все они были в исправном состоянии. Кроме того, в арсенале хранились 65 гаковниц, 21 ручница, пороховницы, формы для отливки ядер, олово, порох, панцыри и другая амуниция. За арсеналом следили восемь замковых пушкарей.

В 1633 г. Могилевский замок сгорел и его пришлось возводить заново. В 1635 г. здесь еще не было ни одной башни, стояли лишь частокол и двое восстановленных ворот.

Во время войны между Русским царством и Речью Посполитой, которая вспыхнула в середине XVII в., Могилевский замок находился в плохом состоянии. Затем он сильно пострадал при осаде войск гетманов Радзивилла и Гонсевского с февраля по май 1655 г.

К 1660 г. замок приобрел вид бастионного сооружения, а подошва замковой горы со стороны Днепра была дополнительно защищена больверками. В замке находились двадцать пушек, две мортиры, другое оружие. Специальная мельница («пороховня») давала в год по 300 фунтов пороху.

Спустя 4 года Могилевский замок пережил еще один пожар, который уничтожил все деревянные постройки. Замок восстановили, но он вновь горел 8 сентября 1708 г. при отступлении войск Петра I. Однако после Северной войны его снова привели в порядок, и он простоял до конца XVIII в.

Второй оборонительный пояс Могилева — это фортификация вокруг «Старого города», давнего торгово-ремесленного посада. В плане он напоминал треугольник, две длинные стороны которого со стороны Днепра и Дубровенки имели вид высоких, крутых и обрывистых скатов, не очень удобных для подхода. Естественная неприступность дополнялась высокими валами и бастионами. Третья сторона, защищавшая город с запада, имела глубокий оборонительный ров и мощную бастионную фортификацию. Так называемый «Ближний вал» прерывался в четырех местах, где стояли традиционные для Беларуси «брамы».

В XVI в. торгово-ремесленный посад средневекового Могилева (Нагорный посад, Старый город) имел линию дерево-земляных защитных сооружений, где вначале стояла только одна

въездная башня — Ветряная. Она размещалась в северной части линии укреплений, открывая прибывающим в город дорогу на центральную Великую Княжескую улицу. Недалеко от башни находилась первая деревянная ратуша города. В документе за 1577 г. отмечалось, что «у браме местской» дежурили круглосуточно сторожа, а сама она находилась «...у бакшты паркановой, которая стоит от Кощавого колодезя, куды дорога лежит до села Бородчицкого». Эта брама, вероятно, была вначале единственным каменным сооружением на линии укреплений.

Думается, не случайно на первом гербе города и на первой городской печати была изображена «вежа мурованая, высоко выведенная». Название «Княжеская» или «Великокняжеская брама» в XVII в. изменилось. Она стала называться Ветряной. Предполагается, что такое название «брама» получила от стоявшего недалеко ветряка. Утверждения о том, что Ветряная «брама» была перестроена в XVII в. и возведена из дерева, не совсем точны. В 1698 г. она была каменной, о чем свидетельствует «Реестр справованя муров», где были названы стройматериалы «вапна, цегла» и т. п. На крыше были флюгеры («ветреники»). В 1679 г. «брама» была покрыта жестью («бляхой»), но уже сильно обветшала. Во время начавшегося ремонта «Аврамка-коваль ободрал старое покрытие», использовал новые кровельные материалы («дор» и «кгонту»). В 1682 г. башню украсил новый «флюгер». Его «золочение и рисование» выполнил местный мастер Афанас Пигаревич. Перед «брамой» были оборонительный ров и мост. Ветряная «брама» просуществовала в течение XVII в., пережив пожар 1708 г. Она упоминается в документах 1711 г., когда здесь проводили ремонт моста, а в 1745 г. она еще выполняла роль парадной Триумфальной брамы во время встречи нового епископа Белорусского.

Второй каменной башней с воротами в Могилеве была Алейная, получившая свое название благодаря примыкавшему к ней участку городского рынка, где продавали «алей» (льняное и конопляное масло). Ее начали возводить в начале 40-х гг. XVII в. и закончили в 1646 г.

Башня стояла у въезда на рыночную площадь со стороны Днепра. Это было четырехугольное в плане массивное здание с удлиненной проезжей частью, подпертое по углам контрфорсами. В толще стен размещались лестницы. Первый этаж прорезали высокие арки. Второй ярус занимала часовенка, окна которой в основном имели вид узких бойниц. На третьем ярусе стояли пушки. Фасад Алейной башни снаружи был расчленен нишами с гирьками. Такой декор аналогичен декору башен Мирского замка. Проезд в башне был вымощен камнем. Над въездом и выездом размещались две фрески — «образа пресвятой Богородицы». Здесь же горели свечи. Алейную «браму» запирали ворота с «фортками» для пешеходов. Ее круглосуточно охраняли два вооруженных сторожа («пляцовые»).

В нижнем ярусе Алейной «брамы» сбоку находилось помещение для тайного арсенала. В 1707 г., во время Северной войны, здесь были спрятаны порох, ядра, пули, олово и свинец. Вход в тайник так умело замуровали, что его невозможно было заметить. Однако беглый русский пушкарь С. Понарский, служивший в Могилеве, выдал тайну русскому генералу Репнину. Припасы забрали, а ядра утопили в Днепре. В 1708 г. из-за неосторожного пользования огнем в Алейной «браме» произошел взрыв, были повреждены своды и угол здания со стороны Днепра. Взорвался порох, рассыпанный при разграблении тайника-арсенала. Башня сильно пострадала во время пожара, случившегося в городе в 1708 г.

Алейная «брама» находилась на спуске от городского рынка к берегу Днепра, поэтому дождевые и снеговые воды, стекавшие с рыночной площади, постоянно подмывали и разрушали стены и вал. В документах 1679—1692 гг. зафиксированы неоднократные ремонты брамы и смежных с ней участков земляного оборонительного вала. Так, «бруковали под Алейною брамою» в 1679, 1683, 1686 и 1692 гг. «Для заплетения уезду» магистрат неоднократно закупал колья и хворост. В июле 1686 г. «под Алейную браму у ров, который от воды гвалтовных дождев вырыло, купили хворосту 18 возов». Его настилали и засыпали землей шесть грабарей. В 1690 г., когда возле брамы обрушилось одно из звеньев вала, наняли двух рабочих «закидать бервеннем новым, и нарвины три новые робили день целый». В документах сообщается, что башня имела крышу из гонта и традиционного «ветреника». Алейная «брама» просуществовала до XIX в., а затем ее разобрали.

В первой половине XVII в. в северной части Старого города, кроме каменной Ветряной «брамы», стояла еще одна — Триумфальная. Вначале она была из дерева и некоторое время считалась главными воротами города. В 1656 г. вместо нее начали возводить новую «мурованую браму», которую «докончили и накрыли» в 1660 г. Оштукатуренная и побеленная известью, она величественно возвышалась над высоким берегом Дубровенки, сверкая жестяным куполом («баней»). Над красивой крышей парил трехъярусный флюгер в виде жестяной позолоченной летящей «погони» — герба государства, флажка и позолоченной звезды, которая венчала пик башни. Над проемами ворот был установлен «образ Пресвятой Богородицы, старосветских часов малеванной», блиставший золоченым окладом.

Доступ в башню осуществлялся по подъемному мосту, который закрывал двухстворчатый воротный проем с пешеходными калитками («фортками»). Межэтажные перекрытия башни, за исключением первого сводчатого, были сделаны по балкам. Над проездом на втором этаже в мирное время находились тачки и инструменты, необходимые для ремонтно-строи-

тельных работ. Выше располагались еще два этажа. Рядом с Триумфальной «брамой» находился «потайник», выводивший за пределы Старого города вниз к речке Дубровенке. Здесь же стояла мурованая «кордыгарда». В башне круглосуточно дежурили два сторожа, вооруженные мушкетами. Прилегающий к ней вал внизу был «забран» каменной стенкой, которая сдерживала оползание насыпи.

Название этих въездных ворот несколько раз менялось. Вначале их называли Шкловскими, после 1660 г.— Триумфальными, а затем попеременно Шкловскими и Королевскими. После возведения на Полевом (Дальнем) валу еще одной Шкловской деревянной «брамы» для их различия название «Королевская брама» стали использовать для каменной брамы Старого города, а «Шкловская полевая» — для деревянной на посаде. Башню регулярно ремонтировали снаружи и внутри вплоть до 1808 г., затем ее разобрали.

Дубровенская (Малая) «брама» (брамка Дубровна, брамка Мурованая) находилась в западной части линии обороны Старого города, возвышаясь над долиной Дубровенки. Это было двухъярусное каменное сооружение, к которому от реки можно было подняться по деревянной лестнице. Расположение ее было не очень удачным с точки зрения топографии. Подъем был крут и неудобен, кроме того, возле брамы часто «после дожджу гвалтовного» появлялись большие промоины, которые приходилось заделывать хворостом, паклей, досками, землей. От разрушений не спасал даже специальный водосток («рына», «рынштох»), который неоднократно от «дожджов великих псовался». Нижний ярус «брамы» занимали дверные проемы и проход. На втором этаже, где было скорее всего деревянное перекрытие, еще в 1689 г. стояла «гармата...великая».

Внизу перед башней в 1692 г. была выкопана «студня» с деревянным срубом. Воды здесь было очень много. Когда понадобилось вычистить колодец «до кгрунту», пришлось нанять девять поденщиков, которые выливали воду трое суток «в день и в ночи». «Малая брама» соединялась с замком каменной стеной с амбразурами. Вероятно, через оборонительный ров шла кирпичная арка, на которой эта стена стояла. Дубровенская башня с воротами была разобрана в начале XIX в.

По свидетельству современников, в последней четверти XVII в. Могилев был сильно укрепленным городом. Во второй половине XVII в. на линии укреплений Старого города было 15 бастионов, 4 «мурованные брамы», вал с деревянным бруствером под крышей. Общая длина укреплений достигала 1449 м.

В начале XVII в. часть предместий так называемого «Нового города» (Шкловское, Виленское, Задубровенское и Папинское) начали обносить цепью бастионных укреплений и рвов, которые объединялись названием Полевой вал. Здесь стояли

восемь «брам» — Курденевская (Гвоздовка), Ледвеевская, Шкловская дальняя, Виленская, Уструшненская, Трисненская, Быховская, Папинская. Все они были деревянные, вероятнее всего, двухъярусные. Описание их довольно отрывочное, что не позволяет выяснить конструктивные и другие особенности этих традиционных для Беларуси сооружений. Почти вся линия укреплений Полевого вала была возведена в 1609—1633 гг. Некоторые «брамы» построены на Полевом валу во второй половине XVII в. Так, Шкловская была сооружена в 1682 г. Ее украшал флюгер, изготовленный и посеребренный известным художником Афанасом Пигаревичем. Проезд в башне имел деревянный настил на штандарах. Здесь же размещалась «издебка для сторожей». Как и положено, над входом была икона, для ухода за которой купили «лествицу свечи запалять». Ворота закрывались на завал, сторожа были вооружены цепами.

Восстановить хронологию возведения остальных башен с воротами Полевого вала не представляется возможным. Об оружии, которое находилось там, сохранились скупые сведения. В конце XVII в. это были в основном тяжелые мушкеты («кобылы»).

Конструктивно Полевой вал почти не отличался от вала Старого города, разве что здесь отсутствовала каменная подпорная стена. Современники отмечали, что это была «громадная, наваленная наподобие стены насыпь», благодаря которой город считался сильной крепостью.

Кроме названных восьми проезжих ворот Полевого вала на линии его укреплений находилось еще одно оборонительное сооружение, которое известно в документах как водяной «млын». Он располагался между Шкловской и Виленской «брамами» на плотине речки Дубровенки. Здесь на границе Шкловского и Виленского предместий был огромный пруд. К плотине мельницы с двух сторон подходили куртины оборонительного вала. Как и в башнях Полевого вала, здесь находились два сторожа, которые регулировали движение через плотину и охраняли башнеобразный «млын». Были укрепления и вокруг Покровского (Никольского) и Луполовского посадов. К 1682 г. Покровский посад был обнесен земляным валом. Он шел по правому низкому берегу Днепра над естественным рвом, упиравшимся одним концом в речку Дебру недалеко от ее впадания в Днепр, а другим — в Днепр вблизи бернардинского монастыря. Далее вал тянулся по правому берегу Дебры вверх, смыкаясь с укреплениями Полевого вала. В западной части он соединялся с укреплениями Старого города. В 1682 г. в документах впервые встречается упоминание о «вале Долнем» (от белорусского «дол» — низ), когда здесь начались строительные работы и магистрат стал закупать бревна, брусья, гвозди, железо, жесть и дор «для брам валу Долнего».

Башен с воротами было три: Мошковая, выводившая из Старого города в еврейские кварталы на правом берегу Днепра (так называемый «городок Мошковый»), Выгонская, которая открывала путь к мосту через Днепр на его Луполовское левобережье, и «брама Дебра», размещавшаяся «против улицы Миколской». Она открывала дорогу на левый берег речки Дебры, где также появились новые кварталы города. Мошковая «брама» была деревянная, имела скорее всего три или четыре яруса. Она завершалась красивым флюгером, «за вырисование и позолочение» которого художнику Пигаревичу было заплачено 7 золотых и 15 осьмаков. Выгонская «брама», вероятно, была средних размеров. Скромнее выглядело и ее завершение, так как «за робене ветреника и посеребрение» заплатили Пигаревичу 2,5 золотых. Как и в других башнях, здесь были «издебка» для сторожей и традиционные ворота с системой сложных запорных устройств. На подступах к башне были сооружены дополнительные преграды («кобылины») из брусьев или бревен. Гораздо меньше сведений сохранилось о «браме Дебра», но она, судя по всему, была схожа с Выгонской.

Около устья Дубровенки возвели Ильинскую башню, которая получила свое название от стоявшей здесь Ильинской церкви. Указание документа о ее строительстве «у валу Долним» позволяет судить, что к тому времени Полевой вал достиг Днепра и был насыпан по его берегу к устью Дубровенки. Необходимость возвести здесь ворота диктовалась не только вопросами безопасности, но и наличием брода с левого берега Днепра, где находился Троецкий посад.

«Ильинскую браму» с 27 октября по 4 декабря 1686 г. строили шесть «дойлидов». Это было квадратное в плане сооружение, с основанием 5,84 × 5,84 м. На железный штырь весом 26 фунтов были прикреплены вырезанные из двух «аркушей» жести государственный герб («погоня») и жестяной флажок ветреника. Герб серебрили, а флажок «позлацали». А. Пигаревич «за вырезание погони на ветреник, посеребрение и злоцение» получил 5 золотых. Еще 8 золотых «за малеванне двух образов» заплатили «Савце маляру». Ворота «брамы» были окованы железом, крыша покрыта гонтом. В документах зафиксирован еще один этап военно-фортификационных работ в Могилеве, которые начались в 1703 г. Решением магистрата был сделан вал с внутренним деревянным каркасом, который шел от горы Гвоздовки по берегу Дебры до самого Днепра, а далее были вбиты дубовые сваи до середины реки. Подобное сооружение появилось и в районе «Папинской брамы». Наверху вала были поставлены традиционные «избицы». Эти укрепления существовали до 1708 г., когда войска Петра I, двигаясь на Украину, «вал деревянный и башты все разобрали на мосты».

Начиная с 1682 г. в документах упоминается название не Полевой вал, а Круговой вал, так как внешний пояс укреплений к этому времени представлял собой замкнутое кольцо.

Картина городской фортификации Могилева будет неполной без описания линии укреплений Луполовского предместья, которое располагалось на левом берегу Днепра. Этот район, который традиционно заселяли кожевники, получил собственную линию обороны в начале 90-х гг. XVII в. В 1692 г. в магистратской книге была сделана запись о том, что «ездили панове магистратовые на Луполов для обаченя валов, где бы мели становить брамы». В 1699 г. эти «брамы» уже стояли. Их количество неизвестно, но, судя по всему, их было столько, сколько въездов в Луполово, т. е. не менее пяти. Известны башни Чаусская, Пропойская, Черниговская. Были, возможно, Мстиславская и Оршанская. Описания Луполовских «брам» не сохранилось, но, вероятно, они были аналогичны другим башням Кругового вала. С течением времени Луполовская линия укреплений оказалась недостаточной для растущего района города. Рядом выросло новое поселение — «слободка Луполовская». В 1745 г. она имела собственное воинское формирование — сотню. В XVIII в. здесь были бастионные укрепления и оборонительный ров.

Городской вал в Могилеве восстанавливали по мере необходимости. Это была чрезвычайно трудоемкая работа. Магистрат мобилизовывал прежде всего «слуг меских», сотников, десятников и «посполитых», которые (обычно 12 зажиточных горожан) избирались в магистрат мещанами и выполняли функции контрольно-совещательного органа. При «направе» валов города они распоряжались деньгами, выделенными магистратом, «заведовцами были коло реставрованя валу». В их компетенции были вопросы заготовки стройматериалов (бревен, досок, дора, гонта, хвороста, дерна, кирпича, извести, песка, гравия, скоб), подготовки инструментов («рыдлей, заступов, тачек, кошей»), организации рабочей силы и специалистов военно-строительного дела («копачей, дойлидов, валмейстеров с помощниками, резчиков дерна и его отвозчиков («фурманов»), грабарей, поденщиков). Для выполнения высокохудожественных заказов (написать «образ» на браму, позолотить или посеребрить «ветреник») приглашали лучших художников города.

Основная тяжесть фортификационных работ ложилась на сотни, получавшие предварительно «картку» — извещение о сроках, характере и объеме работ. «Картки» выписывали каждому десятнику, что конкретизировало и упорядочивало работы, позволяло избегать простоев и суеты, регламентировало и дисциплинировало весь процесс. За ходом работ присматривали сотники, десятники, вахмистры. Магистрат, как правило, набирал дополнительно за определенную плату поденщиков,

выполнявших самую разную работу. Они нарезали и укладывали дерн, затачивали колья «для прибияня дерну» и др. Руководили ими десятники.

Ремонт укреплений сопровождался своеобразным музыкальным аккомпанементом: на каждом участке ходил с барабаном «добыш» (барабанщик) и «бубнил», создавая определенную атмосферу и задавая ритм работы. Фурманы, отвозившие дерн с луга («приймы») или с участков, отведенных за брамами города, также имели собственных десятников и отдельные бригады. Дерн нарезали специальные резчики. Видимо, каждая дернина была определенного размера, поскольку на воз «фурманы» грузили по 20 штук.

Работами плотников («дойлидов»), каменщиков («муралей»), копачей руководил валмейстер. Во второй половине XVII в. в Могилеве им был Иван Лобан, которому помогал его сын и «подмайстер Швара». Иногда у валмейстера было два-три помощника. В городе были хорошие плотники. Местные «дойлиды» («добродеревцы») были известны даже на Украине. Их цех считался одним из самых многочисленных (он был основан ранее 1590 г.). Он имел свой устав с очень развитой регламентацией работ.

На участке от Малой (Дубровенской) «брамы» до замка внутри земляного вала был сделан подземный ход («руля»). Известно, что «направовали рулю у валу мурованую от Дубровенки» под руководством валмейстера И. Лобана с 9 по 23 июня 1691 г. Тогда здесь работало 5 «муляров» (мастеров) и 15 помощников, затем 4 поденщика резали дерн. «Рулю» накрывало дерном. Таким образом, подземный ход снаружи был незаметен.

Земляной вал в Старом городе обслуживали специальные люди, которые заботились о его состоянии и внешнем виде. Гребень вала засевали овсом. Внешний и внутренний склоны регулярно обкашивали и очищали от бурьяна. С ранней весны до поздней осени на зеленые склоны оборонительных валов постоянно покушался скот горожан. Магистрат поручал городским глашатаям («кликунам») призывать мещан к порядку, напоминая, «абы свиней не пушчали, штобы валу не рыли». «Кликуны» были обязаны ежедневно «закликать на брамах, жебы быдло не пущали на вал, абы его не псовали». Однако это, как правило, не давало результатов. Тогда магистрат нанимал «пляцовых сторожей», которые «з валу статок сгоняли». Сторожа получали для этих целей цеп или ружье («пташину») с запасом пороха и «олова на шрот». Иногда им выдавали мушкеты. В мирное время мещанам запрещалось бесцельно бродить на валу. Там, где жители прокладывали тропинки, было приказано ставить временные плетни. На валу имели право находиться только барабанщики («добыши», «бубенистые») и магистратские слуги, которые следили за состоянием укреплений и их ремонтом.

Фортификационные сооружения средневекового Могилева не знали себе равных в Беларуси по своей протяженности и мощи.

Укрепления средневековой Речицы

Город Речица был основан в XII в. на высоком правом берегу Днепра при впадении в него речушки Речицы, которая и дала название поселению. Укрепленный центр древней и средневековой Речицы («старая крепость», «Замок») занимал городище площадью 0,25 га. Ему придали правильную овальную форму, обнесли валом и отделили от берегового плато глубоким дугообразным рвом.

Посад древнего города полукольцом окружал укрепленный центр и, вероятно, уже в XIII в. имел собственную линию укреплений. «Торжище» размещалось у подножия детинца, рядом с устьем Речицы. К нему вели речной торговый и сухопутный пути с левобережья Днепра.

При князе Гедимине Речица, как и все Полесье, вошла в состав Великого княжества Литовского. Эта территория, начиная с последней четверти XV в. и до 1569 г., была зоной грабительских нападений крымских татар. Более всего пострадали Волынь, юг и центр Беларуси на линии Мозырь—Слуцк—Минск. С 1500 по 1530 г. крымские татары 14 раз совершали набеги на Беларусь, оставляя за собой пожарища, обезлюдевшие города и села.

Нападениям подвергалась и Речица. В 1529 г. после очередного татарского нашествия «державца Речицкий» Семен Полозович попросил у короля Жыгимонта поддержки городу. В своей грамоте король отмечал заслуги державцы, который «в той волости нашой Речицкой своими немалыми наклады чынил и великою пильностью и нелитованьем горла своего на пустом месте на нас господаря замок збудовал, оборонами всякими за свои властныи пенязи тот замок наш вспомог». В «Уставе», данной городу, подчеркивалась необходимость держать «сторожу полную от всяких неприятелей наших, яко от москвич, так и от татар и турков». Грамотой короля все доходы с Речицкой мытницы, медовой, пивной и винной корчмы должны были идти на ремонт и строительство замка. В пользу «державца» шел каждый десятый осетр и «со всяких рыб десятая рыба», от каждого посаженного в тюрьму — «вежа» по четыре гроша «повежного». Мещане и жители волости обязывались давать на охрану замка по шесть сторожей: «2 тыи стороны мають замку нашого у ворот стеречи и кликати и всякие иныи послуги на том замку служити водле росказанья державцы нашого». Они же должны были поставлять дрова в замок и осуществлять «будованье замковые и хоромы в замку и перед

замком, коли потреба вкажеть, мають они то вси все будовати без вымовы з росказаньем державцовым».

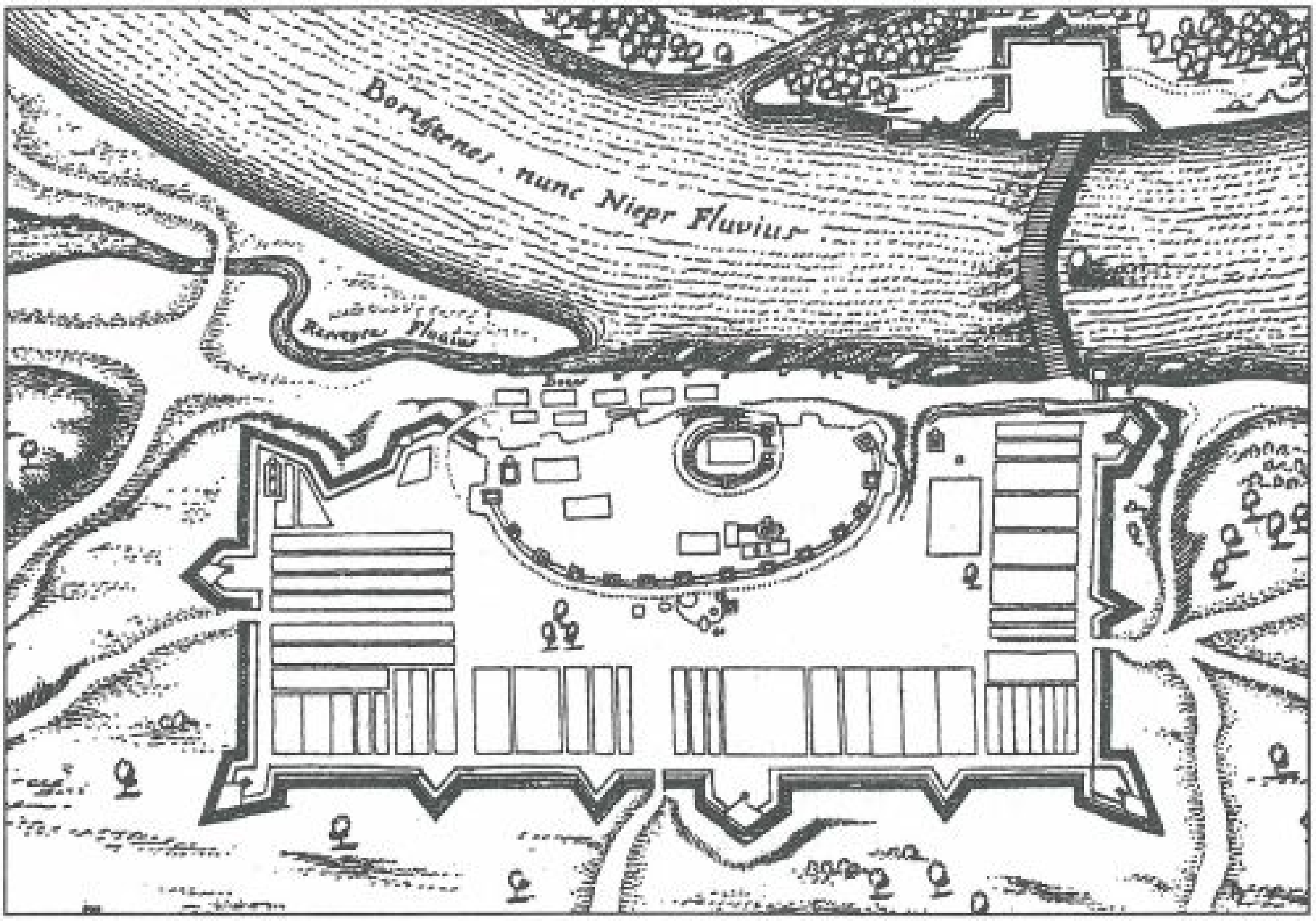
С. Полозович отличался завидной храбростью. Он собирал конные отряды и без правительственных распоряжений водил их на татар, нанося врагу сокрушительные удары. В то время на Поднепровье о нем ходило присловье: «полоз-русак — славный казак».

Подобно другим городам Поднепровья, Речица и волость посылали своих плотников («добродеревцев») на строительство замков. В частности, в документах сказано, что «речычане» в 1532 г. участвовали в строительстве Киевского замка, куда они по приказу короля Сигизмунда посылали строительный лес. Среди более чем 20 000 жителей поднепровских волостей, прибывших «на работу замку киевского» после разорения Менгли-Гиреем Киева в 1557 г., были и речицкие «топоры».

В августе 1561 г., когда Речица получила новые вольности, король освободил мещан «от работ замков украинных, оставив за ними, безусловно, замок свой Речицкий и теж острог около места и перекопы по давнему поспол з волощаны робити». В документах говорится не только об укреплениях «места», но и об обязанности мещан давать по одному человеку для охраны брам. Они не названы, но, судя по другим документам, это Черниговская и Менская башни с воротами. По-прежнему город и волость посылали «сторожу польную теж в каждый год для беспечности от неприятеля земского, сторожа Речицкая лете и зиме бывает у лоевы горы, и на тую сторону складатися повинны яко мещане, так и волощане 10 коп грошей». Деньги «на сторожу» должны были давать и подданные киевского ротмистра каспара Стужинского из сел Колодчицы, Артюховичи, Кисловичи.

Войны XVI в., особенно Ливонская, нанесли большой урон строениям Речицы, где все укрепления были уничтожены. В 1593 г. речицкий староста М. Буйвид был вынужден заложить три свои села с фольварками за 1000 коп грошей и пустить эти деньги «на поправку замку его королевской милости Речицы, который моцно опал». Видимо, эти работы были успешно проведены, потому что в начале XVII в. А. Гваньини отмечал наличие в Речице «замка и места».

В 1648 г. Речицу заняли восставшие казаки и «чернь» (около 3000 человек). Несмотря на то что у них было мало ружей, пороха, рогатин и бердышей, Б. Хмельницкий запретил повстанцам покидать город, так как он имел важное стратегическое значение. В 1649 г. гетман Януш Радзивилл занял Речицу, разбив отряды Кричевского и Подобайло. Но в 1650 г. город вновь оказался в руках полковника Небабы, который не смог удержать его и был убит при отступлении. После этого Я. Радзивилл укрепил Речицу, превратив «речицкий лагерь» в главную квартиру войск Великого княжества Литовского. С этого времени сохранились два

Укрепленный лагерь под Речицей. Чертеж Эйгирда. Середина XVII в.

исключительно ценных документа: гравюра с изображением Речицы середины XVII в. и план города этого времени.

Согласно плану город тогда имел три линии обороны. Первая линия — укрепления замка, которые состояли из земельного кольцевого вала, где стояли пять четырехугольных башен. Въезд находился с южной стороны, между земляными валами. Здесь, вероятно, стояла воротная башня, перед которой через глубокий оборонительный ров был переброшен мост. На валу были возведены деревянные стены-городни.

Вторая линия обороны (укрепления собственно «места») состояла из дугообразного вала, своими концами упиравшегося в берег Днепра. На валу стояли 14 прямоугольных деревянных башен с пряслами из стен-городней. Перед валом находился сухой ров. Укрепления Речицы дополняли семь бастионообразных укреплений в прибрежной части города. Таким образом, замыкалось защитное кольцо в районе замка. Под защитой этого комплекса городских и замковых оборонительных сооружений находился спуск к Днепру. Городские проезжие башни на чертеже Эйгирда не отмечены, однако можно предположить наличие одной из них в западной части линии городских укреплений. Здесь показаны пятнадцатая башня и своеобразный форбург подковообразной формы.

Третья линия обороны Речицы — это комплекс бастионной фортификации, который охватывал город с юга, запада и севера. Отсюда можно было контролировать и держать под обстрелом

район Подола с его пристанью, базаром и мостом через Днепр. Мост этот, который был настлан по специальным судам, поставленным на якоря, на противоположном берегу защищался земляным укреплением с двумя въездами и выездами. Являясь артерией, которая связывала Речицу с левобережным Поднепровьем, мост играл важную роль в обороне города, так как его можно было легко убрать в случае военной опасности. У въезда в город на берегу реки стояла караульная башня, с которой контролировали доступ в его приречную часть. Подъем к Черниговским воротам находился в южной части бастионных укреплений и был под постоянным прицелом защитников Речицы.

Бастионный пояс обороны, почти прямоугольный в плане, включал в себя 11 бастионов различной конфигурации и размеров, куртины и расположенные впереди оборонительные рвы. Как правило, все въезды (их было три) находились под заслоном бастионов, как и спуск к приречному базару.

Явный дисбаланс в структуре и типах укреплений замка и «места», с одной стороны, и бастионного пояса защиты – с другой, а также размеры последнего позволяют сделать вывод, что эти бастионные сооружения являются укреплениями того самого «Речицкого лагеря» середины XVII в., который фактически был базой войск Великого княжества Литовского. Это подтверждают изображения длинных, прямоугольных в плане зданий, которые скорее всего были казармами. Такие постройки как бы окаймляли громадную площадь («пляц»), свободную от застройки. Она использовалась для обучения и смотра войск.

Гравюра середины XVII в. с изображением Речицы дает дополнительную информацию об укреплениях города того времени. Прежде всего на ней хорошо видно, что на куртинах между бастионами находятся деревянные сооружения типа городней. Отчетливо видны ряды бойниц, а также небольшие башни, которые стояли на этих куртинах. За крышами зданий виднеются верхушки башен городской линии укреплений, которые вверху имели форму восьмерки.

В 1654 г. войско Великого княжества Литовского оставило речицкий лагерь и двинулось к Шклову, где в битве с войском князя А. Н. Трубецкого в августе потерпело первое поражение. Речица, не имевшая необходимого гарнизона, в июле того же года была занята казаками И. Золотаренко.

После 1667 г. город оказался в стороне от основных военных событий XVIII в. Городские укрепления постепенно разрушались, бастионы речицкого лагеря были срыты и на их месте возникли городские кварталы. Однако речицкий замок просуществовал вплоть до конца XVIII в.

Фортификация Орши

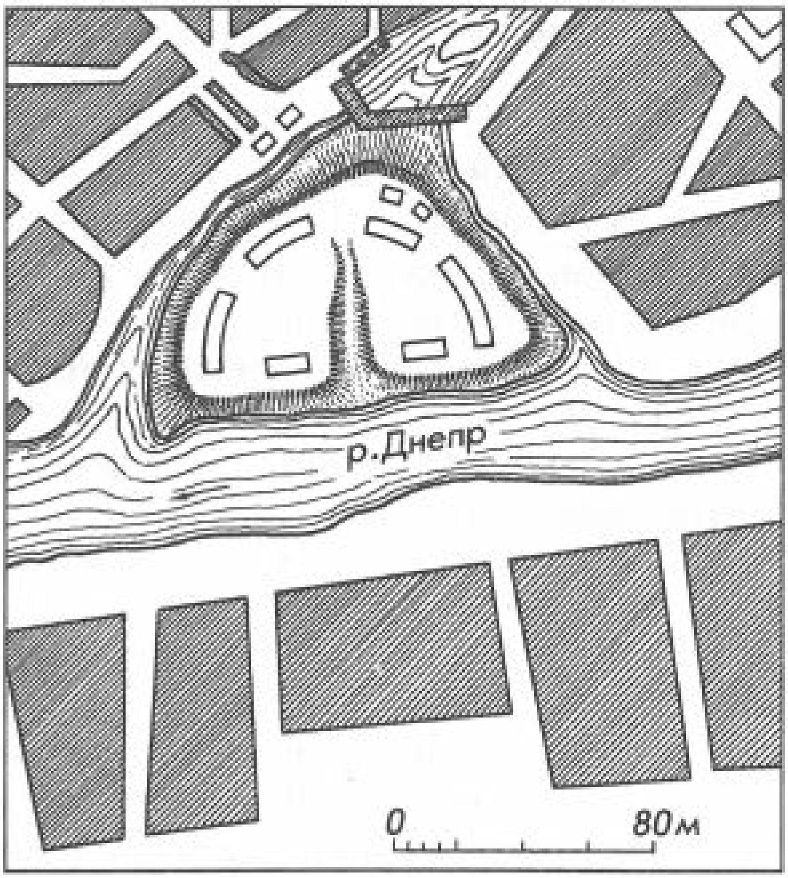
Город Орша (Рша), который упоминается в письменных источниках с 1067 г., был построен во времена Брячислава Полоцкого в качестве восточного пограничного форпоста Полоцкой земли. Заложенный у впадения речки Рши (Оршицы) в Днепр, он контролировал важный участок торговых, а позднее — перекресток стратегических сухопутных путей. В XI—XIV вв. это часто приводило к столкновению между Полоцком и Смоленском. Историки называли Оршу ключом к Смоленску, замыкавшим его главный путь на юг и в Киевскую землю. Значение города сохранилось и в последующие столетия.

Детинец средневековой Орши площадью 0,57 га имел треугольную форму с несколько округленными углами. По краю его был сооружен оборонительный вал высотой 4—5 м. Низ его подпирала бревенчатая стенка, закрепленная столбами. Вдоль внутренней подошвы шла каменная вымостка. С напольной стороны детинец был защищен оборонительным рвом шириной 14 м и глубиной около 6 м.

В 1067 г. Орша, очевидно, представляла собой хорошо укрепленный пункт, потому что город не рискнуло осадить объединенное войско трех киевских князей. Сказать что-либо определенное о навальных деревянных конструкциях не представляется возможным. Вероятно, это были традиционные городни, следы которых уничтожены в первой половине XIV в., когда при расширении площадки городища срыли вал. По краю площадки насыпали новый земляной вал и возвели деревянные стены. Произошло это, вероятно, в 20-е гг. XIV в., когда Орша вошла в состав Великого княжества Литовского. Город был хорошо укреплен и в 1397 г. выдержал осаду Смоленского князя Святослава. В 1401 г. Оршанский замок осадило войско князя Свидригайло, «оршане же затворилися в городе и боронилися два дни и потом подали город».

С учетом стратегического положения Орши здесь было начато дорогостоящее строительство каменного замка — крайне редкого для Восточной Беларуси архитектурного сооружения. Его возводили не на первоначальном детинце, а на территории предградья за рвом. Детинец, таким образом, получил мощное прикрытие с восточной стороны.

Каменный замок в Орше строили в период правления великого князя Витовта. Об этом свидетельствует один из документов 1407 г. Речь идет о письме князя Витовта, которое он отправил из Орши в Кенигсберг (Кролевец) орденскому маршалу с просьбой поскорее прислать мастера каменных работ, так как «тот выпросился в Кенигсберг по разным делам и для взятия принадлежностей, которые необходимы для его работы, а нам обещал снова возвратиться до Троицы». «Ныне наши люди сообщали, что он еще не возвратился, — писал князь,— и

План укреплений Орши XI–XIII вв.: детинец; средневековое замчище

работы приостановлены из-за его отсутствия, так как он настаивал, чтобы строительство без него не продолжалось. Поэтому мы просим Вас, милый господин маршалка, чтобы прислали нам того мастера каменных дел, ибо нам это довольно срочно надо, или пришлите другого, чтобы работы не задерживались».

Фундамент замка сделан из валунов средних размеров на известковом растворе. Стены сложены в технике «полосатой кладки», где ряды подогнанных валунов выровнены кирпичом. Оршанский замок в начале XV в. был «помурован» из камня только до половины, т. е. практически не завершен.

В 1500 г. Оршу заняли войска Московского княжества, но через 3 года город снова вошел в состав Великого княжества Литовского. Он устоял во время осады 1507 г., а в 1514 г. под его стенами произошла битва, в которой русские войска потерпели поражение.

В русской летописи переданы атмосфера и накал страстей во время этого исторического сражения: «...и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московския, и слышати было стуку и грому великому меж Москвич и Литвою. И удариша москвичи на Литву, на сильную рать Литовскую, и треснули копья московские, и гремят мечи булатные на поли Оршинском. И бысть непособие Божие москвичам».

Победа войск Великого княжества Литовского стала возможной благодаря полководческому таланту гетмана Константина Острожского. Слава о нем тогда гремела по всей Европе. В 1519 г. состоялся новый поход московских воевод «от Смоленска к Рше, к Могилеву и Менску». Однако город опять устоял.

Оршанский замок.
Рисунок с карты XVI в.

Оршанский замок восстанавливали не только местные жители, но и селяне из отдаленных мест Беларуси и Литвы. Так, в документе 1529 г. отмечается, что «к Оршы на работу мають люди посланы быти: з Василишок 30 топоров, 20 топоров, 15 топоров, из Дубич 15 топоров, с Острыны 15 топоров». Кроме того, тогда же король выделил на ремонт Оршанского замка «немалую суму пенязей и люди казал з волости Любошанское (на Могилевском Поднепровье) ку работе того замку послати...».

Пограничный город Орша в 1551 г. был на 10 лет освобожден от налогов. Согласно сведениям инвентаря Оршанского каменного замка за 1560 г., подойти к городу можно было с запада по мосту через Оршицу. Последний пролет моста поднимали.

Башня с воротами представляла собой деревянное двухъярусное сооружение с системой запорных устройств. Внизу стояла большая бронзовая пушка. Вторая небольшая железная пушка находилась на верхнем этаже. Башня, расположенная слева от проезжай башни, была также двухъярусная, наполовину «муром обмурована». Из вооружения была пушка, которая требовала «окованья». Третья башня была сооружена из камня до уровня второго яруса, а выше — из дерева. Внизу находился цейхгауз, где хранились 33 гаковницы, 20 аркебузов, 3 небольшие пушки, железный «кий ку стрелбе», запас пушечных ядер и пуль, свинец, порох, фитиль, селитра, сера.

Следующий участок стены проходил по берегу Днепра, где возвышалась четвертая двухэтажная башня. Рядом с ней размещался «тайник деревянный фундованный для воды у Днепр». Далее шла стена, подводившая к пятой башне. Верх стены имел вид традиционных деревянных «абланков» — боевой галереи с бойницами, которая была крыта драницей и устроена на консольных балках. Вероятно, помост галереи был очень прочным, так как на прясле стены между пятой башней и брамой «на абланках у вокнах» размещались две железные пушки. У въездной башни на крыльце «при обланках» висел «звон великий» с железным языком (клепалом).

Вплотную к каменным стенам замка примыкала 101 городня. Это были «клети на схованье» семей и скарба горожан, шляхты и окрестных селян замковой волости на случай осады.

Согласно инвентарю 1560 г., оршанцы были обязаны «в замку одну стену оправовати и перед замком мост будовати, стацею послам и гонцам давати, а подводные пенязи... давати и сторожу замковую полнити». Кроме того, они «в замку Оршанском, от речки Ршицы водлуг стародавнего звычаю городни будовали». Пушкари ведали ремонтом и изготовлением огнестрельного ручного оружия и пороха. Окрестные жители («куничники»), платившие денежные налоги, также обязаны были ремонтировать стены замка и мост.

Проезжая в январе 1593 г. через Оршу, московский дьяк Трифон Коробейников отметил, что «городок Орша каменный, стоит на реке Непре на берегу с Литовский стороны, а верхний бой на стене и на башнях деревянный». Австро-венгерский посол Николай Варкоч в августе 1593 г. записал в своем дневнике: «Рано приехали в Оршу. Это обширный город, лежит на двух реках — Оршице и Днепре. Там есть королевский, впрочем, деревянный замок, который, должно быть, значительная пограничная крепость и считается сильною, так как отчасти обнесена стеной и с одной стороны омывается рекой Днепром, а с другой — Оршицей».

В конце XVI в. каменный замок еще не был достроен, хотя на него и на другие «потребы города» шла часть доходов от местной воскобойни и гостиного двора. Это подтверждает и «Устава повинностей», которую в 1594 г. дал оршанским мещанам король Жигимонт III. Она обязывала мещан «бланки на стене замковой от Иршицы оправлять и знову заробити, кгды опадуть».

В «Уставе» были четко определены другие военно-строительные повинности оршанцев: содержать в надлежащем состоянии тайник к воде, ремонтировать мост и копать яму под подъемным мостом, давать двух ночных сторожей и «воротного меркуля подлуг старого звычаю». «Теж мещане места здешнего повинны вси и кождый засобна для обороны в час небеспечности замковой от неприятеля господарского стрельбу вшелякую, то есть гаковницы, ручницы и сагайдаки и иную оборону, рогатину и што иного, ку той обороне належить, у домех своих мети, а без обороны таковое в дому своим не мешкать». Четко регламентировались и другие обязанности горожан.

Было введено военно-податное разделение жителей города на четыре сотни во главе с сотниками. Королевская власть обязывала их «у справе дойзренью своем мети и потребы их враду доносити, а завжды за росказаньем врадовым в час небеспечности от неприятеля господарского и ку каждой потребе, так и ку работе с тыми людьми поготову быти».

Оршанский замок в начале XVII в. еще играл важную роль стратегического центра обороны восточных рубежей Великого княжества Литовского. В декабре 1620 г. король Сигизмунд подписал «Привилей» на магдебургское право Орше, где были

зафиксированы и подтверждены права и обязанности мещан по защите города. В Орше возвели ратушу, на которой были часы. Сюда же перенесли из замка «звон водлуг тамошнего способу названный ратны, в час великой небеспечности потребный».

Каждый горожанин «для лепшего варунку, беспечности и перестероги и для поваги того места Оршанского прикладом места Киевского... сперва на ратушу прысягу приносил», т. е. присягал на верность городу и его законам, обязывался безотказно выполнять все повинности, в том числе и военные.

В Орше развивались ремесла и торговля, появлялись цехи. Как свидетельствуют Статуты цехов кравецкого, пострыгацкого, кушнерского от 1612 и 1632 гг., все они имели военную амуницию, хоругви и гербы. Цехи могли забирать товары у ремесленников, не относящихся к тому или иному «объединению», а деньги от их продажи расходовать на приобретение оружия и амуниции.

В XVI — первой половине XVII в. в Орше находились три линии обороны: городские дерево-земляные укрепления с Днепровской, Витебской и Могилевской въездными воротами; каменный пятибашенный замок, который был отделен от города глубоким рвом; деревянный замок на мысу, который занимал территорию древнего детинца. В городе была артиллерия, которую обслуживали пушкари на условиях владения земельными наделами. Видимо, около 1620 г. Оршанский каменный замок был полностью достроен.

Дальнейшее развитие города обусловило активное строительство каменных храмов, монастырей и кляшторов. Их, как правило, возводили на перекрестках главных улиц, они были обнесены прочными каменными стенами. Храмы и монастыри стали внутренним каркасом обороны города и дополнительным мощным заслоном замков.

В длительной войне между Речью Посполитой и Русским царством 1654—1667 гг. Орша не раз переходила из рук в руки. В 1654 г. город был взят сравнительно легко, так как в 1653 и 1654 гг. он дважды горел. Сохранились описания Оршанских укреплений 50-х гг. XVII в., составленные царским воеводой М. Полуэктовым, который «ведал» городом: «Каменного городу стен по мере 130 сажней с полусаженью... А вышыня стен городу три сажени, а инде и полчетверти, кроме зубцов. Зубцовые все обломались, ширина в стене сажень. Ворот у каменного города и башен нет. А острогу поставлено стоячего по мере 96 сажен, а над землею вышына острогу полторы сажени. А башень не поставлено, абламов нет, подмостов и боев не делано ж. А недоделано острогу по мере 27 сажен».

Воевода предполагал возвести в остроге четыре башни. Что касается укреплений деревянного замка, то в описи отмечен земляной вал, который окружал его и достигал в высоту поло-

вины острога. Судя по сведениям того времени, высота стен каменного замка составляла от 5,3 до 8 м. Толщина стен достигала 2 м. Периметр укреплений равнялся 354 м.

Осенью 1654 г. царские воеводы пробовали укрепить Оршу. Удалось восстановить только деревянный острог, но он оказался ненадежным. В конце года войска Радзивилла штурмом овладели городом. Лишь 11 мая 1655 г. его снова заняло царское войско стольника З. Ф. Леонтьева, которое находилось здесь до конца войны.

Зарубежные и польские послы, которые проезжали через Оршу в 60–70-х гг. XVII в., не оставили записей о каменных строениях замка, но отмечали, что город «до опустошения его был хорош и велик».

Во время Северной войны город был сожжен, и от этого удара уже не смог оправиться. Если в середине XVII в. здесь проживало 5 тыс. человек, то в 1772 г. осталось только 793 жителя.

Укрепления Мстиславля

Мстиславль был основан в 1135 г. смоленским князем Ростиславом Мстиславовичем на высоком берегу реки Вихры (правый приток Сожа). Поселение, удаленное от реки на 1 км, заняло вершину естественного округлого холма размером 130 × 140 м. От близлежащего плато город отделяли широкие и глубокие рвы. Превосходную природную защищенность дополняли искусственные укрепления — кольцевые земляные валы с деревянными навальными конструкциями.

С 1180 г. Мстиславль был столицей удельного княжества, а в XIII–XIV вв. превратился в главный город Белорусского Посожья. Под защитой укреплений быстро развивался торгово-ремесленный посад. Западную его часть, прилегавшую к оборонительному рву, заселяли кузнецы («кричники»).

Около 1358 г. город вошел в состав Великого княжества Литовского, оставаясь центром Мстиславльского княжества, которым владел сын Ольгерда князь Коригайло. В княжество входили Кричев, Могилев, Княжичи, Тетерин, Дроков и Мглин с поветом. Коригайло вскоре погиб, и Мстиславль достался брату Витовта — Лунгвеню (Лугвеню), который был женат на дочери Дмитрия Донского. Когда Лугвень уехал в Краков на свадьбу Ягайло, смоленский князь Святослав Иванович предпринял попытку захватить Мстиславль. Однако город был сильно укреплен и выдержал осаду, которая длилась 11 дней. Его жители, прячась за деревянными стенами, разили противника из луков и арбалетов. Подоспевший с войском Лугвень разбил смоленского князя на берегах Вихры и захватил Юрия — сына Святослава Ивановича.

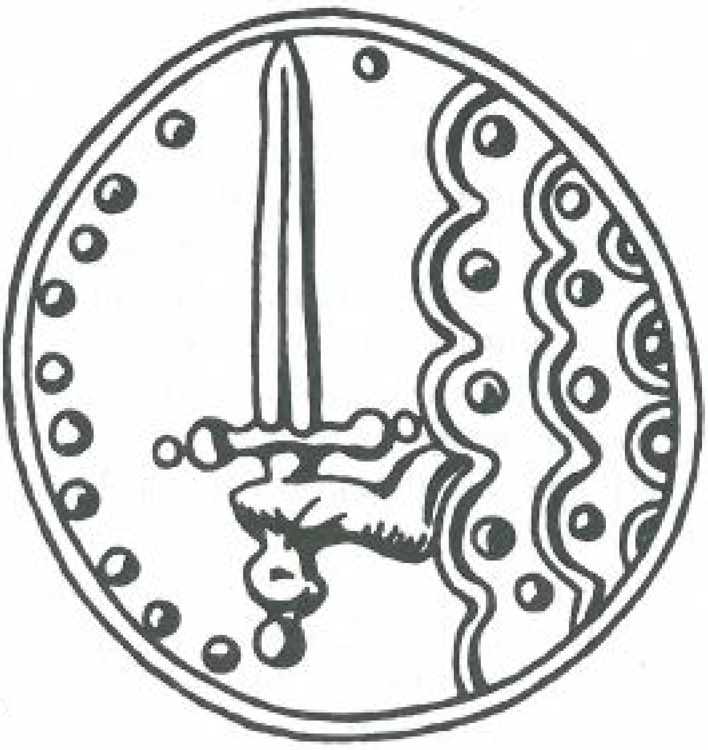
Порубежный Мстиславль был важным стратегическим пунктом, поэтому великие князья литовские и короли польские, дорожа им, старались вести гибкую политику в отношении местных князей и бояр. Не случайно Лугвень и его сын Юрий долгое время были наместниками в Новгороде Великом, получая от этой должности громадные доходы. Лугвень нужен был Великому княжеству Литовскому и как опытный военачальник. Именно ему было поручено командовать группой войск, куда входили мстиславльский, смоленский и витебский полки, которые выдержали натиск крестоносцев в критический момент Грюнвальдской битвы. Мстиславцы внесли весомый вклад в общую победу над крестоносцами в 1410 г.

Сын Лугвеня Юрий в период междоусобной войны между Свидригайло и Сигизмундом поддерживал первого. В 1432 г. Свидригайло искал спасения за стенами Мстиславльского замка. Сигизмунд, пройдя с войском всю Беларусь, вернул под свою власть города, которые поддерживали его противника. Жители Мстиславля отсиделись в своем замке и не поддались Сигизмунду. Простояв здесь безуспешно три недели, он повернул обратно. Юрий Мстиславльский еще дважды бунтовал и дважды прощался, а в 1448 г. даже имел «кормление» в Новгороде Великом.

Мощный, хорошо укрепленный Мстиславльский замок в полной мере испытал на себе всю тяжесть ожесточенной борьбы, развернувшейся в конце XV—XVI вв. между Русским государством и Великим княжеством Литовским. В 1500 г. окраины Мстиславля были сожжены отрядом русских воевод. 14 октября 1502 г. князь И. И. Мстиславский бил челом великому князю Александру, «што ж тот замок его Мстиславль скажен од Москвы и татар».

Не прошло и месяца, как несколько русских воевод во главе с князем С. И. Можайским пришли «со многими людми Литовския земли воевати. И прийдоша воеводы ко Мстиславлю ко граду». Из замка вышло войско местного державца князя Михайлы Ижеславского и воеводы Остафия Дашковича «з двором великого князя, заставою и з желныри». Началась жестокая битва, в которой, по словам летописца, только «Литвы иссекоша тысяч с седмь.., а князь Михайле едва утече во град». Воеводы не смогли взять замок и «возвратишася к Москве со многим пленом». Поход повторился осенью 1508 г. О его результатах в летописи не сообщается.

В начале августа 1514 г. князья М. Д. Щенятев, И. М. Воротынский и другие воеводы, князья и бояре смоленские «со многими людьми» вновь осадили Мстиславль. На этот раз мстиславльский князь Михаил присягнул русскому великому князю («крест целовал»). Это был тактический ход, предпринятый для того, чтобы не допустить очередного разорения города. После битвы 1514 г. под Оршей, закончившейся пораже-

Печать города Мстиславля

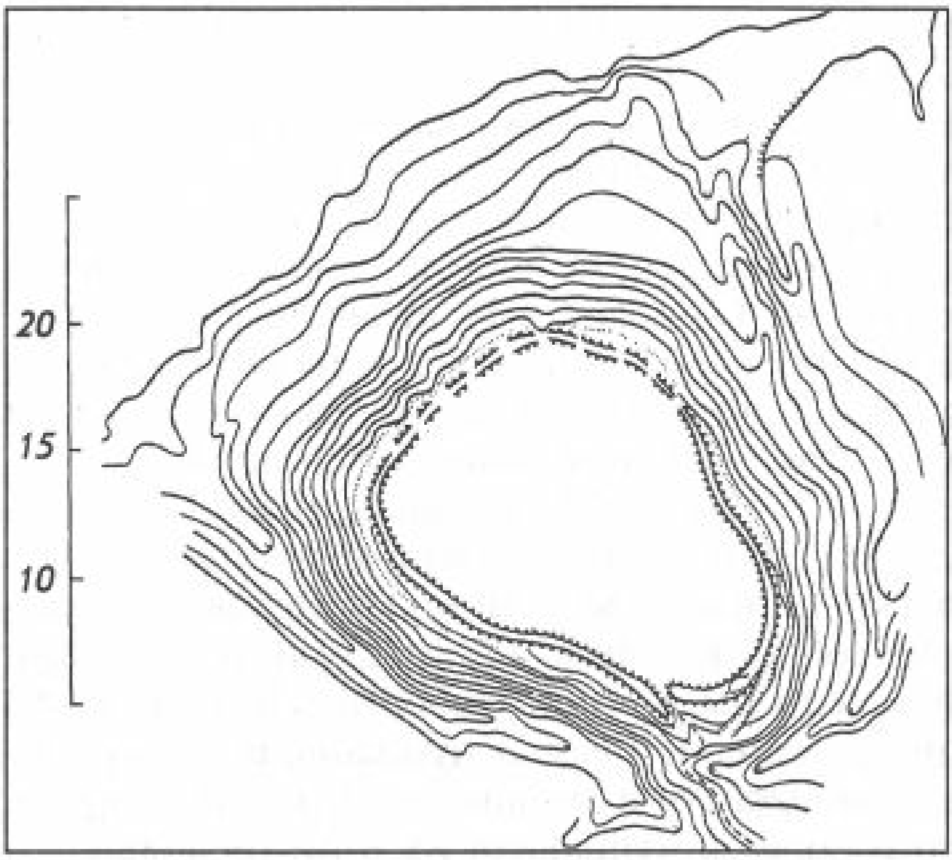
нием русских войск, мстиславльский князь «крестное целование преступиша, отступиша к королю».

В документах сказано о том, что в Мстиславльском замке в первой половине XVI в. было много огнестрельного оружия, здесь также находились солдаты («драбы»). Около 1517 г. мстиславльский наместник Огапонович получил из рук господарского дьяка Гришки «три тарасницы: две одно в ложах без колес, а третье в ложи с колесы и з ланцухом, два сердечники железные, по мотыце, по лопате железной, три куле, дожка железная, папери на мешки, што мел, пороху две бочки полных, а в третьей немного, а олова пять пудов с четвертью Мстиславское ваги».

В 1523 г. Мстиславльскую волость обязали выделять 1200 золотых для содержания в замке 600 драбов. В сентября 1527 г. в связи с передачей Мстиславля и Радомли «в держанье» князю М. И. Жеславскому король жалованной грамотой потребовал держать в них «... врядников добрых людей, веры годных, которые бы ... будучы на тых замках, верне и справедливе служили и тых замков в опатрности мели. А к тому маеть он на тых замках ховати на своих пенязях 50 драбов и теж слуг почот немалый».

Такие же условия были предложены в 1528 г. Ю. Зеновичу, который за доходы от первого года «держанья» обязался «тые замки наши Мстиславль и Родомль оправовати». Через год половину всего хлеба державца должен был направлять в хлебные амбары замков, а за доходы от продажи содержать пушкарей. Особо подчеркивалось, что Ю. Зенович не смел уехать оттуда без разрешения господаря.

Горожане и сильно обезлюдевшая Мстиславльская волость не могли своими силами справиться с городовой работой. Видя

План мстиславльского детинца («Замковой горы»)

Мстиславль. С гравюры середины XIX в.

это, господарь распорядился в 1529 г. привлечь для ремонта мстиславльского замка людей из Могилева, Кричева, Олучиц, Чечерска, Пропойска. Всего они должны были срубить 20 городней. Остальное предстояло сделать жителям Мстиславля.

Военные действия в 1534 г. продолжались до осени, поэтому в Мстиславле на зиму разместились 600 конников и 300 драбов. Вместе с отрядом вооруженных мещан и селян они представляли внушительную силу. Во всяком случае, когда в ноябре 1535 г. войско 11 царских воевод пришло «с пушками и пищалями... Мстиславля добывати», они столкнулись с упорным сопротивлением горожан. С тревогой писал король Жигимонт, что эти войска «замок наш Мстиславльский моцне облегли и з делы его добывають». Осада во время артиллерий-

ского обстрела продолжалась «немалый час, з великим штурмом». Однако войска воевод «ничего вчинити замку» не могли и за тым добыванием жадного звытяжства не одержали, одно вежу над вороты и неколко городен з дел збили».

Воевода В. В. Шуйский с «товарищи... посад изгонили и на посаде многих людей поимали в полон, а иных секли, посад сожгли, а город отстоялся». Отходя от Мстиславля, войска «старосте ... Мстиславльскому и боярам Мстиславльским и Радомским шкоды великие в живностях и в маетностях их делали и от статков отлучили, и волости тамошние завоевали».

Господарь приказал старосте Мстиславля В. А. Полубенскому направить людей из волостей «з конми и с топоры без всякого замешканья и сплошенства там до Мстиславля ... добрых молодцев, а не робят, которым бы той работе годными были и живностей велели им з собою набрати». В ходе осады был убит ведавший артиллерией замка пушкарь, поэтому господарь распорядился «обыскати и змовити четырех пушкарей», а если найдутся, то и более и отправить их в Мстиславль.

Мстиславльский замок многократно выдерживал длительные осады благодаря тому, что здесь был колодец, который содержали в хорошем состоянии. Для его ремонта регулярно присылали специальных мастеров из Могилева.

Стратегическое размещение пограничных замков Посожья, в том числе и Мстиславльского, побуждало великих князей, а позже и королей постоянно напоминать местным державцам «... абы замки граничные в доброй опатрности были, а ... чим то маеть быть опатроно, сама у себе уважити маете». Такие напоминания с указанием «поправлять» Мстиславльский замок «тамошними людъми» на отпущенные для этого деньги были сделаны в 1532, 1538, 1559 гг. Осмотр замка, его укреплений и боевого снаряжения проводили периодически.

Войны и многочисленные вражеские набеги не способствовали сохранению архивов Мстиславля, в том числе инвентарей. Уцелели только инвентари за 1604 и 1614 гг. В Мстиславле, как и в каждом пограничном городе, были пушкари, однако сведения об их количестве сохранились не в полном объеме. Около 1535 г. в документах упоминается имя одного пушкаря — Локгвина Грыдковича в связи с получением им «пляца за городом в месте Мстиславском на службе пушкарской».

В 80-е гг. XVI в. было выдано разрешение «пушкарю замку мстиславльского Семену Станиславовичу и его брату Богдану на полслужбы Омолинское и на плац в месте Мстиславском». Видимо, они и были теми людьми, которые примерно в 1602 г. получили «привилей на данину Левоновскую и Зебениковскую».

Известно, что из Виленского пушкарского двора, открытого в 1540 г. на пограничные земли, в том числе и в Мстиславле, кроме ручного огнестрельного оружия отправляли пушки. Так, в 1555 и 1563 гг. сюда были отправлены два средних фалько-

нета. Эти орудия могли стрелять 12-фунтовыми ядрами. В замке стояли губчастые ручницы и гаковницы. В 1569 г. после образования Мстиславльского воеводства вопросами обороны стали ведать каштелян и воевода.

Во время Ливонской войны враги трижды осаждали Мстиславль. В конце марта 1563 г. Иван IV «велел отпустити из Смоленска царевича Ибака, да царевича Болшого, да Ивана Михайловича Воронцова и иных воевод многих со многими людми и с татары и с мордвою. Они пришли в Литовскую землю на Святой неделе безвестно и воевали Оршу, Дубровну и Мстиславль...».

В январе 1564 г. князья В. С. и П. С. Серебряные-Оболенские «в Литовской земле войну распустили» и до 9 февраля осаждали поочередно 10 городов, в том числе Мстиславль. Целями этого похода были захват в плен населения, увод скота, вывоз добра. «Королевские села и деревни жгли,— сообщает летописец, —...и литовских людей побивали, и языки имали, и в полон многих людей и з животы поимали».

Спустя некоторое время к Мстиславлю, Кричеву, Радомле и Могилеву подступили войска князя В. А. Бутурлина «з детми боярскими и с татары служилыми, с казанскими с горными, с чебоксарскими, с остраханскими, с нагайскими, с городецкими, с мордвою... И многих людей побивали, в полон взяли воинских людей шляхтичъ, з женами и з детми, и черных людей всяких 4787 душ». Все осады Мстиславль выдержал и не был захвачен. Тридцать с небольшим лет длился для города мирный период. За это время его укрепления были приведены в порядок.

В начале XVII в. в Мстиславльском замке было 10 пушек и 150 единиц ручного огнестрельного оружия. Серпентины стреляли 5-фунтовыми ядрами и относились к навальной артиллерии. «Делы великие» стреляли ядрами и картечными зарядами весом до 36 фунтов. Позднее здесь была еще одна полуторная пищаль, которая стреляла картечью. Кроме того, в замке находился большой запас олова, свинца, ядер, серы и пороха.

В 1614 г. началась война Речи Посполитой с Русским царством. Мстиславль впервые не подвергся осаде, хотя играл определенную роль в общей военно-стратегической ситуации. Однако следующая война не обошла город. Дважды у его стен (в январе и декабре 1633 г.) появлялись отряды воеводы Богдана Нагого, которые «многих польских и литовских людей и посадских мужиков и жидов в полон поимали». Несколько раз было уведено в плен по 3 тысячи мужчин «с женами и детьми». В документах 1633 г. впервые упоминаются внешние укрепления города («острог»). Описание его, к сожалению, не сохранилось.

В ходе войны 1648—1651 гг. укрепления Мстиславля не подверглись опасности. Наблюдался дальнейший рост города,

получившего в 1634 г. магдебургское право. Способствовала этому либертация (освобождение Мстиславля на 6 лет от налогов и солдатских постоев), пожалованная сеймом Речи Посполитой за верность и мужество горожан в борьбе с неприятелем.

Мстиславль стал столицей воеводства. В XVI–XVII вв. он был торговым центром, который имел связи с городами Русского царства и Великого княжества Литовского, Центральной и Западной Европы. Совершенствовалась линия городских укреплений. Мстиславль был обнесен высоким земляным валом, на котором стояли рубленые городни и регулярно обновлявшийся двойной дубовый «баркан». Из острога через четыре брамы (Троицкую, Афанасьевскую, Спасскую и Подольную) можно было попасть на «шляхи», которые вели к Смоленску, Могилеву, Дубровне, Орше, Витебску и Кричеву.

О количестве башен мстиславльского замка сведений не сохранилось. Можно допустить, что кроме въездной воротной существовало не менее десяти башен. Неизвестна структура укреплений и острога. На подступах к замку на перекрестках главных улиц стояли каменные здания, в том числе и монастыри. Причем кармелитский и бернардинский монастыри имели свою систему укреплений. Они сыграли важную роль во время военных действий. Имели большое значение и естественные громадные рвы, окружавшие город.

Наибольшие испытания за всю средневековую историю выпали на долю Мстиславля в середине XVII в. во время войны с Русским царством. На город, который закрывал собой район Поднепровья с его многочисленными замками, были брошены войска князей А. Н. Трубецкого, Г. С. Куракина, Ю. А. Долгорукого, С. Р. Пожарского. Под командованием Трубецкого находилось 18 тысяч человек. Войско «з великою потугою арматно, облегши около все место и замок, чынечи штурмы, начало их добывать». Взять город оказалось делом непростым. Сюда, спасаясь от войны, пришли жители Мстиславльского воеводства: шляхта с семьями и слугами, крестьяне, мещане мелких городов и местечек. Все они встали на защиту города.

Судя по всему, острог недолго смог выдержать осаду войск и артиллерии. Теперь события сконцентрировались вокруг замка, куда успела перебраться значительная часть защитников города. По свидетельству очевидцев, у осажденных было мало боеприпасов. Даже предпринимая отчаянные вылазки, они лишь отдаляли неизбежную развязку. Противник, «учинивши штурм великий со всех сторон, усилством през кгвалт добывши и вынявши мечом людей — шляхты, обывателей воеводства Мстиславльского и мещан и волощан и иншых розных поветовых людей немало, которые вбегши до осады, высек и все место и замок огнем выпалил и опустошил». Другой очевидец вносит уточнения: «Замок и паркан Мстиславльский штурма-

ми и огнем добывши, народ разный шляхетский, мещан и евреев. Живых в полон в Москву забрали, а богатства разные, замок и паркан огнем спалили и до основания опустошили».

Мстиславль пал. Оставшиеся в живых мещане присягнули царю. Однако, как только осенью 1658 г. царские войска попали в сложное положение, целый ряд городов, в том числе и Мстиславль, вышли из-под власти царя. Против этих городов был послан отряд под командованием Лобанова-Ростовского, который в марте 1659 г. начал боевые действия под Мстиславлем, осадив его. Выехавший из замка отряд казаков и шляхты был разбит войском воеводы «в посаде и под городом, и в иных местах близко». Остатки отряда и мещане Мстиславля оказались в осажденном городе. Они не были готовы к осаде. Лобанов-Ростовский докладывал царю: «В осаде же воды, государь, во Мстиславле у них нет, только запасено льду, а запасы де своими и конскими запаслись немногими, потому что, государь, они нашего приходу ко Мстиславлю не чаяли».

Действия отряда Лобанова-Ростовского приобрели затяжной характер: «Подступивши и облегши замок Мстиславльский,— сообщал воевода,— стоял под замком чверть року». Осада велась по всем правилам военной науки: «Ратными людьми, с конными и пешими город Мстиславль осадили накрепко, подле самого города. Со всех сторон обозами и щитами вкруг сомкнули, в тех обозах и щитах со всех сторон на раскатах поставили пушки, проезжие большие и малые дороги заступили и воду вокруг дорог тайники у них отняли». Осажденным предлагали сдаться, но те отказались. О положении в мстиславльском замке воеводе сообщил перебежчик, смоленский шляхтич Константин Мацков, который «выдал в распросе нам, что дей у тех изменников во Мстиславле своих и конских запасов становится мало, а льду дей у тех больше не станет». Все попытки овладеть замком не увенчались успехом. Лишь в конце апреля «города Мстиславля полковник Рытор и шляхта, и казаки, и всяких чинов жилецкие люди добили челом и город Мстиславль сдали».

Однако оставленный Лобановым-Ростовским в городе гарнизон (266 человек) здесь удержаться не смог. В августе 1660 г. произошел переворот. Это случилось, когда «в ночи пришли под Мстиславль польские и литовские люди конных и пеших с 800 человек, а с ними полковник Липский и город Мстиславль осадили». Осада продолжалась две недели. 22 августа к «голове» русского отряда Савину-Овцину пришли мстиславльские шляхта и мещане и приказали ему сдать город. В противном случае обещали захватить гарнизон и выдать противнику. В документах отмечено: «И мстиславской де шляхты поручик Мартин Москович вырвал у Савина-Овцина городовые ключи и по договору с польскими людьми город отперли».

В октябре 1660 г. Мстиславль снова оказался в руках русских воевод, но общая ситуация и ход войны складывались в пользу Речи Посполитой. Воевода Б. Репнин, стоявший с гарнизоном в городе, получил царское указание отступить, а «остроги старой и новой ... выжечь и разорить без остатку, заказ учинить крепкой под смертною казнью, чтоб в том месте впредь бы никакие люди не селились». Воевода пытался объяснить, что «изо Мстиславля, государь, начальных людей и солдат свести и острогов жечь никоими обычаи нельзя, потому что во Мстиславльском уезде ноне воруют и ниней многие мужики». Однако он вынужден был подчиниться приказу. Остатки жителей — «посадских людишек ... с женишками и с детьми» 26 декабря получили указ отправиться в Ярославль. Добравшись до Вязьмы 7 февраля 1661 г., потеряв лошадей, «помирающие голодной смертью», они просили у царя не отправлять их в Ярославль, а дать возможность остаться в Вязьме. Ответ на челобитную был краток: «По указу великого государя из Вязьмы послать в Ярославль тотчас».

В 1661 г. сейм Речи Посполитой освободил Мстиславль от уплаты налогов на 4 года. Однако это было слабым утешением разрушенному и обезлюдевшему городу, как и предоставление почетного места в сейме городничему Я. Станкевичу, участнику отражения четырех штурмов в июле 1654 г. 6 апреля 1664 г. руины Мстиславля и его укрепления осматривал король Ян Казимир. Однако лишь через 15 лет немногочисленные жители города смогли взяться за восстановление разрушенных укреплений. В 1676 г. сейм Речи Посполитой поддержал предложение послов Мстиславльского воеводства о восстановлении замка, постановив выделить для этих целей все необходимое.

Во время Северной войны в августе 1708 г. Петр I, отступая со своим войском в сторону Кричева, приказал взорвать в Мстиславле «укрепления фортеции, дабы не оставлять неприятелю». Пограничный замок позднее был восстановлен и существовал до 1772 г. Постепенно он разрушился и к моменту посещения Мстиславля императрицей Екатериной II от прежнего замкового укрепления не осталось и следа. Ныне на Замковой горе ведутся археологические раскопки.

Согласно плану застройки города, который был утвержден Екатериной II, планировалось обнести Мстиславль рвом и земляным валом. Однако начатые в 1783 г. работы были прекращены, а большая часть вала отошла под сады и огороды. Как память об этом один из районов города (юго-восточный) до сих пор в народе называют Валом.

Средневековый Кричев

Остатки древнейших укреплений Кричева находятся на левом берегу речушки Кричевки, которая является притоком Сожа. Городище было заселено в эпоху неолита и функционировало в милоградское и зарубинецкое время, а также в XI—XIV вв. Малые размеры городища, удаленность от большой реки привели к топографическому перемещению в конце XI — начале XII в. укрепленного центра Кричева, а затем и всего поселения на удобный правый берег Сожа. Здесь началась история этого города. Его детинец, а в XIV—XVIII вв. замок занимали выступ берегового плато площадью более 0,5 га.

В 1358 г. при Ольгерде Кричев был включен в состав Мстиславльского княжества, а затем вместе с волостью находился под властью особого наместника, который подчинялся Виленскому воеводе как высшей инстанции. Со второй половины XVI в. город входил в состав Мстиславльского воеводства.

Главными обязанностями всех державцев были досмотр укреплений замка и организация его надлежащей обороны. Между тем Кричевский замок считался одним из важнейших порубежных замков, состоянием которого периодически интересовались великие князья, а затем и короли Речи Посполитой. В 1410 г., например, здесь был князь Витовт, в 1664 г.— король Ян Казимир. В 1690 г. гетман Великого княжества Литовского Казимир Сапега, характеризуя стратегическое положение замка, подчеркнул, что он поставлен «как от Москвы, так и от казаков около входа в государство».

Кричев неоднократно подвергался осадам (1507, 1508, 1514, 1535 гг.). В 1514 г. войска московского князя ненадолго овладели городом, уйдя отсюда после битвы под Оршей. Дважды (в 1507 и 1535 гг.) город был совершенно разрушен и сожжен, но его быстро восстановили.

В 1519 г., когда Кричевский замок был передан князю В. Жилинскому, в нем находилось 11 больших пушек, 7 из которых были трофейными «московскими». В цейхгаузе значились также 33 «полутарасницы-гроковницы, 12 ручниц, 3 фуглирика, 7 бочек пороха московского, 2 бочки старого пороха,«гроковницы» с ключом и 3 гевары».

Это оружие державцы нередко использовали против своих подданных и великокняжеских ревизоров, если они не желали им подчиняться. Именно так хотел поступить в 1527 г. князь В. Жилинский по отношению к Ивану Ботвинье, который прибыл к нему с «господарским листом». Князь заявил: «Естли дей для мене с тыми листы пойдешь, велю дей на тебе з замку з дел бити».

В трудные для кричевского замка времена во время обороны города сюда привозили пушки из соседних замков, в част-

ности из Могилева. В случае войны здесь размещались значительные воинские контингенты. Так, в 1534 г. в Кричеве было 200 конников и 200 драбов ротмистра Пясецкого.

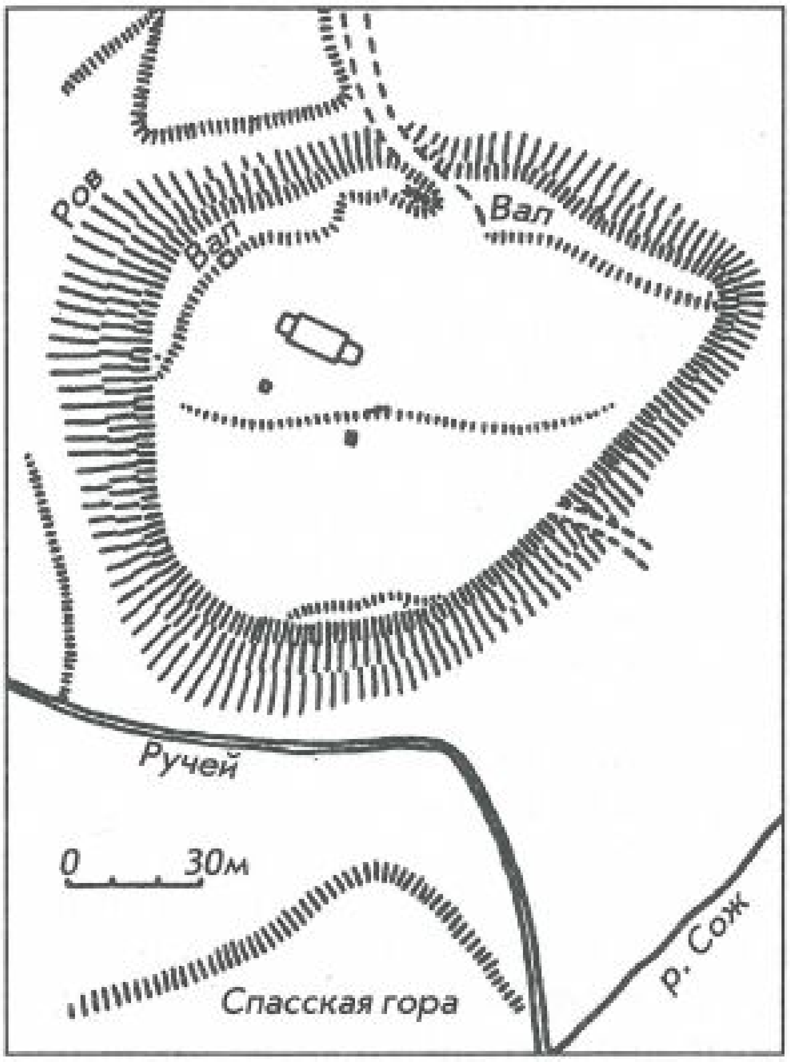
Как и в любом замке в те времена, в кричевском были пушкари — представители военно-служилого населения. Они несли государственную службу на определенных условиях. В XVI в. их насчитывалось пять человек. Как свидетельствуют документы XVI–XVII вв., это были в основном представители двух кричевских фамилий — Карпачей и Герцыков. В «подтвердительных» грамотах Стефана Батория в 1586 г. называются Митка Иванович Карпач, Семен Иванович Карпач, Тишка Иванович Карпач, Федка Карпач, Иван Герцык. Упоминаются также наследственные пушкари Лех Кондратович Бочка, Василий Шулга, Мартин Иванович Шулга, Левон Гаврилович Азарович и Пархвен Карабан.

Пушкари «от давних часов на той службе пушкарской завжды ее пристойне и верне пильновали». Пушкари ежегодно получали плату по 5 коп грошей «личбы литовское». В мирное время они обязаны были ежегодно давать на нужды замка 120 фунтов пороху, периодически осматривать, ремонтировать огнестрельное оружие, а в случае военной опасности являться в замок в полной боевой готовности.

В случае военной опасности пушкарей могли мобилизовать для несения службы в армии. Так было в 1610 г. во время похода Жигимонта III на Смоленск, когда у кричевских пушкарей закупили много пороха, а два замковых пушкаря принимали участие в военном походе, получая дополнительно за службу 6 злотых в месяц. Кричевские замковые пушкари в XVII в. за свою «верную зычливую и пильную службу при той фортецыи и на потребу Отчизне всей» неоднократно получали привилегии и освобождались от различных повинностей, контрибуций и военных постоев.

Все «привилеи», которые были даны королями Стефаном Баторием, Жигимонтом III и Владиславом IV на «поля, лесы з деревом, озера с певным ограниченем», неоднократно подтверждались. Тот, кто отваживался посягнуть на эти владения, по жалобе пушкарей мог быть наказан в размере 100 коп. Пушкари постоянно упоминаются в инвентарях Кричева XVII–XVIII вв. Так, в 1693 г. в замке несли службу 17 пушкарей, в 1720 г.— 19, в 1723 г.— 24, в 1765 г.— 6 человек.

Строительство военно-оборонительных укреплений в Кричеве, как и в других великокняжеских городах, было заботой населения города и волости. Жители города, кроме того, в военное время должны были с оружием в руках защищать укрепления города и замка. Так, в наказе Виленского сейма державце князю Жилинскому говорилось, чтобы замок восстанавливали «тамошние» люди на деньги, отпущенные из скарба. Говорилось о необходимости запасать провиант и «там мешкати

План городища «Замковая гора» в Кричеве. 1967 г.

в добром осмотреньи и осторожности». Во время войны все бояре Кричевского повета должны были выставить для защиты Кричева необходимое количество вооруженных всадников. В 1604 г. их было 531 человек.

В военное время Могилевская волость давала 800 злотых на содержание в замке 400 драбов, обеспечивала Кричевский замок порохом, продовольствием. Здесь несла службу могилевская шляхта. Оружие, порох, селитра, шанцевый инструмент поставляли централизованно из Виленского великокняжеского цейхгауза.

В середине XVII в. была проведена реконструкция замковых укреплений Кричева. Вся внутренняя часть западного участка вала была срезана и перемещена в сторону оборонительного рва. Это позволило расширить площадку замкового двора, а мощная «подушка» из красной плотной глины с песком подняла вал на высоту более 5 м над замковым двором. По гребню вала шли укрепления срубной конструкции.

В инвентарях XVII в. описан комплекс укреплений, который состоял из пяти башен: воротной башни и четырех других, три из которых стояли со стороны Сожа. Перед замком был вырыт оборонительный ров шириной более 42 м. Через него на сваях построили деревянный мост до самых ворот. В замке находилась церковь Св. Миколы, стояли жилые и хозяйственные постройки, цейхгауз, был вырыт колодец. В сторону реки Сож выходил тайник.

Как и в большинстве городов XIV–XVII вв., в Кричеве, кроме замка, была еще одна линия обороны — собственно городские укрепления. Городские посады были обнесены валом и деревянными стенами, в которых находились три башни — Забялышинская, Могилевская и Мстиславльская. Со стороны Мстиславля город был защищен высокими обрывистыми склонами, мельничным прудом на Кричевке.

В документах середины XVII в. говорится о том, что «на поделку» и оборону Кричева, «как прежде сего бывало, шли доходы с корчмы в городе и с двух мельниц за рекою Сожем на реке Духобыче стоячие». Подобно другим городам, получившим магдебургское право, мужское население Кричева входило в военные организации — объединялось в десятки и сотни. Таких сотен было пять: Бочкова, Забялышинская, Латынская, Погоранская и Подбережская.

В случае военной опасности город оповещали об этом ударами «в звон ратный, который ест завещоный при церкве Св. Николы в замку Крычевском». Без нужды звонить в колокол было строжайше запрещено. Зная, что обычно «в тот звон ратный на кгвалт звонят ... яко на замку пограничном, з великим страхом з домов своих люди, которые живут за замком, до замку утекали, яко звыкли от неприятеля утекать». Звон ратный еще в 1664 г. находился на звоннице Никольской церкви. Однако в 1687 г. уже упоминается «звон на браме замковой для скорейшей побудки и збирания жихаров места Кричева».

В документах первой половины XVII в. есть данные о наличии в Кричеве укреплений, которые не раз подвергались осаде в ходе военных действий. Так, в январе — марте и декабре 1633 г. город был трижды осажден войсками донских казаков С. Пирога, Б. Нагого и русского воеводы И. Тарбеева. Как сообщается в документах, к Кричеву «приступали многожды до тех мест, покаместо у ратных людей пороху стало, а сражались эти люди с литовскими людьми до смерти живота своего». В январе 1633 г. отряды воеводы Богдана Нагого «воевали мстиславские и кричевские места и полону взяли польских и литовских людей с женами и детьми 3000 человек».

В декабре 1633 г. городские укрепления не выдержали осады. И. Тарбеев написал царю, что «с ратными людьми в Кричеве большой острог взяли, многих польских и литовских людей побили и острог выжгли, к меньшому острогу приступали многажды». Замок, однако, выстоял, а русские войска захватили четырех шляхтичей, «да полону всяких людей с 2000 человек».

В 1648 и 1651 гг. не смогли овладеть городскими укреплениями восставшие крестьяне и украинские казаки. Тогда отряд казаков, придя из Рославля, энергично, но безуспешно осаждал Кричев. Он был разбит подоспевшими отрядами шляхтичей Мстиславльского и Оршанского поветов. Решением сейма

Речи Посполитой за стойкость Кричеву было дано освобождение на 6 лет от налогов и постов «жолнеров» Речи Посполитой, за исключением таможенных и мытных сборов.

Во время начавшейся в 1654 г. войны между Речью Посполитой и Русским царством Кричевский замок был так охарактеризован русским командованием: «Город Кричев крепок, стоит на осыпи высокой, и ров глубок, и въезд и выезд один, а пищалей затинных и винтовочных в городе много». Осада, которую вел полк воевод Шереметьева и Щербатова, затянулась с июня по сентябрь 1654 г. Воеводам было рекомендовано отказаться от приступов, стать в прикрытие. Они «промышляли над городом зажогом, изождав ветру». В августе царь приказал перебросить к Кричеву из-под Дубровны «жилецкие и татарские сотни».

Осажденные «з немалым крыви своей пролитьем, в голоде и великой нужде отпор давали, у ноч на неприятеля, шкоды чынячи, выходили». Воеводы дважды предпринимали штурм, но безуспешно. Все это сопровождалось бомбардировкой замковых укреплений, приводившей к пожарам и разрушениям. По словам осажденных, Шереметьев Кричев «извоевал, только одними душами остались есьма».

Город не сдавался русским воеводам. В переговорах участвовал могилевский шляхтич К. Поклонский. Они были долгими и трудными, неоднократно прерывались. Военная ситуация, сложившаяся к осени 1654 г., оказала воздействие на умонастроения осажденных. Город все же был сдан. Видимо, такое решение было принято после долгих споров, ибо здесь оставались значительные силы. Во всяком случае русским воеводам дважды за годы войны (в 1658 и 1661 гг.) удалось захватить город.

В 1661 г. русский гарнизон ушел из Кричева. Решением сейма Речи Посполитой из-за бедственного состояния и разорения город был освобожден от уплаты налогов на 4 года. В мае 1664 г., когда замковые укрепления осматривал король Ян Казимир, они находились в удовлетворительном состоянии.

В первом послевоенном инвентаре Кричева (1673 г.) в общих чертах дано описание укреплений замка: «Замок Кричевский стоит на горе с деревянным парканом, кругом прикрытым драницами. К тому замку от места мост высокий на избицах. Перед брамой замковый узвод с железными полосами и крюками для подъема этого моста». Из оружия называются 2 бронзовые, 2 железные полевые пушки, шмыговница, 24 гаковницы, 13 штармачков железных, 33 фитильных мушкета, 8 бердышей. Кроме того, в замке было более 270 фунтов пороха, 1500 мушкетных пуль, 230 ядер для пушек и гаковниц, граната, олово. В замковом амбаре хранилось свыше 150 бочек зерна (пшеница, рожь, ячмень, горох, гречка), мед, соль, поташ.

В городе находились укрепления, названные словом «острог». О наличии «острога» свидетельствует название улицы — «Остроговая». Повинностью мещан было возведение «паркану коло замку водлуг давнего звычаю меского».

Описание замка в инвентаре 1679 г. свидетельствует о его медленном разрушении, хотя половина «паркана» была сделана заново. В «шляхетской» половине покрытие было дырявое и требовало ремонта. Количество пушек уменьшилось до двух. В это время в замке было 23 гаковницы, шмыговница, 14 штурмачков, 25 мушкетов, небольшой запас пуль и ядер, 100 фунтов пороха, 20 пудов мелкой дроби («гнюса»).

Город, разоренный ежегодными зимними «лёжами» регулярного войска Речи Посполитой, возрождался с трудом. В 1690 г. гетман Казимир Сапега на 3 года запретил размещать в Кричеве войска на зимний постой.

Инвентарь 1693 г.— единственный из дошедших до нас документов, в котором подробно описаны планировка, характер укреплений замка, повинности и объем «городовой работы», возложенной на мещан и шляхту.

В замке в это время было пять башен — воротная и четыре других, которые стояли по периметру горы. Из города в замок можно было пройти по мосту «на избицах», переброшенному через сухой ров. Замковые ворота «брама» были прямоугольные в плане, в два бревна, с двойными дубовыми полотнищами на «бегунах» с защепками, пробоями и замком.

Внизу в «браме» стояли шмыговница, две бронзовые полевые пушки на колесах. Наверху были поврежденная пушка, шесть мушкетов и шесть бердышей (по числу охранявшей ворота стражи). Вход на второй ярус башни находился со стороны замкового двора.

Слева от «брамы» шло прясло из стен-городней, которые досматривали горожане. В инвентаре отмечается, что «кватера (участок обороны) меская новая ... драницами покрыта, а нужно, чтобы была глиною обмурована аж до башни Роговой к Сожу. Далее вдоль Сожа шло два участка «кватеры волостной», включающей городни и две башни — «Середнюю и Роговую». Первая состояла из двух этажей и завершалась драничной крышей. Вторая выполняла роль «тайничной башни», так как здесь находился «потаемник», открывающий ход к реке Сож. Стены и башни были в хорошем состоянии, но тайник разрушили, его нужно было делать заново. Этот участок обороны досматривали Полевая и Зарецкая волости.

От «Потаемной» башни шла «кватера волости Кошанской», которая к тому времени «внивеч зруйновалася», хотя угловая башня, которая стояла со стороны города, была цела. От угловой башни до въездных ворот шла «кватера шляхетская», которая защищала замок с самой важной стороны. Она сгнила, а «насупроть самого места уже поруйновалася». В документе

сказано, что шляхтичи разрушенное «будовать не хочуть», а без этого и остальные укрепления «за ништо зостаются».

На замковом дворе стоял цейхгауз, сооруженный из дерева, а снаружи обмазанный глиной. Вход закрывался деревянной решеткой. Здесь были еще двойные двери с системой сложных запоров. К замку было «приписано» 18 пушкарей, старшим из них считался Самусь Карпач, получивший в 1684 г. особую грамоту на старшинство от короля Яна III.

Кричев был пограничной крепостью, поэтому здесь существовало такое правило: каждый выезжающий из города и приезжающий сюда должен был информировать «замковый урад» о цели своего отъезда и приезда. В инвентаре этот обычай мотивируется тем, что Кричев — «это пограничная фортеция». Нарушителя наказывали штрафом в размере 5 коп грошей.

В конце XVII — начале XVIII в. Речь Посполитая оказалась втянутой в войну со Швецией. Восточные районы Беларуси в 1707—1709 гг. были зоной активных боевых действий, что не могло не повлиять на состояние Кричева. Отзвук этой войны слышится в документах 1709, 1720 и 1723 гг., в которых отмечается, что пустых домов в городе больше, чем жилых. Соответственно выглядел и замок: «башни и избицы наполовину разрушены» (1709), «брама старая, со двора глиной облеплена» (1720), «на валу башня старая, которая наклонилась, обваливается и разваливается ... избицы, на валу от места стоящие, старые и целиком разрушенные и от земли реставрации требуют» (1723).

Только в 1727 г. упоминается в замке «брама новостроенная», однако здесь же говорится о «старой, наклонившейся башне», новой угловой башне, о разрушенном прясле стены со стороны реки и участке ограды в виде «палисада». Со стороны города укрепления на валу были целиком разрушены.

К середине XVIII в. город был отстроен заново. В последнем инвентаре Кричевского замка 1747 г. описан довольно прочный комплекс оборонительных сооружений. У въезда в замок из города был построен новый мост на высоких сваях, огражденный перилами. В самом его начале стояла будка фельдвахты, шлагбаум закрывал далее путь по мосту. В середине моста находился подъемный мост на железных цепях. Далее шла система из двух «форток» — небольших ворот, устроенных между перилами. Только после этого можно было попасть в замковую «браму». Над гонтовой крышей брамы на железном стержне возвышался флюгер из жести в виде радзивилловского орла.

В 1772 г. Кричев вошел в состав Российской империи. В 1778 г. русские военные топографы, снимая план города, зафиксировали в замке палисад, находившийся на вершине вала. Небольшой замок, окруженный палисадом и рвом, еще стоял в Кричеве в 1780 г. После этого кричевские укрепления в документах больше не упоминаются.

Укрепления средневекового Мозыря

Летописный Мозырь, судя по археологическим данным, возник в XII в. на высоком мысу между двумя оврагами, которые прорезали высокий правый берег Припяти. Город входил в состав Туровской земли, затем — Киевской, а в XIV в. стал принадлежать Великому княжеству Литовскому.

Город, издревле соседствующий с землями, через которые в XIII в. проходили татаро-монгольские полчища, а в XV–XVI вв.— крымские татары, неоднократно уничтожался врагом. Так, в 1497, 1521, 1534 гг. его осаждали крымские татары, а в 1534 г.— войско русского князя Ф. Телешнева.

Уже в 1501 г. Мозырский повет имел «Уставу», подтвержденную в 1528 г., в которой всему шляхетскому владельческому населению Мозырщины предписывалось «тую подымщину, жито и гроши ... поспол с мещаны и волостью нашою давати и замок наш робити подле места и вставы нашое».

В средневековом Мозыре вначале было две линии укреплений — замок, находившийся на Спасской горе, и городской паркан, который охватывал прилегающую к нему территорию.

Замок имел стабильную планировку и застройку, которую время от времени подновляли, а если и перестраивали, то в первую очередь оборонительные сооружения. В инвентаре 1552 г. описаны строительные работы, когда замок возводился «з дерева сосновово, тесаного под шнур». Башни были рублены «в четыры стены», т. е. толщина стен была в четыре бревна, а городни — «у три стены». Работа в «новом замке» длилась 9 лет, а началась в 1543 г. В замке были ворота («вежа воротная») с подъемным мостом на двух цепях, но «узвод» не работал. По кромке горы стояли 25 частично достроенных городней, две семиярусные башни, а также два дома «тесаных с подсябитьем», т. е. они были приспособлены к нуждам обороны. Общая протяженность укреплений составляла 146 саженей (281 м с небольшим). Во избежание пожара стены укреплений были обмазаны глиной.

На замковой горе стояли церковь Св. Спаса и дом городничего, в котором в одной из «комор» размещался замковый цейхгауз («схование замковое»), где находились гаковницы, ручницы и амуниция. Постройка была обмазана глиной изнутри и снаружи. Для хранения хлеба были поставлены «две свирны», а также «изба чорная для сторожов замковых, пивниц две». Замковый колодец глубиной более 58 м, построенный в 1482 г., за 70 лет существования полностью разрушился, и нужно было делать новый.

В 1552 г. в арсенале замка числилось пять бронзовых пушек на колесах, отлитых в 1505, 1507 и 1536 гг., четыре серпантины («сорпатины»), прикрепленные к колам, четыре ста-

росветских «кия», шестьдесят «давних гаковниц» и восемь гаковниц, «привезенных с скарбу». К ним имелись ядра различного колибра — железные, каменные, облитые оловом и необлитые, а также глиняные формы для отливки ядер и железные (для гаковничных пуль). Кроме того, были запасы пушечного пороха, серы («полбочки»), свинца («шесть штук»), сделана ступа для толчения пороха. На «обланках ку обороне» в достаточном количестве лежали колья и колоды.

Подножие Замковой горы также было укреплено. Здесь был оборонительный ров глубиной 8 сажней (9,75 м), который дугой охватывал подошву горы с запада, где находился единственный подход к замку. В разрыве между дугами стояла брама, через которую контролировали доступ в замок.

Кроме предзамковых укреплений у подошвы горы был еще один пояс обороны Мозыря — «паркан перед замком». Эти сооружения дугой охватывали «место», замок и упирались в высокий берег Припяти. Протяженность этой линии укреплений достигала 169,5 сажней (около 339 м). В нее включались дома «с подсябитьем» и городни. На отдельных из них было «седенье летное вместо сеней пороблено». Там, где в линии паркана не было домов, выходивших глухими стенами «с подсябитьем» в сторону «поля», было «острогом добре зароблено». Перед парканом с внешней стороны был ров. Попасть в «место» можно было через трое ворот по мостам, переброшенным через ров.

Напротив Замковой горы находилась возвышенность. В случае осады противник мог использовать ее для обстрела города. В 50-е гг. XVI в. при мозырском державце Миколае Нарбуте здесь начали насыпать вал и копать ров, однако работы не были завершены.

«Городовую работу» в Мозыре выполняли «место» и две волости (Мозырская и Бчичская) — «люди князские, панские и земянские, хто кольвек ... имение отчизное або выслуженное мает», кроме крестьян села Барсицкого, которое принадлежало виленскому воеводе Радзивиллу. В перечень военно-строительных работ были включены «работа замку и паркану», сооружение «острога около места» с его тремя воротами и «кобылинами», запиравшими улицы, «мост замковый и два мосты коло паркану».

Если зимой приходила весть о подходе неприятеля, мещане должны были делать на реке полыньи и проруби возле берега. Чтобы противник не мог подойти по льду и форсировать полыньи, ставили дополнительные преграды («кобылины»). «Место» и волость были обязаны «досматривать и делать в замке колодезь» и водосток. За деньги города и волостей «с стародавна на работу замковую и паркановую» нанимали плотников («дойлидов»). За это каждому мастеру причиталось в год по 3,5 копы грошей.

Как и в других замках, «место» и волости нанимали за свои деньги шесть сторожей, которые днем несли службу у ворот, а ночью поочередно по двое «на замку кликали». В случае военной опасности город был обязан дать по два ночных сторожа для каждой городской брамы. Еще двух сторожей нанимали «до паркана для паления печей в избах и рубения дров для кухни».

В отличие от других городов и волостей в Мозыре административно-податной и тягловой единицей были не десятки и сотни, а особая единица, которая называлась «неделей». Их было три: «неделя Верховая», объединявшая 58 домов, которые находились в верхней части города; «неделя Середковая», где было 55 домов, стоявших в центральной части Мозыря; «неделя Низовая» — 33 дома в нижней части города. В Мозырской волости насчитывалось шесть недель — Ипская, Богушицкая, Домановицкая, Айточицкая, Заголинская и Скрыголовская. В Бчичской волости было столько же недель — Лучицкая, Багриновская, Волосовская, Сковишинская, Рудобельская и Сокирицкая.

В 1552 г. в городе было пять пушкарей. Трое числились на замковой пушкарской службе. Пушкарь «Яким, немец, неоселый, винен порохи робити с селитры и з серы замковое. Берет из скарбу господарского по 15 коп грошей в год». Пушкари «Опанас Лызич и Пилип Русин» за свою службу были освобождены от всех податей городу и замку и имели «под собою у месте по тяглому дворищу». «Василий пушкарь и Яцко Случанин пушкарь» привлекались к несению пушкарской службы в случае острой необходимости.

В 1577 г. король Стефан Баторий даровал городу магдебургское право. В своей грамоте он выразил надежду, что пограничное «место», которое уже начали приводить в порядок, будет еще «лучше укреплено и станет более безопасно против любого неприятеля». Для этого мещанам разрешалось использовать на постройку и ремонт укреплений доходы от солодовни, яток, «лазни», «пастрыгальни» и др. На доходы от «важницы» разрешалось содержать пушкарей.

В 90-е гг. XVI в. Мозырщина оказалась в зоне «казацкого своволенства от Лободы и Наливайки», к которым присоединились многие крестьяне волости. Даже в 1611 г. «поборца» налогов К. Аскерко не мог полностью собрать причитавшуюся сумму денег.

В 1601 г. Мозырь пережил сильный пожар, который уничтожил «Королевский замок». В огне исчезли вся замковая амуниция, пушки и другое огнестрельное оружие. Только в 1609 г. сейм Речи Посполитой поставил вопрос о восстановлении замка. Мещане под угрозой штрафа в 40 гривен обязывались помогать шляхте и волости восстанавливать замок, а также делать укрепления и иметь оружие. К вопросу о восстановлении мо-

зырских укреплений сейм возвращался в 1611 и 1613 гг., однако они еще не были сделаны, хотя штраф для виновных увеличился в два раза.

Причиной такого «нерадения» был произвол замковой администрации, которая вопреки магдебургскому праву подчинила часть мещан городской юрисдикции и стала взимать незаконные налоги. В ответ на это 3 октября 1615 г. жители Мозыря во главе с двумя бурмистрами «с хоругвами, мушкетами и другим оружием» напали на замок и «трех служебников старосты Мозырского убили». Одновременно восставшие арестовали мещан, которые поддерживали замковую администрацию. Их имущество конфисковали и передали вместе с незаконно собранными налоговыми деньгами в городскую казну. Был избран новый войт, и все мещане перешли под магистратское самоуправление. Борьба продолжалась с переменным успехом. Королевская власть 17 декабря 1622 г. вынуждена была восстановить справедливость и частично признать требования мещан.

Летом 1648 г. Мозырь стал местом сосредоточения казацких отрядов. Жители города составляли вооруженную хоругву, входившую в отряд мозырских повстанцев во главе с мастером — седельником Иваном Столяром. Тревожная обстановка заставила восставших отправить женщин и детей на Украину. В январе 1649 г. к городу подошло 15-тысячное войско гетмана Я. Радзивилла. Ему противостояли вооруженные мещане и отряд казаков Михненко.

Осажденные подготовились к защите города: перед городской стеной возвели дополнительные укрепления, укрепили и сами стены. Склоны валов были политы водой, вдоль берега Припяти был вырублен лед и сделаны большие полыньи. Глыбами льда и срубами, заполненными землей, перегородили улицы. Повстанцы не ответили на предложение Радзивилла сдаться, но противостоять наемному войску не могли, так как оружие было не у всех. Кроме того, половину пушек забрали и увезли на Украину казаки, приходившие из Петрикова.

19 января 1649 г. войско Я. Радзивилла начало штурм городских укреплений, который закончился неудачей. Затем к пехоте присоединились кавалеристы. После артиллерийского обстрела Мозыря начался штурм с трех сторон. Несколько раз осаждавших отбрасывали с большими потерями от городских стен. Затем под прикрытием саней, нагруженных бревнами, враг ворвался в город. Весь день шел жаркий бой, дрались за каждый дом. К концу дня пал замок. Последняя группа восставших погибла на берегу Припяти, лишь немногие спаслись.

В годы войны Речи Посполитой с Русским царством (1654—1667) Мозырь пережил тяжелые испытания. Состояние города описано в документах Сейма Речи Посполитой 1676 г.: «Мес-

то наше судовое Мозырь дотла разрушено и теперь в руинах, потому что всего несколько десятков жителей в нем уцелело». Чтобы город быстрее возродился, коронационный сейм Яна III освободил его от постоев и военных поборов.

Постепенно Мозырь был восстановлен. В начале XVIII в. в городе стояли Старый замок на Спасской горе, а также Новый замок. На подступах к Мозырю возвышались каменный костел и кляштор иезуитов.

Новый замок просуществовал до конца XVIII в. В 1772 г. там еще была башня с воротами, кругом стоял «паркан», а на замковом дворе сохранился комплекс хозяйственных построек. Упоминается также и другая «брама».

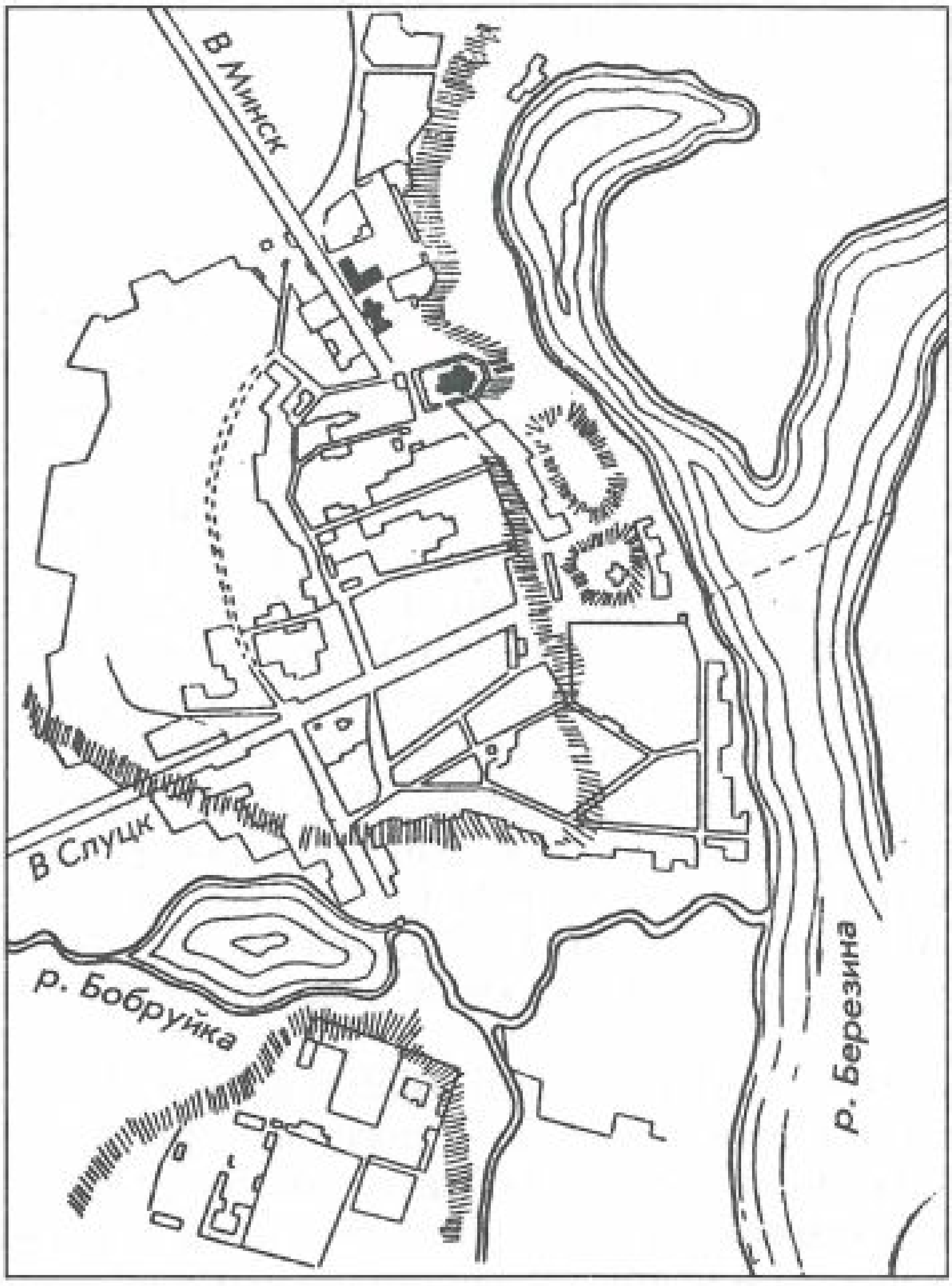
Оборонительные сооружения Бобруйска

Бобруйск упоминается в письменных источниках с конца XIV в. как небольшое поселение, которое существовало уже в эпоху Киевской Руси. Оно возникло на высоком правом берегу Березины недалеко от впадения в нее речки Бобруйки. Городище древнего Бобруйска находилось в 200 м от устья Бобруйки вверх по течению Березины на высоком холме. Крутой склон защищал поселение со стороны Березины. С других сторон был вырыт оборонительный ров, отделявший средневековый замок от растущего города. Бобруйск развивался в своеобразном треугольнике между реками Березина, Бобруйка и ручьем Днепровец, который ограждал поселение глубоким руслом с северо-запада, впадая слева в Бобруйку. Плотина, устроенная на реке, создавала дополнительную преграду на подступах к поселению с запада.

С XV в., со времен короля Казимира, жители Бобруйска и сел волости отбывали «сторожу» против татар, строили городские укрепления, досматривали мосты, выполняли другие повинности. Население Бобруйской волости было обязано регулярно поставлять стройматериалы и людей для военно-фортификационных работ в Киевском замке.

Город находился на территории, которая часто подвергалась набегам крымских татар, и его неоднократно осаждал неприятель. Так, в 1502 г. Бобруйск опустошили крымские татары, в 1503 г. нападение повторилось, но князь Семен Слуцкий разгромил врага под Бобруйском, отнял награбленное добро и освободил уведенных в плен.

По сохранившимся описаниям Бобруйского замка XVII в., он стоял на высоком валу и был обнесен оборонительным рвом. Среди огнестрельного оружия здесь были две железные пушки, три серпантины, одиннадцать губчатых ручниц, сорок три гаковницы, железные и каменные ядра, оловянные пули для гаковниц, запас пороха, селитры, серы и олова.

План Бобруйска. 1794 г.

Как и в других замках, здесь находились пушкари, которые досматривали оружие. В их обязанности входили ремонт военной амуниции и оружия, изготовление ежегодно 48 фунтов пороха, а если потребуется — и участие в военных действиях. За это пушкари имели в Бобруйске «оселость». Каждый из них владел двумя волоками земли и застенком. Основными их обязанностями считались защита замка от «собранных куп свовольных людей» и «отпор таким людям, которые в этих краях часто за общего неприятеля стоят». Во время участия в военном походе пушкари «порох для замка не давали, пока в Бобруйск не вернутся». Согласно «звычаям тутейшых пограничных краев и водлуг старой ревизии», город и волость выставляли каждую ночь «на голошение» сторожей (кликунов), которые отбывали свою повинность понедельно.

Бобруйск был обнесен валом и парканом. Въехать в город и выехать из него можно было через четыре башни с воротами. Внизу, на берегу Березины, находилась «Подольная брама», от которой шла дорога из города к паромной переправе и дальше на Могилев. Выше по течению Березины, через 26 шнуров (около 1274 м) стояла «Свислочская брама», открывавшая путь к

Свислочи. В северо-западной части города находилась «Киселевская брама». Расстояние от нее до противоположных укреплений, расположенных над Березиной, равнялось 11 шнурам (539 м). Наконец, была построена еще одна брама, которая стояла со стороны р. Бобруйки. Здесь был большой пруд с плотиной, на которой размещался «млын». Доступ в город осуществлялся через плотину и «Прудовую браму». Бобруйчане содержали постоянную круглогодичную «сторожу» от татар в Речице, Мозыре и Лоеве, чтобы иметь «ведомость о постороннем неприятеле».

В 1648–1649 гг., когда на Беларуси вспыхнула антифеодальная война, Бобруйск пережил ряд серьезных потрясений, от которых так и не оправился вплоть до начала войны Речи Посполитой с Русским царством (1654–1667). В октябре 1648 г. город без сопротивления сдался отряду во главе с полковником Филоном Гаркушей. Он оставил здесь отряд Поддубского, который совместно с горожанами в январе 1649 г. в течение 4 недель отбивался от осаждавших город отрядов шляхты и наемников. В январе 1649 г. Бобруйск был взят штурмом подошедшими из-под Мозыря войсками Я. Радзивилла, которому помогла некоторая часть горожан. Захваченные врасплох повстанцы погибли.

Во время войны 1654–1667 гг. в марте 1655 г. казаки Н. Золотаренко захватили Бобруйск. В своем донесении царю Алексею Михайловичу Н. Золотаренко сообщал, что Бобруйск и Королевскую слободу его войска «спалили, чтоб впредь не было при чом держатися врагам и недругам вашего царского величества». Остатки гарнизона, который частично состоял из наемников, были пущены «под меч». В 1665 г. город был повторно разорен казаками и потерял свое значение как крупный торгово-ремесленный центр.

После войны городские и замковые укрепления были восстановлены. В инвентаре города за 1671 г. отмечены городской «баркан», Киселевская и Подольная брамы. К замку был подведен мост через оборонительный ров. По нему можно было попасть в двухъярусную замковую башню. Нижний ярус с проездом имел вид прямоугольного сооружения, над которым возвышалась башня «на десятерику». Въездная башня имела двойные ворота с «форткою» для пешеходов и систему железных запоров. Наверху стояли три гаковницы.

Вторая башня находилась слева от костела и имела «дольнее схованье» с дверью. Башня была обмазана глиной. Такая же башня стояла недалеко от церкви Св. Миколы на подзамчище. Кроме трех башен в замке было еще два редута. Один из них был «крыт драницами», а другой не накрыт. В инвентаре отмечалось, что «весь тот замок кругом рва очастоколен высоким толстым деревом». В замке был устроен цейхгауз «мурованы, неопалы, только ничым ненакрыты». Из оружия назва-

ны 5 исправных гаковниц и 7,5 коп (450 штук) гаковничных стволов.

Судя по планировке, лучше всего замок был укреплен со стороны города, где находились три деревянные башни. Редуты располагались со стороны Березины, защищая подступы к «Подольной браме».

В инвентаре Бобруйского замка за 1684 г. отмечена прежняя структура его укреплений: та же въездная башня-брама, еще две башни и два редута. Со стороны города был глубокий ров. Подчеркивалось, что замок с одной стороны «моцно рекою» защищен.

В то время воды Березины действительно почти омывали стены замка, но позднее, в XVIII в., река изменила свое русло и стала находиться на значительном расстоянии т города. Старое заболоченное русло продолжало играть определенную защитную роль на подступах к замку.

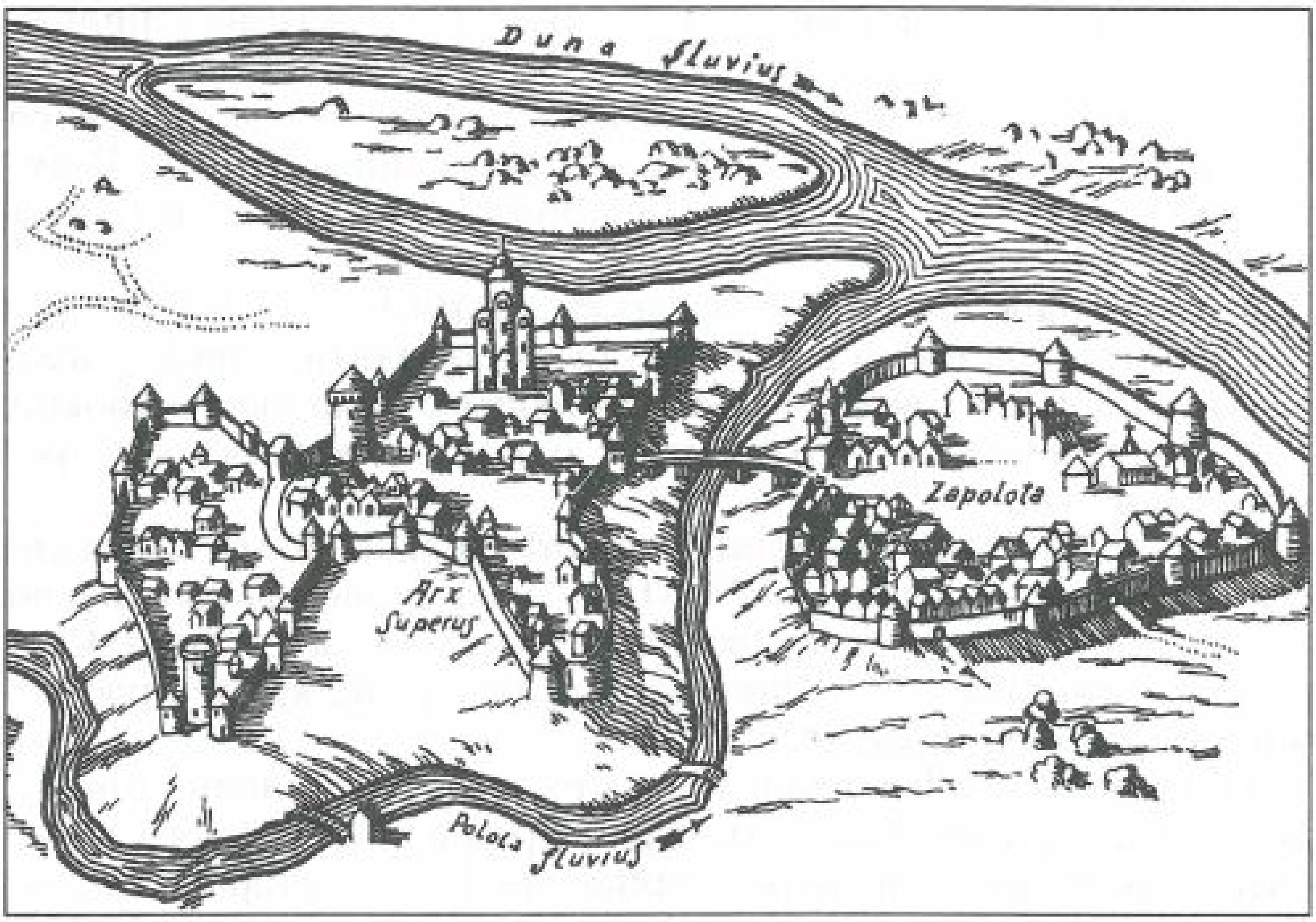
В инвентаре 1692 г. записано, что замок постепенно приходит в запустение. Так, у въездной брамы в это время уже не было «фортки», а вороты великие, двоистые, старые опали». В башне «от костела» отсутствовала дверь, а глиняная обмазка «з исподу выбита». Башни к тому времени «опали» и требовали ремонта, совершенно не упоминаются редуты.

Сведения об укреплении Бобруйска XVIII в. не сохранились. Однако вполне вероятно, что здесь, как и в других городах, которыми владели Радзивиллы, они были вплоть до того времени, когда город вошел в состав Российской империи. На плане Бобруйска, составленном в 1794 г., через год после его включения в состав России, замок еще отчетливо виден.

Полоцкие замки

Укрепленный центр Полоцка был перенесен в XI в. с небольшого городища на Полоте к ее устью. В середине XI в. здесь возвели величественный Софийский собор, у стен которого вершилась вся последующая история великого города. Могучая Двина надежно оберегала его с юга. Не меньшей преградой была и быстрая Полота с ее очень крутым и высоким левым берегом. С востока у подножия горы был глубокий ров, где протекал ручей.

История Полоцка XII–XIII вв. и Витебска тесно переплетается. Известно, что в грамоте полоцкого князя Изяслава Ливонскому гермейстеру и рижанам (1266 г.) сказано: «Полотеск, Видьбеск одно есть». Находясь на важном и торговом пути, Полоцк держал под контролем прибыльную водную артерию, у которой были, по свидетельству современников, «берега сребряные, а дно золотое». Однако такое расположение требова-

Средневековый Полоцк. Гравюра Я. Баптисты

ло надежных и мощных городских укреплений, а также создания хорошо вооруженного ополчения. Тем более, что в низовьях Двины обосновался Ливонский рыцарский орден. На основе данных того времени можно сказать, что все это в Полоцке было. Не случайно полочане участвовали вместе с войском литовских князей в битве с рыцарями у озера Дурбе (1260 г.), а в 1262 г., возглавляемые князем Товтивилом Полоцким, помогли новгородцам и псковичам разбить немцев и взять приступом Юрьев.

Литовский князь Товтивил, который был женат на дочери витебского князя Брячислава, правил в Полоцке до 1263 г. Затем здесь были князья Константин и Изяслав. Позднее Полоцк оказался включенным в орбиту интересов рижского архиепископа. В городе стало распространяться католичество, насаждавшееся благодаря насилию и бесчинствам немцев. Это вызвало недовольство населения, и в 1307 г. полочане с помощью князя Витеня изгнали немцев. После этого Полоцк вошел в состав Великого княжества Литовского с сохранением «старины» на основе соглашения («ряда») литовских князей с полоцким боярством. Фактически Полоцк и Полоцкая земля пользовались автономией вплоть до XVII в.

В XIV в. рыцари Ливонского ордена часто совершали набеги на земли Белорусского Подвинья, в том числе и на Полоцк. Это происходило в 1324 (дважды), 1333, 1334, 1366, 1382 и 1386 гг., однако город ни разу не был захвачен. Вооруженные

Верхний замок в Полоцке. Акварель С. Пахоловицкого. 1579 г.

отряды полочан в свою очередь принимали участие в походах против рыцарей, в том числе и в битве на реке Стреве в 1348 г.

Археологическое изучение вала Верхнего замка показало, что с восточной стороны его основу составляла песчано-глинистая насыпь с внутренней перекладкой конструкций в виде толстых бревен, уложенных рядами крест-накрест. Со стороны Западной Двины ее не было.

У подножия Верхнего замка, с востока, уже в эпоху Киевской Руси возник торгово-ремесленный посад, а затем — окольный город, обнесенный земляным валом. В XIV – XV вв. этот вал стал мешать росту поселения, которое постепенно занимало соседнюю территорию между Полотой и Западной Двиной. Тогда же стали активно расти Заполотский, Островский, Кривцов, Слободской (Бельчицы) и Якиманский посады. В 60-е гг. XV в. Полоцк достиг наибольших размеров за всю свою историю, причем Заполотский и Большой посады имели собственную линию укреплений. С гордостью писали полочане о родном городе: «Место Полоцкое ест славутное, и не ест низшее во чести ни Кгданьска, ни Кролевца, ни Маримброка». Восхищался «славным местом Полоцким» и Франциск Скорина. Мощь и величие города отмечали многие современники. Интересно, что еще в то время сохранялась память о месте первоначального поселения, которое называлось «старым городом», «старым городищем».

Описания укреплений Полоцка XIV – XV вв. не сохранились. Сколько было башен на Верхнем замке — неизвестно. Лишь об одной из них («Волковой») упоминается в документе XIV в.

Строительство укреплений издавна было повинностью жителей города и волости. Со времен Витовта «город рубливали все княжеские люди и жители места Полоцкого». При короле Казимире некоторое время строительством укреплений ведал особый чиновник — городничий. Однако полочане воспротивились «новине» и просили короля сохранить «старину», оставив руководство городовым делом наместнику.

Начиная с 90-х гг. XV в. Полоцк оказался в полосе частых порубежных войн Великого княжества Литовского с Русским государством. Его стратегическое размещение давало основание современникам называть город «ключом Ливонии и самой Литвы». Возведению укреплений здесь уделялось большое внимание.

В 1498 г. в жизни города произошло важное событие — он получил магдебургское право от великого князя Александра. Грамота была адресована мещанам (ремесленникам, купцам), людям владычным («игуменьиным, чернецким, поповским, боярским, посольским»), слугам (всем, кто «завсегды с мещаны на выправу военную звыкли ходити и вей поплатки наши посполу с ними нам давати»). Особо подчеркивалось, что все пользующиеся магдебургским правом обязаны Полоцкому магистрату и королевскому наместнику «во всих речах быти послушни». Прежде всего это касалось военной повинности. Тогда же, судя по всему, произошла перестройка Софийского собора на Верхнем замке. Из семикупольного он превратился в пятибашенный инкастеллированный храм.

В 1499 г. сильный пожар уничтожил Полоцкий замок, но его быстро восстановили. В целях широкого использования

населения на военно-оборонительном строительстве в 1500 г. Полоцку была дана «Устава о сельских путниках», приписанных к замку. В ней говорилось: «А што ся тычеть серебщины нашое, военное службы, городовое работы, ино они з мещаны мають поспол платити и заступовати». Для усиления обороны замка в Полоцке был организован отряд конных мещан.

До определенного времени Верхний замок с его укреплениями и посад, обнесенный валом, обеспечивали защиту населения в случае войны. Но из-за территориального роста Полоцка, увеличения количества его жителей необходимо было соорудить дополнительные городские укрепления.

В 1501 г. мещане провели большие работы по укреплению Полоцкого замка и возвели фортификацию вокруг Великого и Заполотского посадов, укрепив их рвами и валами. По мнению исследователей, в то время Полоцк был как никогда сильно укреплен. Причем город был настолько велик, что значительная часть дворищ находилась за оборонительным рвом.

Кроме военно-фортификационных работ полочане несли и «сторожевую» повинность. Они должны были «стеречи поспол с путники селскими», город и острог, держать на границе и по дорогам «сторожу от неприятелей».

Находясь на беспокойном порубежье, Полоцк в первой половине XVI в. неоднократно подвергался осадам и разрушениям. В 1506 г. все окрестные села, вплоть до Витебска, были сожжены. Спустя два года острог сожгли татары. После этого до 1512 г. Полоцк восстанавливали еще раз, когда он «з допущенья Божого погорел». Его отстраивали крестьяне Полоцкой, Нищенской и Себежской волостей. В 1512 г. «князь Михайло Кислица с Новгородскою силою и со всеми Псковскими детми боярскими были под Полотском, от Полотска поидоша Литовскою землею под Смоленск». Судя по всему, взять город не удалось. На следующий год дружина новгородского наместника князя В. Шуйского разрушила предместья и городские укрепления. Их скоро восстановили, но паркан около «места» сделали ближе к замку. Это свидетельствует о начавшемся упадке и запустении города. В мае 1518 г. и в августе 1519 г. Полоцк снова был осажден неприятелем. Отряд воеводы Засекина вместе с татарской конницей подошел к городу.

В 1520 г. новгородский наместник князь В. Шуйский повторил поход «с Новгородскою силою и с нарядом большим». На помощь пришел его брат И. Шуйский «с Псковскою силою и со всем нарядом Псковским, с пищалники и с посохою». Под городом начали ставить туры и «начаша Новгородскими и Псковскими пушками бити город, а полочане из посада, из заострожья много бишася».

При осмотре города в 1533 г. полоцким воеводой Яном Глебовичем вместе с боярами и мещанами было отмечено наглял-

ное доказательство его упадка за последние 20 лет: на территории Великого и Заполотского посадов находилось несколько сот пустых дворищ, владельцы которых разошлись кто куда. Эти кварталы были заняты под огороды, пашни и гумна. Многие замковые волости оказались по другую сторону границы.

Зимой 1534 г. войска царских воевод вновь стояли у стен Полоцка. Из-за глубоких снегов и жестоких морозов город не взяли, но окрестности его были разорены. В конце ноября 1535 г. войска десяти воевод, пришедшие из Новгорода и Пскова, снова «почаша воевати Полотцкие места». Затем наступило временное затишье до 1563 г., что позволило привести городские укрепления в порядок.

В первой половине XVI в. великокняжеская власть уделяла укреплениям порубежного Полоцкого замка большое внимание. Сюда отправляли пушкарей, порох, серу, свинец, пушки и гаковницы. Для нужд гарнизона Полоцкого замка привозили хлеб из Усполья, Утены, Пинска, Оникшт и Браславля. Ремонтно-восстановительные работы в Полоцком замке вели не только крестьяне из Полоцкой, Нищенской и Себежской волостей, но и «люди господарские Ситненские», «люди волости Голомышской», «мещане Друйские» и «дойлиды» из других значительно удаленных мест. В 1529 г. после завершения сельскохозяйственных работ сюда были посланы «с Утены 50 топоров, с Усполь и Пенян 100 топоров». Кроме них в документах упоминаются крестьяне «Язенские, Угольницкие, Ореховинские, Мнютские, люди господарские Борысовляне, а люди Войнины, Черневичи и Боркулабовы Ореховляне».

Сохранился инвентарь Полоцкого замка (так называемая «Полоцкая ревизия 1552 г.»), составленный маршалком Яном Кмитой и Мартином Подцевским, конюшим Троцким. Согласно этому документу в Верхнем замке было 9 башен и 204 городни, построенные из дерева и поставленные по краю высокой «самородной горы». Все городни были срублены из сосновых бревен толщиной в пять стен, длиной около трех саженей (около 5,84 м).

Воротная «вежа Устейская», которая стояла на углу замка над устьем Полоты, открывала путь через мост в Заполотский посад. Она была прямоугольной в плане, «с фундамента в тры стены рублена, добра и покрыта». Ранее башня имела подъемный мост («узвод»), но в момент составления инвентаря он был неисправен. Остались только «ланцуги два взводных». Башню с подъемными и запорными устройствами ремонтировали и строили мещане.

Вторая башня также была срублена в три бревна и находилась в хорошем состоянии. В третьей башне «на исподе» стояла «земная стрельница» для пушек. Описания ее в инвентаре нет. Эту башню, как и пятую, «Михайловскую вежу», возвели

наемные и браславские «дойлиды». В пятой башне размещалась «форта к реце Полоте». Шестая башня («Богородицкая вежа») была построена жителями Великих Лук, Дубровлян, Себежа, Заволочья и Невеля. В 1552 г. часть этой территории отошла к Русскому государству, поэтому башню «заробили себежане и заволочане и вси волости Путницкой».

Седьмую башню, которую вначале возводили полоцкие мещане и жители Великолуцкой волости, достроили в 1552 г. полочане, поскольку Великие Луки отошли «у сторону неприятельскую», а король Жигимонт выделил мещанам на строительство «помочи... 10 коп грошей».

Восьмая башня (воротная) открывала дорогу из замка в Великий посад. Она была в плохом состоянии и требовала ремонта. Гора возле нее была «на узвозе з места вельми утоптана». Не работал подъемный мост, не было рва. В плохом состоянии находился и второй «узвоз» со стороны реки Двины. Для ремонта ворот полочане заготовили 25 коп бревен и брусьев. Эту браму и 15 городен вместе с Устенской брамой досматривали мещане. Последняя башня — «вежа Софийская», срубленная в три бревна, стояла на углу замка.

Всего мещане досматривали в замке четыре башни и сорок городней. На них лежала обязанность строить и ремонтировать два моста и укрепления острога вокруг Великого и Заполотского посадов. На выезде из острогов стояли «остроговые брамы».

Во время ревизии 1552 г. была раскрыта организационная основа обороны города, названы десятки и десятники, сотни и сотники, а также «староста дойлидский», который, судя по всему, ведал военно-строительным делом в городе, т. е. был фактически «валмистром».

Ворота замка охраняли драбы, которых содержали на доходы от «мыта Полоцкого». «Острожные брамы» по очереди сторожили сами мещане. Порядок несения охраны городских ворот и укреплений был определен королем Жигимонтом еще в 1529 г., когда он издал особую «Уставу Полоцкую». Согласно ей «кликуны» дежурили ночью, «кликая» и трубя в трубы. Главная их задача сводилась к несению противопожарной службы.

Другая группа из двенадцати сторожей, согласно «Уставе» 1529 г., стояла у городских ворот, «коли купцы едуть». Здесь дежурили поочередно все люди — «господарские и князьские, и панские, и боярские, и всих духовных, и мещанские, и путные, которые и в месте Полоцком местца свои мають, вси посполу тую сторожу в замку в ночы у ворот мають стеречи чергами». К тому времени в Полоцком замке появилась постоянная группа сторожей, которые получали стабильную плату: «Тые сторожы за то на реце Двине на себе перевоз заведають и плату з людей господарских путных и тяглых и з людей шляхетских, духовных на себе мають».

Ревизия Полоцкого замка 1552 г. интересна тем, что тогда был сделан подробный перечень огнестрельного оружия, пороха, ядер, разной амуниции, которые хранились в «королевской клети». В документе отмечены десять бронзовых пушек «не вельми великих, на колах добрых окованных», «дело спижаное великое», два «дела спижаных» длиной две с половиной пяди и две пяди, «к дереву прикованных», две железные пушки такого же калибра и устройства. Упоминаются пушка бронзовая «немалая», «мордеры спижаные Витолтовы тры, а один мордер четвертый железный, с которого можно стреляти». Здесь находились 5 «сарпантынов», 27 гаковниц старых, 50 присланных королем и две, полученные «от пушкара замкового з службы его пушкарское на замок даных». В цейхгаузе хранилось 11 «киев старосвецких железных добрых» (ручное огнестрельное оружие XV в.), железные, медные и каменные «хормы» для отливки ядер и пуль, запас пороха, серы, селитры, ядер и пуль каменных и оловянных, «шрот» и многое другое.

Среди восьми полоцких замковых пушкарей только один был иностранцем. Старшим пушкарем был В. Миклашевич, который получал 10 коп грошей, держал за городом две «вольные корчмы — пивную и медовую», а под Великими Луками у него было имение. За это В. Миклашевич ежегодно поставлял в замок Полоцкий «сто куль каменных».

Пушкарь Яков Занкович имел в городе дом, получал 12 коп грошей, два сукна, а за это ежегодно обязан был «на замок давати две гаковницы». Остальные пушкари — Антип Кондратович, Войтех Сулоцкий, Матвей Волк, Шимон Янович, Ян Смолыст получали от 6 до 10 коп грошей и должны были «робить порох».

Суровые испытания выпали на долю Полоцка в годы Ливонской войны. В конце января 1563 г. громадное войско во главе с Иваном Грозным, вооруженное 150—200 пушками, осадило город. Спасаясь от войны, под защиту его стен со всей Полоцкой земли пришли крестьяне, шляхта, мещане. Осада с артиллерийским обстрелом, штурмами и пожарами, от которых только в Нижнем замке сгорело 3 тысячи дворов, создала в стане осажденных сложную обстановку. Ситуация усугублялась скоплением громадного количества гражданского населения. Голод заставил выйти и сдаться крестьян Полоцкого повета, которые вместе с семьями и скарбом «сидели в остроге», сгоревшем дочиста. Только в царский полк вошло более 11 тысяч человек. В другие воеводские полки и в татарские станы «вышло так много людей, что тем же не бе числа»,— сообщается в летописи. Защитники Верхнего замка и Заполотского посада отказались сдаться неприятелю.

Постоянные артиллерийские обстрелы стали круглосуточными. Земля дрожала даже в царской ставке, потому что ядра весили по 20 пудов и более. Осажденные, у которых было 38

пушек, 300 тяжелых гаковниц и 600 долгих навальных рушниц, вели интенсивный огонь, сосредоточив его на царской ставке. По данным летописи, ядра защитников «падоша, яко дождь», что в конце концов заставило царя оставить «братскую пеколну» Борисоглебского монастыря в Бельчицах и перебраться в отдаленную церковь Георгия Великого.

В ночь на 15 февраля 1563 г. царь приказал подобраться к замковым стенам и поджечь их. В результате выгорело 40 звеньев замковой стены длиной 300 саженей. Однако в бреши засело местное и польское «рыцарство, храбро защищавшееся»,— сообщается в русской летописи. Осажденных заставили сдаться только после упорного боя, обещая жизнь, свободу и сохранение имущества.

После взятия Полоцка царскими войсками его укрепления привели в исправное состояние, и город снова стал крупнейшим на Западной Двине торговым центром, который мог соперничать по своей экономической мощи со столицей Вильно.

В августе 1579 г. войскам короля Стефана Батория удалось завладеть Полоцком путем осады (штурмов, обстрелов раскаленными ядрами, попыток поджечь стены). В это время здесь было три замка — Высокий, Средний и Стрелецкий, а также укрепленный Заполотский посад, в котором после 1563 г. сконцентрировалась экономическая жизнь города. Известны две гравюры с изображением Полоцка 1579 г. — оригинальный рисунок королевского секретаря Пахоловицкого и копия работы римского гравера Яна Баптисты. На рисунке с документальной точностью воспроизведен Верхний замок со всеми его укреплениями, где в то время было практически два замка, разгороженных стеной. Один из них, видимо, и есть Средний замок, о котором говорится в документах XVI в. Он находился между Стрелецким и Верхним замками. На рисунке изображены Полоцкая София, а также две высокие башни, которые стояли отдельно в центре замка и позволяли вести круговой обстрел.

Что касается гравюры Я. Баптисты, то на ней изображены укрепления Стрелецкого замка и Заполотья, отсутствующие у С. Пахоловицкого. Укрепления Верхнего и Среднего замков даны не полностью и во многом условны, но гравюра позволяет составить представление о тогдашнем Полоцке. Определенную информацию несут и надписи на гравюре, сообщающие, что Полоцк тогда считался «крепчайшей твердыней и самым укрепленным замком не только в Московии, но и на всем севере».

После событий 1579 г. Полоцк вновь начали отстраивать, причем не только в Заполотье, но и на старом Великом посаде. Были восстановлены замковые и городские оборонительные сооружения. В организации обороны и «сторожи» города произошли некоторые изменения. Особой королевской грамотой от 1593 г. мещан освободили от «сторожи» в замке. Доходы,

которые ранее получали от двух перевозов на Двине, теперь шли в пользу иезуитского коллегиума и воеводы.

Вероятно, в начале XVII в. в Полоцке случился пожар, который уничтожил часть города. В 1607 г. Сигизмунд III потребовал срочно восстановить замок. На Варшавском сейме тогда же была одобрена просьба послов Полоцкого воеводства о восстановлении «руин старой церкви Св. Софии», где планировалось хранить архивы.

Полоцк, который едва начали отстраивать, в 1615 г. вновь был опустошен сильным пожаром. Вероятно, восстановление города и его фортификации затянулось. В этой связи Варшавский сейм в 1626 г. принял решение о приведении в надлежащее состояние Полоцкого замка, «от которого, как от окраинного, многое для Речи Посполитой зависит». Для этого сюда собирались направить «служебных — пехоту и конницу, порох, ядра». Однако эти добрые намерения правительства Речи Посполитой в отношении Полоцка остались на бумаге. В разразившейся войне между Речью Посполитой и Русским государством город был атакован в ночь с 12 на 13 июня 1633 г. «за час до рассвета» войсками воевод А. П. Репнина и Н. А. Плещеева. Подошедшее вскоре королевское войско заставило неприятеля снять осаду.

С большим трудом Полоцк оправился после разорения. Лишь 21 июня 1638 г. в ратуше была принята «Уфала сталая от поспольства, яким способом паркан коло места будовать». Этот документ приняли на совместном заседании полного состава магистрата. «Уфала» обязывала вначале провести подсчет заселенных в Полоцке «пляцов», затем обмерить длину городских укреплений и разделить участки возводимой фортификации пропорционально «владеемому пляцу». За порядком и правильным исполнением «Уфалы» должны были «пилновати сотники, поручники и десятники, абы яко нарыхлей паркан со всим на всим выставити». Уже через 2 года «Уфала» была нарушена, так как полоцкая шляхта запрещала мещанам, которые жили на шляхецких юридиках, исполнять городские повинности и строить «паркан для обороны от неприятелю».

Владислав IV, рассмотрев тяжбу магистрата со шляхтичами, в своей грамоте еще раз подтвердил сохранение действия повинности «городовой работы и сторожи» для каждого жителя Полоцкого воеводства.

Летом 1643 г. в городе вспыхнул пожар, от которого «все место Полоцкое, замок Вышний и Нижний, коллегиум, костелы, церкви, ратуши, вежи и паркан и все оздобы места Полоцкого сгорели и в пепел обратились». Уцелела, кажется, только одна «брама Лезная» в Нижнем замке. На этот раз восстановление города и его укреплений затянулось до 1653 г., начавшегося под знаком подготовки Русского государства к войне с Речью Посполитой. Было спешно организовано укрепление по-

граничных замков, в том числе и Полоцкого. Однако это были запоздалые меры, хотя кое-что в Полоцке сделать удалось. Касалось это не столько подготовки города к обороне, сколько спасения жителей города от надвигавшейся войны.

В июне 1654 г. войска воеводы В. П. Шереметьева, по одним сведениям, численностью до 15 тысяч человек, по другим — до 50 тысяч, направились в Белорусское Подвинье. Этот поход ратных людей к Полоцку был далеко не случайным, если учесть стратегическое значение города для Великого княжества Литовского. Но были и другие причины: воевода получил «ведомости, что доподлинно Полоцк пуст, которого жители и оборонители его оставили», уйдя в Ливонию и Курляндскую землю. Захват города стал заманчивым вдвойне.

17 июня В. П. Шереметьев с ратными людьми подошел к Полоцку и «у литовских людей перевоз и слободы и дороги к Витепску и к Вильне заставил, и в Полоцке польских и литовских людей осадил, и к городу всеми ратными людьми и конными и пешими приступали, и над городом государевым делом промышляли, и городские же литовские люди с государевыми ратными людьми бились и из наряду стреляли». По сведениям самого воеводы, его войска «с литовскими людьми бились день целый». Осада продолжалась до конца месяца.

Лишь 30 июня полочане на веревке спустили с башни «пункты» (условия сдачи города), которые воевода И. Т. Веригин доставил В. П. Шереметьеву. Условия горожан были приняты, после чего делегация мещан, возглавляемая «начальными людьми» Дегилем и Комаровским, была «перед боярином в полках», где они «добили челом и Полоцкий город совсем сдали».

В занятом городе в Верхнем замке соорудили четыре новые башни и поставили пушки. Кроме того, восстановили «полые места и проломы». В Нижнем замке поставили стены длиной 992 косых сажени.

К 1 августа 1654 г. в Верхнем замке были возведены шестигранные большие проезжие ворота, Варваринские водяные ворота и пять небольших башен («быков»), которые стояли в линии деревянных стен различной конструкции. Общая длина линии фортификации Верхнего замка достигала 784 сажени.

В Нижнем замке восстановили укрепления на валу бывшего Стрелецкого города XVI в. и на пустующих местах между ним и Верхним замком. От вала Стрелецкого города вдоль Полоты шло длинное прясло с одними воротами, через которые ходили за водой к реке. Здесь стояли три башни. От угловой башни укрепления поворачивали на юг и тянулись до самого берега Двины, упираясь в следующую угловую башню. В этом восточном прясле укреплений находились Невельские и Пятницкие ворота, а также три башни. От угловой башни в Двину опускалось 20 саженей «стоячего острогу».

Оборонительные сооружения вдоль Двины требовали ремонта. На время осмотра, который проводился 20 июля 1654 г., в Верхнем замке было 9 пушек и 93 пищали затинных с небольшим запасом ядер, свинца и пороха. В Нижнем замке на башнях и воротах было расставлено 3 пищали (пушки) и 13 пищалей затинных. На одной из башен висел «вестовой колокол».

Описание полоцких укреплений свидетельствует о том, что после пожара 1643 г. в городе к 1654 г. так и не была приведена в порядок фортификация.

Согласно ревизии 25 августа 1654 г. в Верхнем замке были башни Мошна, Красная (бывшая Королевская), башня-брама, Гуська, Устенская, «фортка». Длина укреплений достигала 729 саженей. В документе упоминаются земляные бастионы («рукава»). В линию укреплений постепенно вошел Стрелецкий город.

В Нижнем замке стояли «башня над Полотою», башни Наугольная, Карлицкая, Ильинская, Мироновская, проезжие ворота, Невельские ворота, двое малых ворот и большие проезжие Варваринские ворота. Протяженность линии обороны равнялась 1231 сажени.

В башнях Верхнего замка находилось 8 пушек полуторных и 19 затинных пищалей, в Нижнем замке — соответственно 12 и 57. Один вестовой колокол висел в Верхнем замке в Красной башне. В Нижнем их было два — на Ильинской и Невельской башнях. В цейхгаузе города хранились пики, протазаны, затинные пищали и стволы к ним, свинец и порох.

В сентябре и октябре 1654 г. в городе велись интенсивные военно-строительные работы. К ним были привлечены полочане — плотники Иван Гаврилов, Матвей Марков, Иван Андреев с «товарыши», которые срубили четыре башни в Верхнем замке, среди них угловые («Устенская, Мошна и Рождественская»).

В апреле 1655 г. работы в городе продолжались, а в ноябре было проведено третье инвентарное описание полоцкой фортификации. Всего в Верхнем замке стояло пять больших башен и пять меньших («быков»). Большинство башен и прясел деревянных стен были срублены в два яруса.

Нижний замок к осени 1655 г. также был значительно укреплен. От проезжей Варваринской воротной башни вдоль Двины до угловой Мироновской башни была выстроена новая линия укреплений длиной 382 сажени. Она состояла из новых стен, имевших два яруса боя и обламы, двух «форток» (калиток) и трех проезжих ворот. Здесь были обновлены все башни и стены общей длиной 1117 саженей.

Претерпела некоторые изменения и фортификация Заполотского посада, где с напольной западной стороны от Двины и Полоты выкопали ров, укрепив его поставленными с наклоном бревнами. Перед рвом «для крепости от приходу воинских

людей» сделали крепкие двойные надолбы. Длина этих укреплений равнялась 340 саженям.

В 1657 г. был проведен ремонт полоцких укреплений. На стены подняли громадные бревна («катки»), камни, колья на случай отражения атаки противника. Расширили, углубили и укрепили оборонительные рвы. Со стороны поля перед рвами стояли «частики». В 1661 г. в Полоцке было 18 пушек полуторных, 43 пушки полковые, 146 затинных пищалей, 530 мушкетов в цейхгаузе, различные ядра, «огненные стрелы», доспехи, шишаки.

Оружейные запасы в городе, вероятно, уменьшились к поздней осени, когда пришлось вооружать остатки войск Хованского, который в октябре 1661 г. потерпел поражение под Кушликами от войск Чарнецкого. Последнему достались весь обоз и артиллерия с запасом пороха, свинца.

26 июня 1662 г. в четвертом часу ночи в Полоцке произошел пожар. В результате сгорели Нижний замок с ратушей, торговые ряды, монастырь. Уцелели только «от Двины башни, Десенские ворота, да от Полоты реки две башни глухих, да ворота проезжие на Полоту реку». Было уничтожено 170 сажений городской стены, а пушечный запас, который был на воротах, башнях и стенах, полуобгорел.

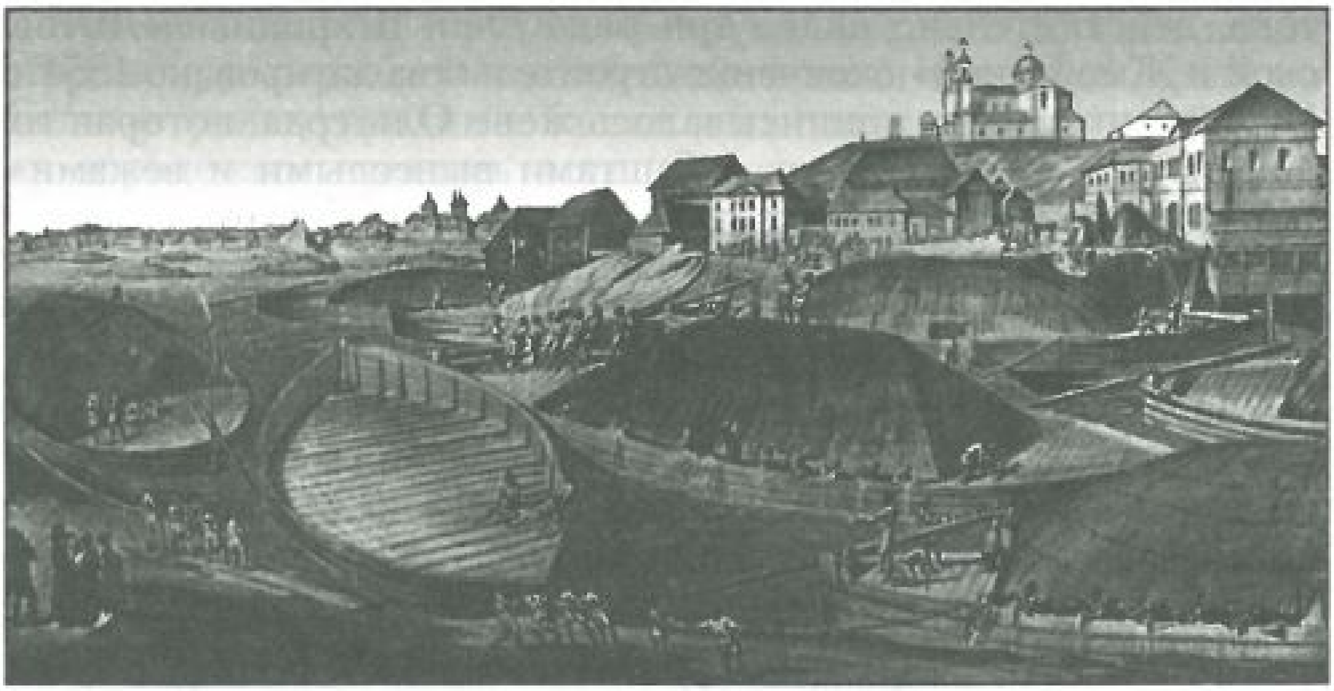
С 1 апреля 1667 г., согласно Андрусовскому перемирию, Полоцк был возвращен Речи Посполитой. После войны 1654—1667 гг. основой обороны города были деревянные укрепления. Они хорошо видны на чертеже стольника Петра I М. Цызырева, сделанном в 1703 г. В период Северной войны в Полоцке соорудили бастионную фортификацию. Она была наиболее совершенной в Верхнем замке. Такая же фортификация была в Заполотье, Нижнем замке и даже в Островском посаде. Зимой подступы к городу со стороны Двины защищали специально сделанные проруби, «которые непрерывно прочищались». Последний раз полоцкие укрепления были использованы в 1812 г., затем они утратили свое значение.

Замки Витебска

Витебск (Видбеск) возник на высоком левом берегу Западной Двины при слиянии с ней реки Витьбы, от которой он и получил свое название. В XIV—XVIII вв. в городе был мощный комплекс укреплений, состоявший из Верхнего, Нижнего и Узгорского замков. В «Списке русских городов дальних и ближних» об этом поселении сказано крайне мало: «Видбеск, три стены каменны, а реки Видба и Двина».

Ядром обороны средневекового Витебска были два древних городища в устье Витьбы: одно мысовое, ограниченное с юга и востока глубокими каньонообразными рвами-промоинами, дру-

Вид города Витебска. Акварель И. Пешки. Начало XIX в.

← *План Витебска. 1664 г.*

гое вытянутое, значительно приподнятое, располагавшееся далее на восток, за рвом. В XII—XIII вв. ров почти полностью засыпали. Это позволило окружить эту территорию мощным песчано-глинистым валом, северный участок которого внутри армировали решетчатым деревянным каркасом. Со стороны Западной Двины поверхность вала, как панцирь, закрывал метровый слой плотной глины. Со стороны Витьбы вал имел ширину не менее 36 м и высоту почти 8 м.

Укрепления Верхнего замка XII—XIV вв. в сочетании с крутыми 20-метровыми склонами, наличие больших рек делали его почти неприступным с севера и востока. С двух других сторон также были возведены укрепления, но они казались менее внушительными. Здесь песчано-глинистый вал имел высоту 5—6 м и ширину до 16—20 м в основании. С внешней стороны основание насыпи было укреплено деревянными сваями толщиной 0,3—0,8 м и длиной до 2,5 м, которые предотвращали оползание вала. В XII в. возникли укрепления вокруг торгово-ремесленного посада (позднее — Нижнего замка).

В 1284 г. Витебск вошел в состав Великого княжества Литовского и стал важным стратегическим форпостом на восточном порубежье государства. В первой половине XIV в. при князе Ольгерде, который владел Витебским княжеством после женитьбы на местной княжне Марии, произошло событие, зафиксированное в «Списке русских городов...». Там было отмечено, что в Витебске появились «три стены каменны». Это были стены Верхнего и Нижнего замков. Существование последнего установлено недавно благодаря археологическим раскопкам. В связи с особенностями рельефа города эти укрепления стояли так, что человек, подъезжавший к Витебску с запада или вос-

тока, действительно видел три ряда стен. В хронике «Литовской и Жмойтской» окончание строительства датировано 1351 г. Это строительство приписывалось жене Ольгерда, которая город «муром округ обвела з баштами вынеслыми и вежами». Это подтверждает инвентарь XVII в. Таким образом, в первой половине XIV в. в Витебске существовал мощнейший комплекс из двух замков, построенных из камня. Общая длина укреплений превышала 1750 м.

В 1393 г. войска мятежного князя Свидригайло отразили здесь штурмы князей Витовта, Скиргайлы и смоленского князя Юрия Святославовича. Лишь после 4-недельной осады с большим трудом был взят Нижний замок. Затем Витовт «заточил дела в церкви мурованой в Нижнем замку, розбивал мур Вышнего беспрестанно». Сделав проломы в стенах и башнях, осаждавшие готовили штурм, но жители Витебска, не имевшие достаточного количества продовольствия, сдали замок.

В 1396 г. Свидригайло с согласия горожан снова овладел Витебском, и войску Витовта пришлось штурмовать город. Нижний замок удалось занять только после 30-дневной осады и штурма. В Верхнем замке, который защищался не менее упорно, сосредоточилось так много людей, что была сделана попытка вывести оттуда женщин и детей. В сутолоке ворота замка открыли не вовремя, и осаждавшие ворвались туда.

В 1435 г. Витебск снова открыл ворота князю Свидригайло. Город шесть недель находился в осаде, но взять его войску Жигимонта не удалось. Лишь в 1437 г. после упорной защиты «полочане и витебляне, не маючи собе ниотколь помочи», признали власть великого князя Жигимонта.

Во второй половине XV в. жизнь города протекала более или менее спокойно. Король Казимир дважды (в 1451 и 1469 гг.) был здесь, инспектировал укрепления Витебска и дал его жителям «Уставную грамоту», которая регламентировала их жизнь и деятельность. В грамоте зафиксированы фактическая автономия Витебской земли, права и обязанности горожан, местных феодалов и боярства. Одной из основных повинностей местных жителей было участие в военных походах: «А на войну быти им с нами посполу готовыми».

В Витебске существовала особая группа жителей, так называемые «конные мещане», которые, живя в городе, одновременно владели имениями, служа за это государству «конем». Главной их обязанностью было несение службы «збройно» в конном земском ополчении во время «посполитого рушенья» вместе со шляхтой. Во второй половине XVI в. конные мещане дали для войска 100 лошадей. Вдобавок они «оправляли» Замковую гору, строили острог. В документах XV–XVI вв. приведен ряд обязанностей горожан, связанных с охраной и ремонтом укреплений.

Как и в других городах Беларуси, местные жители несли сторожевую службу и «на обламах в ночи кликали», должны были «строить городни и башни и их глиною мазати». «Сторожа городовая» касалась всех, включая представителей духовенства, а также людей боярских, которые имели жилье в Витебске и в селах Витебского повета. В 1530 г. король Сигизмунд обязал последних «ворот городовых стерегивать» и «сторожу к воротам городовым приставляти и чинити».

К ремонту и военно-строительным работам в Витебске постоянно привлекались «водлуг стародавнего звычая» Усвятская и Озерищенская волости: «по 4 недели у год, 2 недели в лесе, а 2 недели в замку робити». При необходимости «городовую работу» выполняли в Витебске жители других городов и волостей. Так, в 1514 и 1529 гг. из Лиды, Белицы, Василишек, Маркова, Перелома, Радуни и Посожья было послано более 100 человек, из Браслава и Оникшт — 70 и 50 «топоров». В 1529 г. сюда же, в замковые «шпихлеры», из разных мест доставляли хлеб.

С начала XVI в. Витебск попал в полосу частых военных походов, которые совершали царские воеводы на протяжении полутора веков. В 1502 г. были сожжены предместья города, а в 1516 г. Витебск долго выдерживал осаду. Замок, однако, выстоял. Опустошительные набеги повторились в 1519 г. Нижний замок был взят, и во время осады погибло много жителей. Уцелевшие «отсиделись» в Верхнем замке. В 1534 г. князь Борис Горбатый вместе с новгородско-псковской ратью уничтожил все окрестности, но город взять не сумел. В июле 1535 г. стало известно, что русские воеводы Кислица и Ляцкий пришли в Великие Луки. Как сообщили маршалку Ю. Радзивиллу, у них было «сорок тысяч людей, а дел сорок, а мають Витебска доставать». Сведений о том, состоялся этот летний поход на Витебск или нет, не сохранилось. Однако в конце ноября 1535 г. новгородско-псковские рати во главе с князем Б. И. Горбатым «воевали Витепские места». Летом 1536 г. войска князей Горенского и Барабашева сожгли Витебский посад, захватили в плен многих горожан и жителей окрестных волостей.

Во время Ливонской войны Витебск трижды осаждали царские войска. В мае 1562 г. от Великих Лук к нему направилось большое войско во главе с князем А. М. Курбским. Нападение повторилось в 1563 г. Затем в 1568 г. (по другим сведениям — в 1569 г.) здесь побывало шеститысячное войско воевод Шереметьева, Бутурлина и Сабурова.

О состоянии городских укреплений Витебска середины XVI в. можно судить по «Хронике Литовской и Жмойтской», в которой отмечается, что от каменных укреплений осталась лишь одна разрушенная стена да сильно поврежденная «мурованая вежа», стоявшая над Двиной.

17 марта 1597 г. благодаря королю Жигимонту III Витебск получил магдебургское право. Город теперь имел герб («в блекитном полю образ святого Спаса Збавителя нашего, и при том зараз трохи нижей меч голый червоный, што ся мает розуметь кровавый»), хоругвь, под которую мещане становились «под час посполитого рушенья и потребы военное». Каждый ремесленный цех также получал свое знамя. Была еще раз подтверждена военная повинность горожан, которая за ними сохранялась.

В 1614 г. в Витебске сгорели Верхний и Нижний замки, восстановление которых затянулось на долгие годы. В 1626 г. произошел новый пожар, уничтоживший Верхний замок и район Задвинья.

По свидетельству велижского жителя, который побывал в Витебске в 1632 г. с явно разведывательными целями, город выглядел следующим образом: «От Сурожи 40 верст город Витебск почат город делать земляной, да не доделан, а стоит на горе, а не строен, взять его мочно 500 человек, дворов мещанских с 2000, стоят не стройно, врозни, а живут люди не боевые, войны не знают». Последние слова не отражали истины, но косвенно говорили об отсутствии в то время в Витебске гарнизона регулярных войск. Верхний и Нижний замки были каменными, поэтому есть все основания полагать, что «земляной город» — это укрепления Узгорского замка, который только начали сооружать.

Облик Витебска в 20—40 гг. XVII в. отражен в инвентарях города за 1638, 1639 и 1641 гг. Из них можно узнать, что «замок Вышний» был сильно разрушен. Отмечены «великая Вышняя башта», стоявшая справа от входной брамы Великой, «башта Кругликовая», на которой находилось четыре больших и пять меньших пушек, «форта», выводившая к речке Витьбе и мельнице, каменная стена к «браме Великой». На территории замка было 52 дома, 34 из них принадлежали панам воеводства, остальные — состоятельным мещанам, пушкарям, палачу, старцу Сорицкой волости и др. В цейхгаузах Верхнего замка в конце 30-х гг. XVII в. хранилась военная амуниция. Из огнестрельного оружия называются 8 шмыговниц, 80 гаковниц, железный штурмак, 10 железных киев, форма для отливки пушечных ядер и 8 форм гаковничных. Было также 50 каменных ядер, видимо, вышедших из употребления.

Нижний замок был «весь опавший». В инвентаре, составленном 7 сентября 1638 г. скарбовым королевским слугой Я. Быковским, отмечено, что на речке Витьбе и ручье, которые омывали оба замка, есть два «опустевших ставища и прорвы в греблях, которые при хорошем порядке были бы водой наполнены и залиты». В Нижний замок вели три въездные «брамы» — Заручайская, Завитебная («Рынковая»), Задунайская. Со стороны Западной Двины была сооружена небольшая

«форта Жидовская», которую строила еврейская община города. Все это после недавних пожаров отстраивалось из дерева.

Заручайская башня, покрытая дранкой, имела новый подъемный мост. Завитебная («Рынковая») была «низко построенная», деревянная, с ненакрытой крышей. Она открывала дорогу к мосту через Витьбу и далее в Узгорский замок. Пряслом каменной стены башня соединялась с укреплениями Верхнего замка. В направлении Задунайской брамы шел участок каменных укреплений с каменной башней, на самом верху которой начали возводить деревянный ярус. Участок обороны между этой башней и «Задунайской брамой» представлял собой комбинацию из двойного штакета и старой каменной стены. Такое же прясло стены шло от «брамы» по высокому склону Нижнего замка над «замковым ставом» и упиралось в старую каменную башню. На ней также начали сооружать деревянную надстройку.

Далее стояла каменная башня Нарожная. В момент составления инвентаря ее надстраивали из дерева, она была пока без помоста. Отсюда к «Заручайской браме» шла каменная стена, местами стояли деревянные «избицы», упиравшиеся в «браму». От нее отходила каменная стена в 160 шагов, соединявшаяся с «фортой Жидовской», на которой также был деревянный надстроенный ярус. От «форты» к Верхнему замку тянулся последний отрезок каменной стены. Таким образом, витебский Нижний замок представлял собой семибашенный комплекс каменных оборонительных сооружений.

Некоторая информация сохранилась об Узгорском замке. В 1639 г. здесь было восемь домов, в которых жили пушкари Федор Букара, Есип Антип, Богдан Любка, Бучал, Федор Хазрук, Иван Бык.

Накануне войны с Русским царством сейм Речи Посполитой принял решение (1654 г.) относительно обороны Витебска. Город играл большую роль в обеспечении безопасности восточной границы Великого княжества Литовского. Согласно этому решению все жители города, посольские мещане и жители воеводства в случае опасности должны были встать на защиту Витебска под угрозой потери своих владений и привилегий.

В середине августа 1654 г. войска воеводы В. Шереметьева подошли к Витебску. Вскоре сюда прибыл отряд украинских казаков во главе с В. Золотаренко. В городе к тому времени заканчивались приготовления к осадному положению. Нового леса привезти не успели, поэтому стали разбирать «хоромные строения» и спешно возводить башни и острог. В дело пошел «хоромный лес», из которого были построены дом пастора, училище кальвинистов и богадельня, а также дома многих горожан.

Началась 14-недельная осада Витебска, в котором находилось «всяких чинов людей... тысячей з 10». В их числе были мещане всех восьми сотен — Вышнего города, Подвинской, Узгорской, Епископской («Владычной»), Задунайской, Зарецкой (Заречанской), смешанной (Зарецкая и Верхнего города) и «Зарецкой Руси». Среди горожан было 42 пушкаря.

Осажденные делали «из города вылазки частые». Шереметьев писал царю, что на его ратников «выходят пешие люди с рогатины, с топорки и бердыши». Атаки пехоты поддерживались кавалерией. Активно действовала городская артиллерия. 27 августа 1654 г. Шереметьеву было приказано «под Витебском промышлять подкопом и зажогом, и зговором, и разными военными промыслами, а приступать не велено, чтоб в служилых людях истери не учинить». Осада перемежалась с попытками начать переговоры с жителями Витебска.

Находившиеся в осаде жители города выдвинули «пункты», на основании которых можно было вести речь о сдаче укреплений. Эти бумаги Шереметьев отправил царю. Спустя некоторое время воевода донес: «Витепские, государь, сидельцы про здачу города нам, холопам твоим, отказали, а приступать без твоего государева указу не смеем. Подкопщиков немецких и русских людей никого нету, а де зажегу у нас, холопей твоих, приготовлено щиты и возы с соломою из смоляными дровами, бочки смоляные, зажегу некоторыми меры не уметь, потому что в день и в ночь беспрестанные дожди». Из-за частых вылазок жителей Витебска пешие стрельцы, драгуны и солдаты стояли «в шанцах... беспеременно в день и в ночь». Их подстраховывали казацкие сотни.

Было решено активизировать осаду. К стенам города срочно привезли «великую пищаль верховую — Скворец» с 10 огненными, 10 нарядными ядрами и 16 гранатами, а также стенобитную пушку. Над Витебском приказали «промышлять всякими промыслы накрепко, снарядами стрелять и город зажигать».

В сентябре войско Шереметьева пыталось штурмом взять город, но витебчане «отсиделись и устояли». В конце октября 1654 г. к городу были стянуты новые царские полки «иноземного строю». Число войск достигло 20 тысяч.

В осажденном Витебске начался голод, от которого «немало людей посполитых и черни умерло». Много народа «из замков, с парканов и города перешло в Московское войско и присягнуло». У осажденных было мало пороха. 22 ноября в результате ожесточенного штурма город был взят. После того как побежденные приняли присягу, была проведена перепись оставшегося населения. На 30 января 1655 г. в Витебске числилось в восьми сотнях 1336 мещан и 144 шляхтича под командой ротмистра Ф. Сивицкого. Тогда же составили инвентарь Верхнего замка. Протяженность его укреплений достигала 353 саже-

ней. Описания сохранившихся укреплений позволяют воссоздать первоначальный облик каменного Верхнего замка XIV в. Тогда там было восемь башен, в том числе большие проезжие ворота со стороны Нижнего замка, «фортка» к Витьбе, ворота к Двине, пять башен по периметру. О размерах некоторых из них в инвентаре сказано: «башня четырех сажень и башня каменная 5 сажень». Эти укрепления в XIV в. обычно строились в виде квадратов, следовательно, их размеры были около 7 × 7 и 8,8 × 8,8 м. Толщина стен замка у основания достигала 3 м. Поверхность внешнего склона вала была выложена булыжником.

В описи 1655 г. ничего не говорится о старом каменном Нижнем замке. Здесь стояли только деревянные башни (Гуркова, Задунайская, Засельная, Гуркова малая, Княжная, Сапежонкова, Пресильная, Взводная, Подлазная), а также Витебские, Заручайские, «Жидовские ворота». Между ними находился «стоячий тынишко». Общая протяженность линии укреплений Нижнего замка достигала около 922 м. Во время раскопок, которые проводились в 1983 г., была открыта угловая каменная башня Нижнего замка на юго-восточной окраине Витебска (ее размеры 8,15 × 7 м, толщина стен достигала 1,7 м). Протяженность укреплений Узгорского замка равнялась 1794 м, но они были сделаны «на время».

В период войны с Русским царством в Узгорском замке построили новый острог. Его периметр был уменьшен до 550 саженей, с севера выкопали ров. Всего в замке тогда насчитывалось девять башен, три из них были воротные.

Возведение укреплений вдоль Витьбы до Западной Двины было закончено в начале 1656 г. Тогда здесь поставили новый острог и пять башен. Все они были «трех саженей... в четыре угла с обламы, а в башнях по два бои, верхний и нижний». Острог, рубленный в два бревна, достигал в длину 254 сажени, в высоту — 3,5 сажени. Изнутри к острогу были прирублены и засыпаны землей террасы высотой в пять венцов, над ними — «полати на стрелбу», а по острогу положены «катки».

В одном из документов того времени сообщается, что на линии укреплений над Витьбой были «Малеваные ворота», которые ранее нигде не упоминались. Это сооружение находилось недалеко от Угольной башни, где река Витьба поворачивала почти под прямым углом к Двине. Что это были за ворота и каковы их размеры — судить трудно. Одно лишь можно сказать, что они открывали путь к ратуше в Узгорский замок и гостиному двору в Нижнем замке. Вероятнее всего, мост через Витьбу упирался в них. Судя по названию, это была самая красивая брама города — с традиционными образами над входом, по-особому украшенная и, может быть, расписанная красками.

Интересно, что часть укреплений в Витебске тогда возвели из разобранных башен и стен Суражского замка, которые сплав-

ляли по Двине. Кроме того, сюда доставили из Озерища две большие пушки. Летом 1655 г. кроме них в Витебске числилось еще 16 медных полуторных и полковых пушек, 77 затинных пищалей, был большой запас артиллерийской «казны».

В систему обороны замков Витебска в то время входили и пруды: замковый, устроенный у подножия Нижнего замка на Замковом ручье, а также монастырский и мещанский на Витьбе. Зимой на них в целях безопасности скалывали лед. Один из мостов через Витьбу был огражден рубленой оборонительной стеной длиной 21 сажень с четвертью. В инвентаре, составленном в 1665–1666 гг., говорится, что многие башни и прясла стен были сделаны заново. На них разместили большинство пищалей и пушек.

В Верхнем замке были срублены новые проезжие ворота («Темные»). Они были прямоугольные в плане, размером 11 × 8,9 м, стены были срублены в одно бревно, три пушечных и мушкетных боя. Завершалась брама шатровой тесовой крышей с трапилом (караульней) наверху. Под крышей размещались обламы. «Шереметьев круглик» был восьмигранной четырехъярусной башней, увенчанной шестигранным трапилом.

На участке обороны вдоль Витьбы стояла малая деревянная башенка, поставленная на старом каменном «бычке». Размер каждого из этих сооружений в основании достигал 4,6 × 7,5 м. Тесовая крыша на башенке была шатровой. Там были трапило и вестовой колокол весом 9 пудов 30 фунтов. Далее стояли «фортка» к Витьбе шириной около 1,5 м, башни «Танкова» с тремя боями размером в основании около 6,4 × 6,4 м и угловая восьмигранная Подвинская башня («Боборыкин круглик») с тремя мостами и четырьмя боями. Высота от земли до облам достигала 12,8 м. На шатровой тесовой крыше возвышалось трапило.

От Подвинской башни линия стен поворачивала на запад и шла вдоль Двины. Здесь находилась двухъярусная Храповицкая башня с квадратным основанием 7,5 × 7,5 м. Далее стояла старая каменная башня («палата каменная») размером 10,7 × 10,7 м.

Башни соединялись каменными стенами, кое-где они были с деревянными городнями-тарасами, нарубленными сверху. Имелись участки деревянных укреплений. На галерею верхнего боя можно было попасть через «ганок» с лестницей. Стены старого каменного замка с напольной стороны достигали 3,5 сажени в высоту, т. е. около 7,5 м. Со стороны Двины высота стены до зубцов равнялась 2,5 саженям (около 4,5 м).

Общая длина укреплений Верхнего замка составляла 392 сажени без четверти, т. е. около 665 м. На башнях стояли четыре полуторные пушки, две шмаковницы, двенадцать затинных пищалей. Кое-где на стенах лежали бревна («катки»). В

инвентаре отмечено, что в осадное время в Верхнем замке «емлют воду в калитку-фортку из Видбы реки».

К 1656 г. был заново отстроен Нижний замок. Здесь было трое ворот («Жидовские большие ворота», «Заручайские большие проезжие ворота», «Витебские проезжие большие ворота»), одна «Задунайская фортка» и девять глухих башен. Все они были четырехугольные в плане. Исключение составляли башни-круглики Мещанская и Духовская, рубленные в восемь стен. Почти все башни имели по три яруса боя. На пяти башнях размещались караульни-трапила, на двух по краю крыши были помосты с перилами для наблюдателей. Под Напрудной башней находился тайник с водой. Лишь однажды в инвентаре упоминаются остатки стен древней каменной башни, на которых, как на фундаменте, возвели Швыйковскую башню. Городни толщиной в два бревна имели два яруса боя. На боевую галерею с двухскатной крышей можно было попасть по деревянным лестницам. К башням примыкали «ганки» для поднятия пушек. Перед башнями и стенами были сделаны дополнительные преграды в виде рогаток и частика, косого острога, надолбов, решеток, тына или палисада.

В Нижнем замке стояли 18 пушек и 51 затинная пищаль. Общая протяженность его креплений достигала 599,5 сажени.

В систему обороны Узгорского замка входила деревянная мельница, которая стояла на Витьбе и соединялась пряслами стен с Верхним замком и Подвинской воротной башней. Мельница имела два «мосты» и два яруса боя. На склоне Лысой (Пречистенской) горы находились Подвинские ворота с тремя «мостами», тремя боями. Они были четырехугольные в плане (7,5 × 7,5 м).

Далее стояли Пречистенский «бычок», Пречистенская башня с тремя боями, Роговая башня с четырьмя боями и трапилом, средняя башня и Суражские ворота. Ворота размером в основании 10,5 × 10,5 м имели три «моста», три яруса боя, брусяное трапило. В направлении Витьбы и вдоль нее стояли пять башен и Кстовские ворота. Линия укреплений подходила к монастырской мельнице, которая была, как и мост через Витьбу, приспособлена к обороне. Таким образом, в Узгорском замке было сооружено 13 башен.

В документах 1664—1665 гг. ничего не говорится о «Малеваной браме», а также о башнях и стенах, стоявших вдоль Витьбы. Не исключено, что их разобрали, считая достаточно надежной защитой высокий берег реки, мельничные запруды и стоявший на противоположном берегу Витьбы комплекс фортификаций Верхнего и Нижнего замков.

С востока Узгорский замок имел широкий (до 8,4 м) и глубокий (до 4 м) ров с дополнительно поставленными рогатками, тыном и частиком. Длина рва достигала 169 саженей. С трех сторон замок был защищен водами Двины и Витьбы. От

Витьбы, как отмечено в инвентаре, «...летом приступу в том месте за водою быть нельзя, а зимнею порою ставят на том месте рогатки и лед окапывают». Видимо, это делали и на Двине. Защищали Узгорский замок 13 пушек разного калибра и 68 затинных пищалей, расставленных по периметру укреплений протяженностью более 1800 м.

В целом в инвентаре за 1664–1665 гг. зафиксированы различные типы существовавших тогда деревянных оборонительных сооружений, башен, имевших суровый и впечатляющий вид. Большинство из 33 витебских башен заканчивались дозорными трапилами, нередко увенчанными флюгерами.

В 1667 г. Витебск вошел в состав Речи Посполитой. В инвентаре говорится о 28 башнях, 4 «бычках» и 2 калитках-фортках. Видимо, тогда город был уравнен в правах с Вильно, столицей Великого княжества Литовского.

Судя по сведениям стольника Петра I М. Цызырева за декабрь 1701 г. и по чертежу, сделанному им «тайным обычаем», можно предположить, что Витебские укрепления были в то время еще в довольно хорошем состоянии. 28 сентября 1708 г. во время Северной войны войска Петра I сожгли их вместе с городской застройкой.

В 1719 г. городские укрепления еще не были восстановлены. На территорию Верхнего замка можно было попасть, пройдя «то место, где брама бывала». Есть сведения, что 2 августа 1752 г. в городе случился пожар, в результате «выгорели замок от костела ксендзов Доминиканов, Благовещение, плебания, иезуиты, много домов». В мае 1757 г. снова произошел пожар: сгорели большая половина замка, три церкви и два костела, а 6 июня — остаток замка. После этого укрепления Витебска, видимо, не восстанавливались.

III

ЧАСТНО-ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАМКИ И ГОРОДА

Частновладельческие замки и города

Беларусь с ее развитыми торговыми городами, необъятными лесами всегда манила к себе завоевателей, многократно становясь ареной опустошительных военных действий. Все это не могло не повлиять на характер зодчества, которое стало приобретать ярко выраженные оборонительные черты, причем не только в военном, но и в гражданском, культовом строительстве. На интенсификацию военно-оборонительного строительства повлияла и острая междоусобная феодальная борьба, в которой ни магнатам, ни шляхте, ни подвластному им населению не гарантировалась личная безопасность.

В то время значительно возросло экономическое могущество крупных местных магнатов, которые владели староствами с богатыми городами и местечками, громадными латифундиями с десятками тысяч крепостных крестьян. Они строили собственные замки и дворцы подальше от населенных пунктов, искали надежной защиты за реками, искусственными прудами и подъемными мостами. Феодальные замки той поры постепенно утратили аскетические черты чисто оборонительных сооружений.

Начиная со второй половины XV в. в замковом зодчестве определились две характерные тенденции. Первая свидетельствовала о дальнейшем развитии местных строительных традиций (замки в Мире, Гераненах, Любче и др.), использовалась собственная интерпретация достижений европейской фортификации. Вторая тенденция отражала стремление следовать образцам европейского замкового строительства (замки в Заславле, Несвиже, Ляховичах и др.).

В XVI–XVIII вв. в Беларуси было немало городов, находившихся в частном владении. В основном они имели развернутую систему фортификации. Укрепления сооружались зачастую по инициативе магнатов, которые видели в укрепленных центрах надежную защиту военной и экономической власти своих родов. Одновременно эти цитадели защищали и их города от неприятельских войск. Как правило, такие города имели целый комплекс оборонительных сооружений. Магнаты постоянно модернизировали их применительно к новейшим требованиям военной науки, стратегии и тактики обороны, рассчи-

танной на длительную осаду и на огонь тогдашней артиллерии. Введение норм магдебургского права придало старой организации городского ополчения мобильность. Были детализированы права и обязанности мещан в вопросах обороны.

В частновладельческих городах, в отличие от большинства королевских, уже с середины XVI в. стали практиковать строительство бастионных укреплений, применяя все известные тогда в Европе системы фортификации. Укрепления были самые разные в зависимости от финансовых возможностей феодалов. Укрепляя и защищая свои резиденции и города, магнаты ставили мещан в зависимость от своей политики в вопросах обороны, практически держа в своих руках механизмы руководства городским ополчением.

Наибольшей мощью тогда отличались центры латифундий крупнейших белорусских магнатов — Радзивиллов, Сапегов, Ильиничей, Глебовичей и др. В целом система укрепленных частновладельческих городов служила основательным и прочным каркасом обороны Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, что не раз подтверждалось в ходе войн XVI—XVIII вв.

Мирский замок

Замок в местечке Мир Гродненской области был возведен на правом берегу речушки Мирянки. В плане он напоминает несколько перекошенный четырехугольник. На каждом углу, выступая за периметр стен, возвышается мощная башня. Пятая (въездная) «брама» находится в центре западной стены, обращенной к городу. В глубине двора стоит трехэтажный дворец, пристроенный к северной и восточной стенам замка.

Мирский замок был построен в 1506—1510 гг. на месте ранее стоявшего здесь господарского двора. Его возводили население Мирщины и крестьяне других из владений брестского старосты, надворного маршалка Великого княжества Литовского, князя Юрия Ильинича. Были построены кирпичные заводы («цагельни») в деревнях Пропаши и Бирбаши. Известь доставляли из Сверженя. В одно место свозили сотни кубометров полевого камня, обтесывали его, сортировали по размеру и цвету.

Роду Ильиничей Мирский замок принадлежал до 1568 г., затем он перешел к Радзивиллам «несвижской линии». С конца XVIII в. замок находился в руках графов и князей Гоген-Лоэ, Берленбургов, Витгенштейнов, а со второй половины XIX в. и до 1939 г. им владели князья Святополк-Мирские.

Мирский замок сильно пострадал в 1655 г. во время войны Речи Посполитой с Русским царством. В период Северной вой-

ны (1705 г.) его сожгли шведы. В 1794 г. во время подавления восстания Т. Костюшко замок взяли штурмом царские войска. Под его стенами 9—14 июля 1812 г. происходили жестокие сражения между арьергардом 2-й русской армии Багратиона — кавалерией генерала Платова и французской кавалерией маршала Даву. Во время боев были разрушены и сожжены дворец, одна из башен, повреждены внешние бастионные укрепления. 11 ноября 1812 г. под стенами замка произошло сражение между армией адмирала Чичагова и французами.

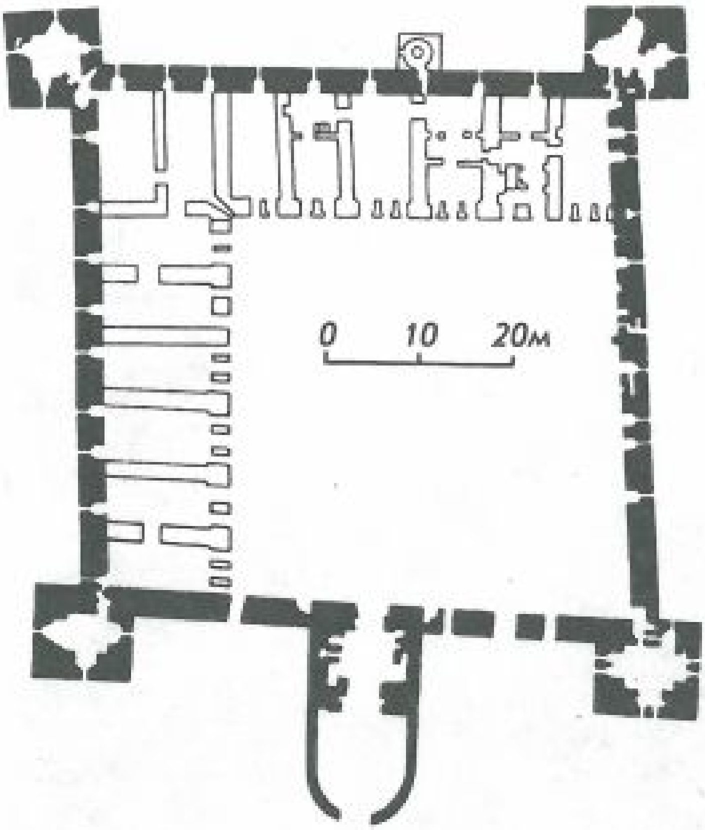
В 1870 г. на четырех башнях (кроме взорванной северо-восточной) были сооружены шатровые крыши. Позднее восстановили и дворец. В конце XIX в. на юг от замка был выкопан большой пруд и с этой стороны срыты бастионные укрепления. Комплекс Мирского замка и сегодня удивляет своей архитектурной гармонией, слитностью с природой, рационализмом и продуманностью оборонных сооружений, простотой и лаконизмом форм.

Все башни замка сделаны одинаково: четырехгранная основа и восьмигранный сужающийся верх. Архитектурная обработка их фасадов основана на чередовании различных по форме и размерам декоративных ниш, тяг и орнаментальных поясов. Такой прием был широко распространен как в гражданском, так и в культовом белорусском зодчестве XVI в.

По периметру стен на высоте около 8 м от земли проходит орнаментальный пояс шириной около 70 см из шести рядов кирпичной кладки. Верхний и нижний ряды — кирпичи, положенные на угол в виде традиционного поребрика. Между ними проходит полоса заглубленной кладки. Этот пояс, побеленный известью, четко выделялся на красном фоне кирпичной стены, как и другой орнаментальный пояс, который украшал самый ее верх.

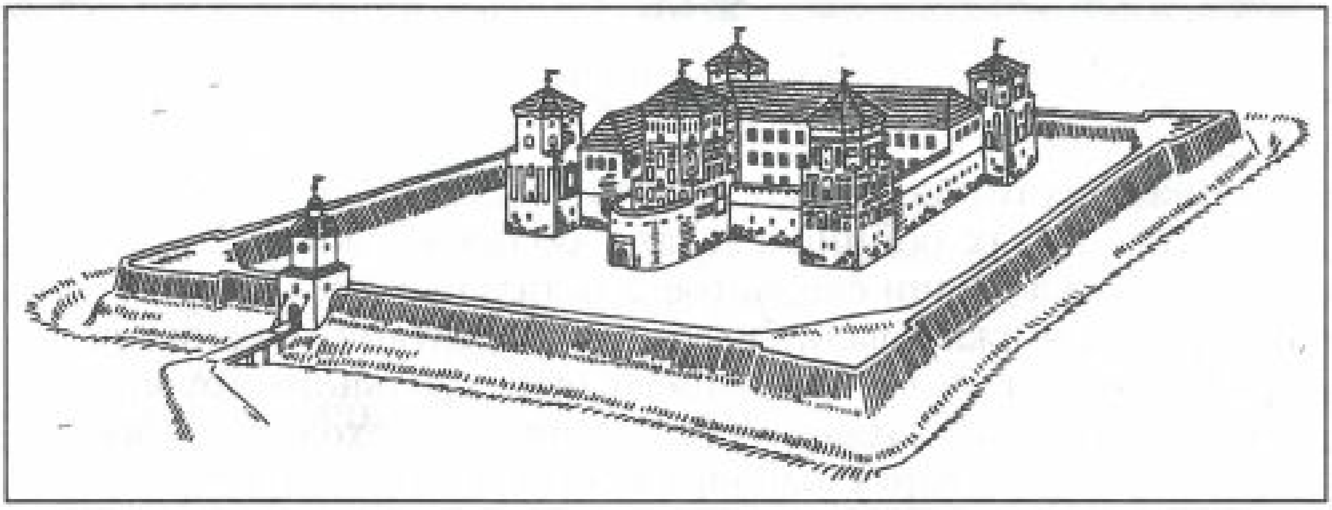
Все башни Мирского замка конструктивно и стилистически близки между собой и в то же время каждая из них имеет свое индивидуальное архитектурное обличье. Художественное совершенство фасада замка особенно подчеркивается продуманностью и слитностью орнаментальных поясов башен. Их органически продолжают идентичные по рисунку и технике исполнения пояса на пряслах стен и полуциркульные ниши. Благодаря этому все элементы замка составляют целостную архитектурную композицию, что создает законченный образ неповторимого сооружения, не имеющего аналогов на землях Прибалтики, Польши и России.

Башни возведены с таким расчетом, чтобы было удобно вести фланговый огонь вдоль прясел стен и поражать цель на подступах к ним. Большинство бойниц предназначалось для стрельбы из пушек. Все башни спланированы как самостоятельные узлы обороны. Если бы противник прорвался внутрь двора или пошел на штурм, из них можно было вести круговой

План Мирского замка. Рисунок А. Е. Митянина и М. А. Ткачева

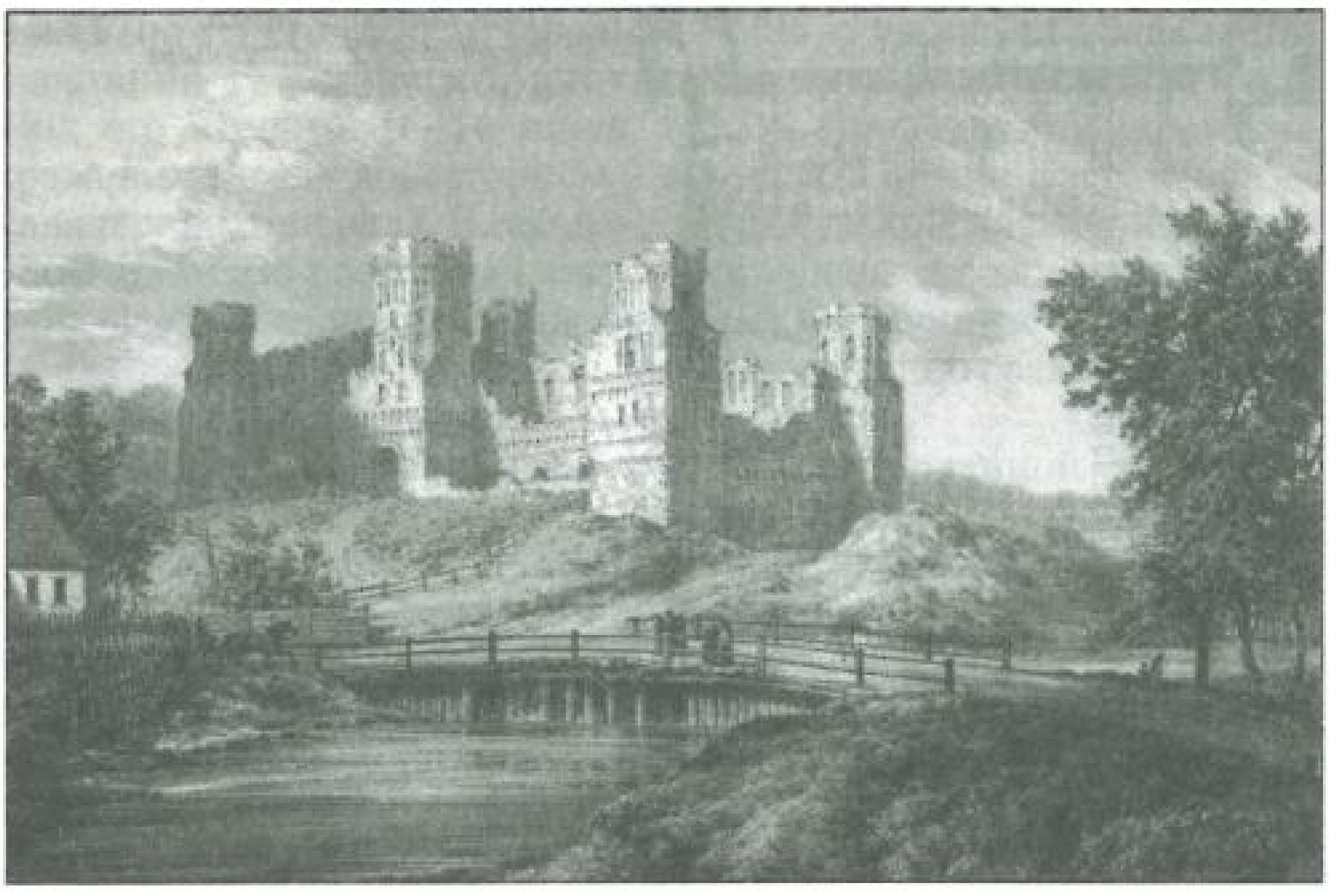
Мирский замок в начале XVII в. Реконструкция по материалам М. А. Ткачева. Рисунок Е. Кулика

обстрел. Каждая башня имела по пять ярусов боя с большим количеством бойниц и сложную систему внутренних переходов. Завершались башни бойницами, которые позволяли защищать подступы к стенам. Через них можно было сбрасывать на врага камни, гранаты, лить кипяток или смолу.

Из всех угловых башен, возведенных в XVI в., почти полностью сохранилась юго-западная, которая позволяет изучить систему планировки и организацию боя со всех этажей. Основание башни является несколько перекошенным квадратом размером 10×10 м, высота ее 23 м. Величественное сооружение стоит на мощном фундаменте с глубиной заложения 4 м. Фундамент сложен из громадных валунов длиной до 1,5 м, хорошо подогнанных друг к другу и связанных известковым раствором.

Внутри башня разделена на пять ярусов. На первом этаже размещалось семь пушечных бойниц, которые фланкировали огнем замковые ворота, западную и южную стены, через них вели фронтальный огонь. На второй этаж вела крутая узкая

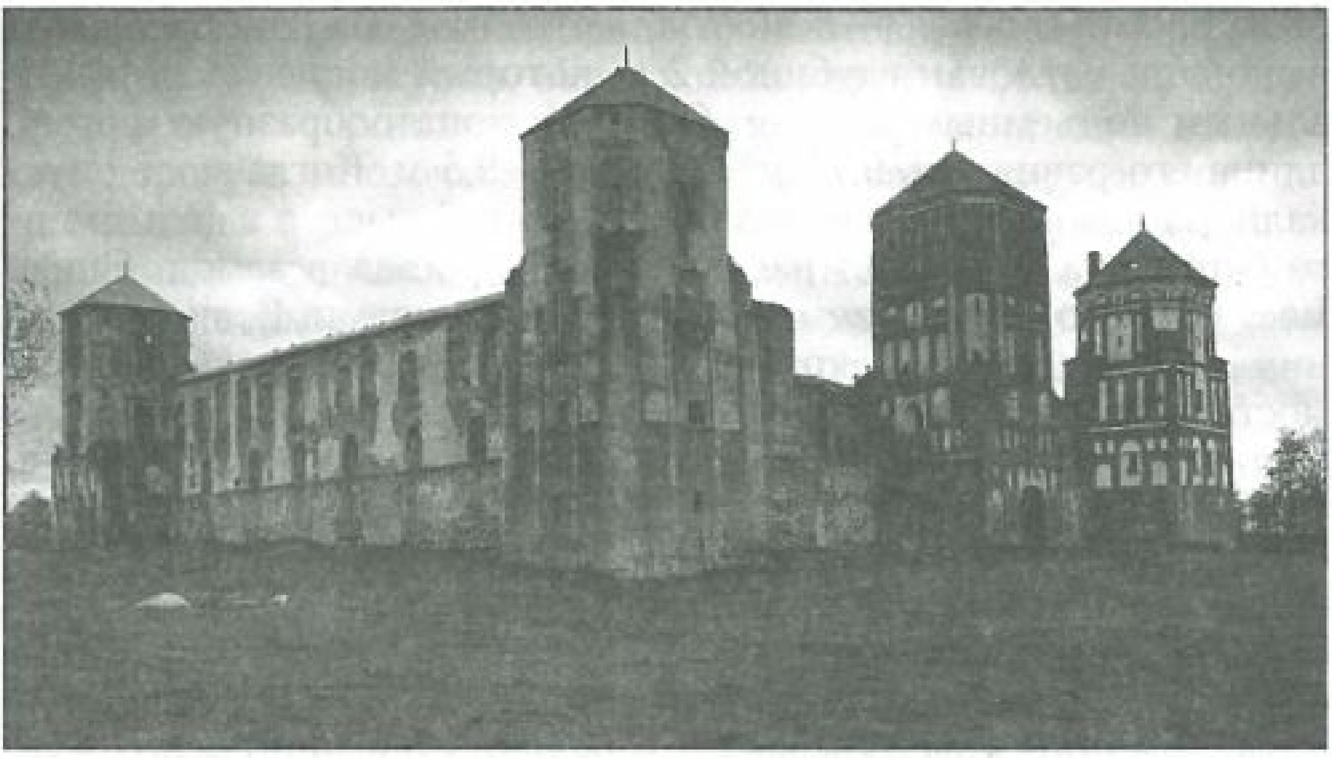
Мирский замок. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

каменная лестница. Здесь стояло шесть пушек. В XX в. на месте некоторых бойниц сделали большие окна. Перекрытие второго этажа башни сводчатое, а остальных трех — по балкам. На верхних этажах были бойницы, рассчитанные на огонь, который вели из пушек и ручного огнестрельного оружия. На уровне четвертого этажа стены башни переходят в «восьмерик». На самом верху башенной стены местами сохранились полузаложенные кирпичом «варовые окна».

Остальные башни отличаются от юго-западной размерами оснований, объемом помещений и некоторыми деталями. Все они очень схожи между собой внутренней планировкой, объемно-пространственным решением и назначением помещений.

Из всех башен Мирского замка главная (въездная) по своим формам и орнаментации фасадов является наиболее интересной, яркой и совершенной. Шестиярусное сооружение вознеслось на 25-метровую высоту, оно стоит на надежном фундаменте (12 × 12 м). Мощная башня-исполин украшена орнаментальными поясами и декоративными нишами разного размера и формы, аккумулирующими в себе традиционные приемы и средства орнаментации местного каменного зодчества. Здесь и древнеславянский поребрик, и аркатурные фризы (подзоры), и рожденные пытливым умом здешних «дойлидов» ниши — круглые, трехчастные с висящими гирьками, полуциркульные, стрельчатые, прямоугольные.

Первый этаж башни прорезает единственный в замке проезд с двумя дубовыми воротами (одни находятся на въезде, другие — на выезде). Ворота запирали толстыми дубовыми

Мирский замок. Современный вид

брусьями, для которых в боковых стенах были сделаны специальные гнезда (30×30 см). Кроме того, створ ворот был дополнительно защищен решеткой (герсой) из кованых и заостренных снизу железных полос. Она опускалась со второго этажа через проем размером 2,8×0,4 м. В случае опасности, прежде чем стража успевала закрыть ворота, герса с молниеносной быстротой падала сверху, закрывая вход в замок. В подвале воротной башни размещалась тюрьма, которую охраняла стража. Слева от ворот, на западной стене, находились бойницы навесного боя.

Согласно данным инвентаря замка 1688 г., в воротной башне стояли три железные пушки. В XVIII и XIX вв. на втором этаже размещалась каплица, а на стене, обращенной в сторону замкового двора, были часы. Снизу начиналась каменная лестница, которая шла в толще стены до четвертого этажа, открывая выход на каждый ярус боя. Второй и третий этажи со сводчатыми перекрытиями имели соответственно шесть и семь бойниц для стрельбы из мушкетов и пушек. Остальные этажи своей планировкой схожи между собой. Завершалась башня поясом «варовых окон», которые существовали до ее перестройки и ремонта во второй половине XIX в.

Придавая большое значение обороне единственного входа в замок и учитывая возрастающую силу артиллерии, владельцы замка через некоторое время решили дополнительно укрепить ворота. Для этого к центральной башне пристроили подковообразную стенку «предбрамья» (барбакан) толщиной 1,25 м. По центру ее прорезал еще один воротный проем на два полотнища, которые запирались деревянным брусом («завалом»). Верх стены заканчивался зубцами и бойницами. Здесь также

была боевая галерея — помост для стрелков. Внутри барбакана выкопали котлован глубиной 2 м, который закрывался специальным подъемным мостом. Он имел лопатообразную форму, длина его равнялась 9,75 м, ширина — 9,5 м. Когда мост опускали, он ложился на специальный опорный выступ в фундаменте барбакана и служил настилом для проезда в замок. Снизу мост был окован железными полосами и шипами. Если его поднимали, он целиком закрывал главный въезд в замок. Размеры моста позволяют предположить, что высота стены «предбрамья» составляла не менее 10 м. Барбакан существовал до конца XIX в.

Характерно, что стены Мирского замка имели три яруса боя. Нижнюю часть стен прорезали пушечные бойницы подошвенного боя в виде просторных камер (печур). Этот ярус огня был очень мощным: в северной и восточной стенах было сделано по девять бойниц, в южной — восемь, а в западной — пять. Средний ярус боя шел в середине стен приблизительно на высоте 8 м от земли. Он имел вид коридора-галереи высотой чуть более 2 м с полуциркульным сводом. В обеих стенках галереи были многочисленные бойницы. Верхний ярус — это боевая площадка, размещенная на самом верху стены. Ее прикрывали парапеты с бойницами.

В начале XVII в. важнейшими дополнительными элементами обороны Мирского замка стали бастионные укрепления, насыпанные из глины, крупного песка и земли. Это сооружение, имевшее вид мощного четырехугольника размером 170×150 м, стало первой линией обороны.

Строительство замка осуществлялось в несколько этапов. В первом десятилетии XVI в. были сооружены стены и башни, а в юго-западном участке двора построили кирпичное одноэтажное жилое помещение. Второй этап строительства пришелся на 20—30-е гг. XVI в., когда к южной и восточной стенам пристроили одноэтажный корпус с обширным подвалом. Новое здание заняло значительную территорию замкового двора. На третьем этапе (вторая половина XVI в.— первая половина XVII в.) над одноэтажным корпусом возвели еще два этажа. Внешними стенами дворца стали замковые стены — северная и восточная. В них замуровали часть бойниц, а на уровне второго и третьего этажей сделали большие оконные проемы. Внутри здание также подверглось реконструкции. По уточненным данным, в конце XVI — начале XVII в., судя по всему, возвели подковообразную стену «предбрамья».

С помощью инвентарей можно представить себе Мирский замок того времени. Согласно сведениям одного из них за 1688 г., на подзамче, окруженном валом, располагались разнообразные хозяйственные постройки («стайня с возовней и обозней, все крытое гонтом», а также «небольшой огородик»). Возле ворот стояла сторожка («кордыгарда»), где были печь «из белой кафли, выведенная вверх, три лавки, стол и окно». В замке

находились княжеская конюшня с заготовленными впрок сеном и овсом, винокурня, баня, хозяйственные подвалы. Высокое крыльцо «с усходками и перилами малеванными» открывало дорогу в многочисленные покои и залы дворца. Солнце заглядывало туда через цветные стекла окон, вправленных в оловянные и деревянные рамы удивительной работы, и освещало паркетный пол, высокие печи, сложенные из многоцветного кафеля, кованую медь подсвечников, знаменитые карелицкие ковры («шпалеры»), дорогое оружие на стенах.

Мирский замок XVII—XVIII вв.— это роскошный дворцово-замковый комплекс, где удачно сочетались черты военно-фортификационного сооружения и пышность, величественность дворцовой постройки.

История замка тесно связана с историей поселения Мир. По некоторым сведениям, оно впервые упоминается в 1395 г., когда крестоносцы во главе с гроссмейстером Тевтонского ордена Конрадом фон Юнгингемом, не взяв Новогрудок, напали на Лиду и Мир и опустошили их. В 1434 г. великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович подарил поселение Мир боярину Сеньке Гедыгольдовичу, от которого оно перешло в 1490 г. к роду князей Ильиничей, уроженцев Могилевщины.

В XVI в. городские укрепления Мира, который уже принадлежал Радзивиллам, имели вид земляного вала с деревянным «парканом» и четырьмя деревянными въездными брамами. Позднее они стали каменными. Один из местных каменщиков («муляр Мартин Заборовский») в 1594 г. «оправлял муром» укрепления Мира. Городские брамы имели названия Виленская, Менская, Замковая и Слонимская. В документах XVII в. последняя иногда называется «брамой Аюцевичской». Перед валом был вырыт оборонительный ров. Каждая воротная башня имела подъемный мост.

В конце августа — начале сентября 1655 г. Мир был взят войском царского воеводы А. Н. Трубецкого и украинского полковника Ивана Золотаренко. Повторно город пострадал в конце 1655 г., когда его осадили шведы. Здесь было ополчение из мещан, разделенное на десятки и сотни. В 60—80-х гг. XVII в. на вооружении у них были гаковницы «в простой осаде», мушкеты, фитильные осаженные самопалы, пики, бердыши, «оббитые железом» булавы и пушки.

Работами по ремонту и досмотру городских укреплений руководил местный городничий. В 80-е гг. XVII в. после разрушительной войны с Русским царством в Мире работали две бригады строителей. Это плотники («мастер теслярский Гарута, тесли Миколай, Юрка, Чурский, Лаврын Степура, Дударчик»), а также каменщики («старший мастер Мартин, мастера Хабар, Станислав, Петрок и помощники Дудка, Федор, Горбач, Сашка»).

Как и в замке, городские башни были крыты гонтом, доща-

той черепицей («даховкой»), муравленой «королевской даховкой», которую привозили из д. Карпова Лука, «хатней даховкой» и жестью («station бляхой») в виде медных и оцинкованных листов.

Городские укрепления в Мире, судя по всему, в XVIII в. имели вид бастионной фортификации, которая существовала до конца XVIII в. «Виленская брама» последний раз упоминается в 1794 г., затем укрепление срыли. Уцелел лишь комплекс Мирского замка.

Мирский замок в свое время был мощным военным сооружением, где нашли применение почти все известные элементы средневековой фортификации и были воплощены местные традиции замкового зодчества. Строили его по проекту талантливого архитектора. Скорее всего это был мастер из народа, который обладал художественным вкусом. Не имея хороших инструментов, он не смог сделать точной разбивки планов и фасадов. Однако это не помешало зодчему создать первоклассное для того времени военно-инженерное сооружение и украсить его разнообразными архитектурными деталями.

Замок в Любче

Поселение Любча (Любч, Любеч), ныне городской поселок в Гродненской области, известно с XIII в. Князь Миндовг отдал его киевскому боярину Андрею Васильевичу Кияну, который спасался в Новогрудке от татарского нашествия. В 1428 г. Витовт передал Любчу во владение своей жене Ульяне. В 1499 г. великий князь Александр подарил «двор Любч» подскарбию Федору Хрептовичу. Вероятно, тогда селение уже имело статус «местечка». Во всяком случае в ряде документов 1517—1528 гг. оно называется так. В 1528 г. Любчу приобрел виленский воевода О. Гаштольд, а в 1547 г.— Ян Кишка, который основал здесь типографию. Известно, что в 1590 г. Любча получила магдебургское право, имела свой герб. В XVII в. она принадлежала Радзивиллам.

Замок в Любче был возведен, видимо, в 80-е гг. XVI в. Он стоял на высоком левом берегу Немана и занимал участок размерами 85×85 м. С трех сторон замчище окружал оборонительный ров шириной до 30 м и глубиной от 7—8 м (с запада и юга) до 10 м с востока. С четвертой стороны замок был защищен Неманом.

В юго-западном и юго-восточном углах замчища сохранились две мощные каменные башни. Первая башня (воротная) была сделана в виде мощного куба, который на высоте около 8 м переходил в восьмигранную призму. Основание ее — квадрат размером 9,8×9,8 м. Башня имела четыре яруса боя. На первом ярусе было восемь ружейных бойниц, на втором — две-

Замок в Любче.
Фото начала XX в.

Замок в Любче.
Современный вид

надцать, на третьем — восемь пушечных бойниц. Под крышей башни в каждой из восьми стен находились по две мушкетные бойницы. По своей объемно-пространственной композиции она очень сходна с башнями в Мирском, Новогрудском и Витебском замках. Смешанная готико-ренессансная кладка позволяет сделать вывод, что башня была возведена в конце XVI в. Фундамент ее из больших валунов уходит в землю на 3 м. Внутри здания находилась тюрьма. Вначале это была единственная каменная башня в деревянном замке.

Согласно инвентарю от 2 июля 1601 г., воротная башня замка в Любче имела «баню», покрытую «железом белым», а также «звон, зегар завешоный». Слева от башни стояли кухня, а далее над Неманом — «башня недомурованая». Окна в ней были зарешечены «кратами». На всем здании лежала печать запустения, так как строительные работы были прекращены.

Далее на замковом возвышении стояли в ряд жилые и хозяйственные постройки: «дом великий на склепе высоком мурованом», клеть, второй склеп меньшего размера, изба столовая с несколькими коморами и светлицами, где были кафельные печи, «коморка потребная», подклеть, «пивница». На четвертом участке находилась угловая юго-восточная трехъярусная каменная башня (8,9 × 8,9 м в основании). На первом этаже были сделаны четыре ружейные бойницы, на втором — четыре пушечные, на третьем — двенадцать ружейных бойниц. Цокольный этаж башни в 1601 г. занимала «пивница». Находившийся выше этаж тогда выполнял роль склепа с обитыми железом дверями. Окна были закрыты железными решетками. На участке от этой башни и до въездной стояли «дом на подклете, три гмахи и дворец, где урядники мешковали», а рядом — замковый бровар.

Согласно документам и графическим материалам XVII в., в замке было четыре башни, каждую из которых украшали флюгеры с гербами Радзивиллов. Местечко Любча было защищено парканом, имело въездные ворота «прусского муру» из дерева и кирпича.

В 1655 г. Любчу захватили казаки И. Золотаренко, и она сильно пострадала. Согласно описаниям замка за 1813 г., в нем было только две башни. Замок соединялся двумя мостами с местечком и замковым фольварком.

Замок в Гераненах

Поселение Геранены известно по письменным источникам с первой половины XV в. В 1403 г. им владел виленский воевода Монвид, в 1433 г. — Сигизмунд Кейстутович. Великий князь литовский подарил Геранены вместе с Девенишками, Медниками и Тыкотином Яну Гаштольду. Поселение возникло намного раньше 1403 г., тем более что в 1,5 км восточнее сегод-

Руины замка в Гераненах. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

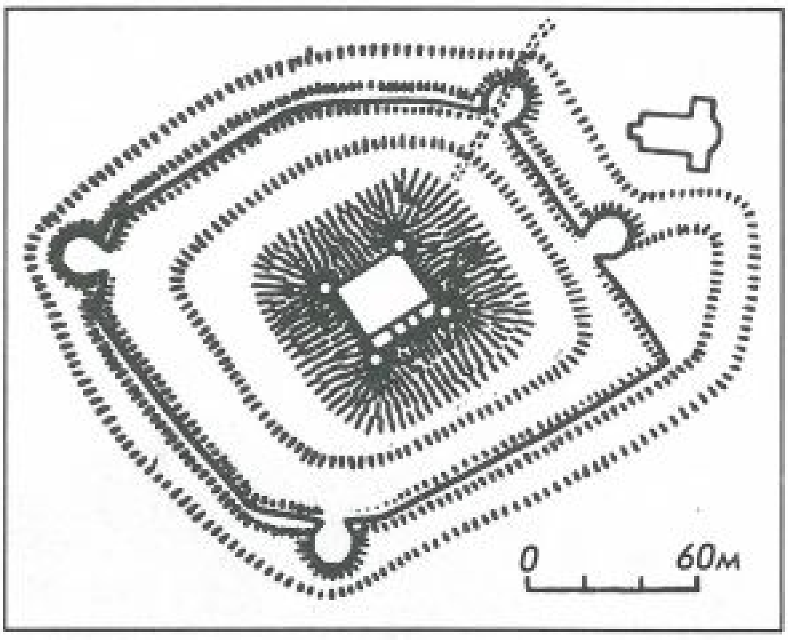
няшних Геранен, известных в истории как «Гераненьі Мурованые», находятся «Старые Гераненьі» (д. Субботники).

В 1493 г. король Александр подтвердил «привилей» на право владеть Гераненами Войцеху Гаштольду, который тогда был канцлером Великого княжества Литовского и виленским воеводой. Предполагается, что при нем на рубеже XV и XVI вв. был построен местный замок. Гаштольды владели им до 1542 г., потом он перешел к королю Жигимонту I, а от него — к Жигимонту Августу. В XVII в. Гераненами владели Пацы.

Во время войны 1654—1667 гг. замок был разрушен, но, видимо, довольно скоро его восстановили. Известно, что в 1670 г. князь Михаил Пац отдал Геранены вместе с Липнишками «в государственное держание».

В начале XIX в. замок в Гераненах пустовал, а в середине столетия его начали разрушать, используя камень для строительства зданий в Липнишках.

Замок в Гераненах был возведен на искусственной земляной насыпи. Его стены образовывали квадрат 27×27 м, на каждом углу которого стояли каменные башни. Стены были сложены в технике «полосатой кладки», т. е. ряды камней и кирпичей чередовались. Башни были облицованы кирпичом. Вероятно, верх их также был кирпичным. Фундаменты башен и стен сложены из больших валунов на извести, промежутки между ними заделаны большемерным кирпичом. Глубина заложения фундаментов одинаковая. Это свидетельствует о том, что стены и башни строились в одно время.

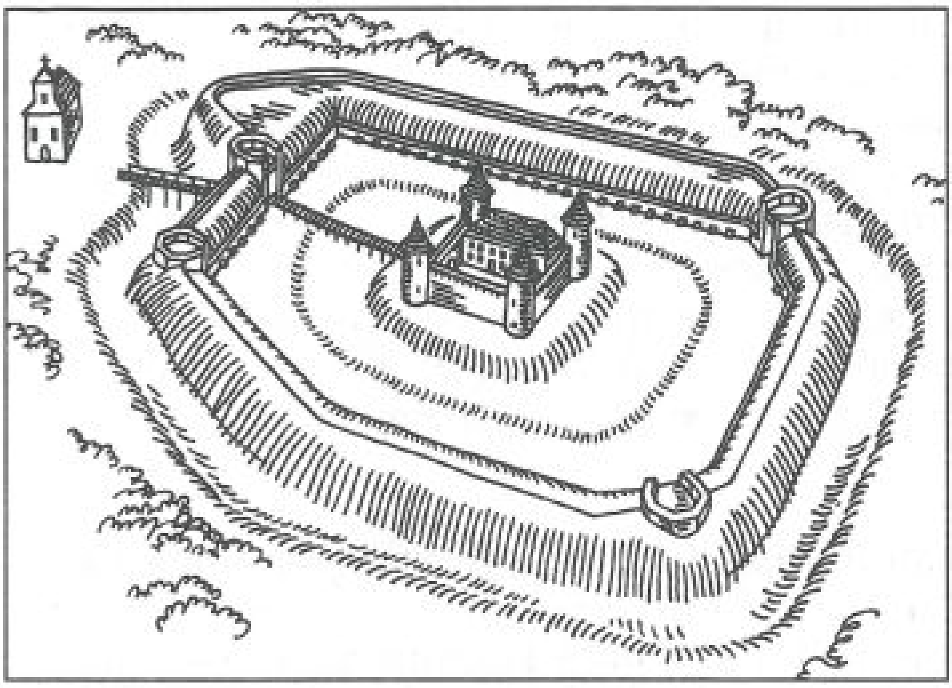
План замка в Гераненах

Башни замка имели цилиндрическую форму, диаметр их 8 м. Стены двухметровой толщины сложены из камня, снаружи облицованы кирпичом в технике готической кладки (чередование ложков и тычков). По остаткам северо-западной башни замка можно сделать вывод, что она имела сводчатое перекрытие между двумя нижними этажами. Сохранился оконный проем нижнего этажа высотой 1 м и шириной 0,6 м.

У западной стены замка когда-то стоял дворец, который возвели, очевидно, в конце XV в. Известно, что в 1565 г. он был деревянным, позже на его месте было построено двухэтажное каменное здание. Все окна дворца были обращены внутрь замкового двора. Островерхую черепичную крышу в центре венчала небольшая башенка с флюгером в виде аиста. По краям ее на металлических стержнях были установлены звезды из жести.

Гераненский замок возведен в те времена, когда значительно возросла роль артиллерии. Надеяться только на мощь замковых стен было уже нельзя. Основная тяжесть обороны таких сооружений была перенесена на внешние оборонительные линии, имевшие вид мощных земляных валов и глубоких рвов. Именно такая линия обороны, состоявшая из мощного 700-метрового земляного вала и рва, защищала замок в Гераненах. Вал достигал в высоту 9—10 м, его ширина в основании равнялась 15 м. В плане он напоминал вытянутый в длину прямоугольник с закругленными углами. У подножия вала с внешней стороны находился оборонительный ров 4-метровой глубины и 15-метровой ширины. Весной, когда таял снег, и дождливой осенью ров наполнялся водой.

Чтобы предупредить разрушение и оползание насыпи вала, со стороны его внутреннего склона была сооружена каменная стенка толщиной 1,25 м и высотой 4,5 м. Позднее ее усилили контрфорсами. Идя по периметру вала, подпорная стенка на каждом углу переходила в семигранные башни-рондели, которые были здесь основными огневыми пунктами. Толщина стен

Замок в Гераненах. Реконструкция по материалам М. А. Ткачева. Рисунок Е. Кулика

ронделя, который стал прообразом будущих бастионов, равнялась 1,75 м. Ни размером кирпича, ни техникой исполнения кладка ронделей не отличается от подпорной стенки. Рондели имели, видимо, два этажа. Нижний этаж высотой около 4,5 м находился в толще вала. Здесь хранились оружие и амуниция. Второй этаж начинался на уровне вершины вала и напоминал семигранный каменный бастион. Перекрытие между этажами скорее всего было сделано по балкам. На второй этаж можно было подняться по кирпичной лестнице, которая начиналась от самого низа подпорной стенки на стыке со стеной ронделя.

Значительная огневая сила концентрировалась и на самом валу, где могли стоять деревянные защитные стенки-брустверы. На вершине вала могли находиться стрелки и артиллерийские орудия.

Въездные замковые ворота прорезали нижний этаж юго-восточного ронделя, стены которого по сравнению с другими были более мощными (до 2,2 м толщиной). К воротам можно было подойти по деревянному мосту, который был переброшен через оборонительный ров. Подступы к воротам просматривались сверху и с соседних участков вала. Кроме того, справа от ворот вал имел бастионообразный выступ, стратегическое назначение которого очевидно: он фланкировал огнем мост и ближние подступы к воротам. Это, так сказать, прообраз бастионов и бастионной системы укреплений, которые стали широко использоваться в Беларуси в XVI и XVII вв.

Каменный костел в Гераненах построен в 1529 г. Он был обнесен каменной стеной и непосредственно примыкал к оборонительному рву перед воротами, являясь, таким образом, дополнительной преградой на пути к замку.

С полным основанием можно сказать, что замок в Гераненах является ярким образцом замкового строительства в Беларуси на рубеже XV и XVI вв. Здесь есть и элементы западно-

европейской фортификации, но все же более отчетливо чувствуются местные военно-строительные традиции. Об этом свидетельствуют материалы, принцип сооружения вала, а также каменный замок с четырьмя башнями, стоящий на искусственной насыпи, что было присуще белорусскому военному и церковно-цитадельному зодчеству того времени. Замок стал связующим звеном между старыми местными приемами фортификации и бастионной системой укреплений, которая вскоре получила в Беларуси широкое распространение.

Несвижский замок и городские укрепления

Несвиж известен с XIII в. Юрий Несвижский, один из его владельцев, в 1224 г. принимал участие в битве с татарами на Калке. После того как земли Беларуси вошли в состав Великого княжества Литовского, несвижские князья в XIII—XV вв. владели своим уделом на условиях несения военной службы. В 1492 г. великий князь Александр передал город князьям Кишкам, а в 1513 г. княжна Анна из этого рода вступила в брак с Яном Радзивиллом (Бородатым), к которому затем и перешел Несвиж.

Неясно, что заставило несвижского князя Николая Радзивилла (Сиротку) в мае 1583 г. начать строительство современной фортеции на месте старого деревянного замка. Вполне вероятно, что причиной этого стал пожар. Однако не исключено, что на решение князя повлияла европейская фортификационная практика. В пользу этого свидетельствует и то, что зиму 1581 г. Радзивилл провел в Италии, где мог собственными глазами видеть и должным образом оценить образцы итальянского военного зодчества.

Думается, не случайно новый замок было поручено построить итальянскому архитектору Джованни Бернардони. Неизвестно, приходилось ли ему ранее сооружать фортеции. Тем не менее вера в его способности и талант была настолько велика, что Николай Радзивилл поехал в путешествие в Палестину, разрешив вести строительные работы без него.

Несвижский замок возведен на полуострове, на правом берегу реки Уша. Он был окружен широким рвом, наполненным водой. Уровень воды в нем регулировали. Замок был фактически островным, с двумя водными рубежами. Попасть сюда из города можно было только по длинному деревянному мосту через озеро. В случае опасности мост легко можно было разобрать. Этот мост достигал оборонительного рва с переброшенным через него подъемным мостом.

Замок имел в плане форму четырехугольника размером 170 × 120 м, окруженного высоким земляным валом с бастионами по углам. Вал был «обмурован» камнем до самого

Несвиж конца XVI в. Гравюра Т. Маковского

верха и переходил в такой же бруствер, за которым были сделаны окопы. Со стороны замкового двора брустверная линия огня была защищена еще одной каменной стенкой. Просторный замковый двор окружали три здания. Напротив въездных ворот находился главный корпус с княжескими покоями. По углам прямоугольного здания возвышались традиционные для Беларуси восьмигранные башенки, однако они уже утратили свое оборонное значение. Центр фасада украшал ризалит.

Справа от входа в замковый двор был возведен массивный трехэтажный корпус с высокой башней. Здесь же, видимо, размещались казармы и отдельные хозяйственные службы. Третье здание (двухэтажный хозяйственный корпус) стояло во дворе слева от въезда.

Характерно, что вал Несвижского замка заслонял собой от обстрела весь первый этаж здания. Внутри вала, имевшего сводчатые помещения, располагались отдельные подсобные службы, здесь было четыре тайных выхода. В XVII в. на бастионах возвели башни.

С внешней стороны рва шла широкая дорогая, которая была защищена невысокой земляной насыпью. С запада и севера от насыпи находился ров, а с юга и востока — глубокие пруды. С запада подход к воротам был укреплен треугольным шанцем. Чтобы защитить подступы к замку с северной стороны, напротив него, на левом берегу Уши, соорудили большой бастион, с которого можно было контролировать подступы к мосту.

Несвижский замок стал родоначальником нового типа бастионных укреплений в Беларуси — так называемой новоитальянской системы. Когда-то он считался одним из самых мощных и совершенных сооружений подобного типа. Здесь не было недостатка в артиллерии, ручном огнестрельном оружии и военной амуниции. В замке стоял большой гарнизон.

Несвижский замок. Рисунок Н. Орды. Середина XIX в.

В Несвиже раньше, чем где-либо в Беларуси, была создана литейная пушечная мастерская (людвисарня). Уже в 1576 г. здесь была отлита первая партия из семи пушек, которые стреляли двухфунтовыми ядрами. В том же году была изготовлена мортира («моджер спижовый»). Две пушки («два подделка в осаде дубовой слесарной работы с колами и осями, добре окованными и обрефованными») были отлиты в 1577 г. В несвижской «делолейне» в 1597 г. была отлита серия пушек и мортир, которым дали имена христианских святых: «Святой Иоанн», «Святой Марк», «Святой Михаил», «Святой Рафаил», «Святой Матвей», «Святая Марконеза». В 1598 г. было изготовлено меньше пушек в связи с тем, что для Несвижского и Мирского замков здесь отливали колокола. За мелодичный звук они получили название «цимбалы». Голос этих колоколов звучал в течение 300 лет. Они отбивали каждые 15 минут и каждый час.

В 1598 г. начали изготавливать новую партию пушек и мортир. Работа растянулась на несколько лет. Каждому орудию было дано оригинальное название, которое вырезали на стволе. Так, в 1598 г. была отлита мортира «Крокодил», в 1599 г.— мортира «Саламандра», пушка, которая стреляла огненными ядрами, пушки «Цербер», «Гидра», а также мортиры «Святой Юрий», «Святой Александр», «Святой Георгий». В 1600 г. были изготовлены пушки «Святой Крыштоф», «Бахус», «Виноград», «Сова», «Попугай», «Кубок», «Цирцея». Затем последовал перерыв, и лишь в 1602 г. отлили пушку «Мелюзина».

Несвижский замок. Современный вид

Изготовлением пушек в Несвиже в конце XVI — начале XVII в. руководил немец Герман Мольтцфельд. Этот сложный и многотрудный процесс был делом рук квалифицированного коллектива ремесленников, основу которого составляли мастера-белорусы. Они участвовали в создании форм для отливки орудий, «доводили ствол», отливали бронзовые украшения в виде листьев, виноградных лоз и гроздьев, птиц, зверей, изображений святых. В документах сказано о «Степане злотнике», который резал «литеры на титулах и верши, что должны быть на делках». Столяр Хломада изготавливал «кол под гарматы». Упоминаются также «слесарь Петр», «гисер Герман, тесля мирский», кузнецы.

Отлитые этими мастерами пушки с полным правом можно назвать подлинными произведениями литейного искусства. Стволы их напоминали причудливые колонны, перекрученные стволы деревьев с объемными изображениями попугаев, сов, семиглавых чудищ, песьих голов и др. Это придавало орудиям экзотичность и привлекательность. Оригинальны были и латинские надписи на стволах («гидра: готовит траур, скоро тронет черной отметиной»; «попугай: всех умерщвляю, кого кривым клювом ударяю»; «сова: катастрофу предсказываю каждому, если кто-либо прибудет как разрушитель»; «химера: уничтожаю врага огненным горлом зияющей химеры»).

Отливать пушки в Несвиже продолжали и в XVII—XVIII вв., тогда изготавливали железные навальные шестифунтовые орудия. В 1743 г. была отлита серия трехфунтовых бронзовых

орудий и 12 стволов. Двухфунтовые пушки отливали в 1749, 1753, 1756, 1760 и 1762 гг. В 1785 г. в присутствии короля Станислава Августа была отлита 24-фунтовая пушка, украшенная сценами пребывания в Несвиже короля и его придворных. В тот год в замке насчитывалось 66 пушек.

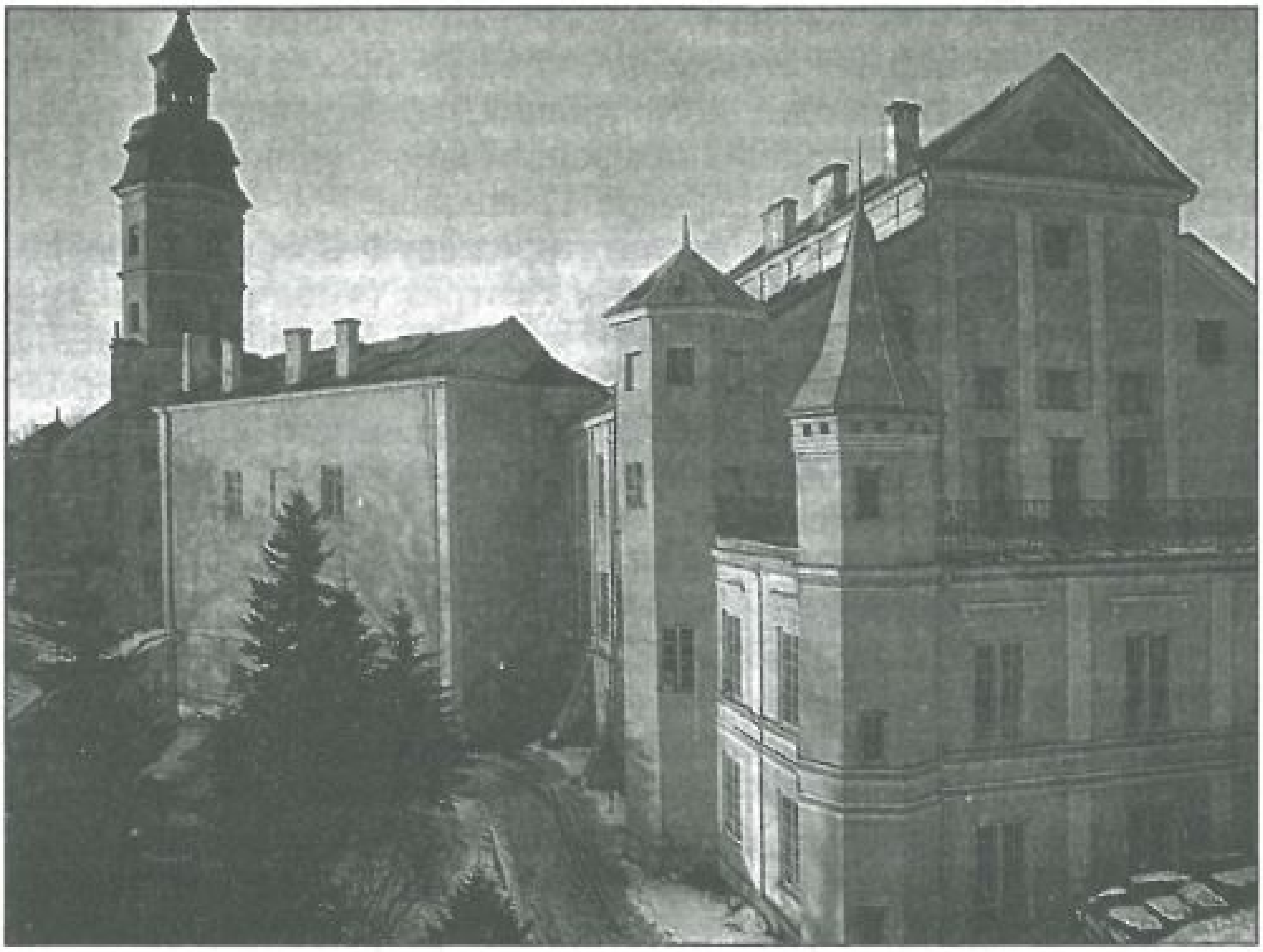
Неудивительно, что Несвижский замок во время войны 1654—1667 гг. выдержал не одну осаду. В 1706 г. войска шведского короля Карла XII все же захватили его, ограбили дворец и взорвали мощные замковые бастионы. Замок был восстановлен в 20-е гг. XVIII в., но постепенно утрачивал свои первоначальные черты. Была существенно изменена система фортификации. Обмурованные бастионы, которые взорвали шведы, уступили место новым, земляным.

Что касается внутризамковых жилых и хозяйственных построек, то в XVII и XVIII вв. их не раз перестраивали, надстраивали и дополняли новыми архитектурными деталями. Так, главный дворцовый корпус в середине XVIII в. был переделан и надстроен. Вместе с двумя другими перестроенными корпусами они образовывали открытый двор. Усложнились украшения фасадов. Удачное архитектурно-художественное решение фронтона эффектно подчеркивают пластика пилястр, богатый рельефный декор и скульптурные вставки в стиле позднего барокко. Особенно богато были украшены щит фронтона, поля откосов с обеих сторон ризалита и межпилястровые промежутки. В XVIII в. была перестроена брама замка, а крылья дворца соединены двухэтажной галереей.

В общей планировке и построении Несвижского замка заметна тенденция к симметричности. Был создан дворцово-замковый ансамбль с большим открытым двором, окруженным монументальными строениями. Украшенный стройными башнями и башенками, он приобрел романтическую привлекательность, а вода в прудах и яркая зелень ландшафтного парка завершили формирование дворцово-замкового комплекса, одного из лучших в Восточной Европе.

Несвижский замок — родовое гнездо Радзивиллов — в свое время был богатым культурным центром, средоточием средневекового искусства. В 12 величественных залах размещались библиотека, в которой насчитывалось 20 тысяч томов, портретная и картинная галереи, где было множество полотен, принадлежавших кисти известных художников, богатая коллекция европейского, арабского, японского и китайского оружия, знаменитые слуцкие пояса, кореличские и несвижские шпалеры, коллекция монет и медалей, роскошная мебель.

Рассказ о Несвиже будет неполным без описания защитных сооружений города. Вначале здесь не было укреплений, и жители в случае опасности укрывались в замке. В 1586 г. Н. Радзивилл поставил перед горожанами задачу соорудить оборонные объекты, в том числе две городские каменные брамы, «абы

Несвижский замок. Современный вид

место замкнено было». Одна «брама» выводила на дорогу в поселение Мир, другая — в Слуцк. Князь лично следил за ходом фортификационных работ и указывал, где ставить ворота и каких размеров. Город, получивший магдебургское право, отчислял деньги на фортификационные работы из своих доходов. Радзивилл освободил мещан «от жнивных толок», однако обязал их каждый год «с каждого пляца оселого насыпать по пруту земляной насыпи вала» (прут — 4,87 м). Все общественные работы в Несвиже выполнялись мещанами сообща. Согласно артикулам магдебургского права, в городе были организованы сторожевая, противопожарная службы, создано ополчение.

27 сентября 1592 г. с согласия мещан магистрат принял специальную «Ухвалу места Несвижского», где были провозглашены основные обязанности жителей по обороне города. Согласно «Ухвале» горожане освобождались от обязанности выполнять «валовую работу», если давали магистрату ежегодно по 30 грошей литовских с каждого «пляца». За эти деньги нанимали специальных землекопов, валмейстера, каменщиков и других рабочих, которые постоянно следили за состоянием укреплений. Только в случае крайней необходимости, когда нужно было перенести «паркан» на новое место, все жители должны были явиться «як на гвалт». При сборе налога беднякам и больным делали скидку: они могли выплачивать свой взнос в рассрочку. Каждый владелец дома был обязан иметь ручницу,

порох, пули и явиться на пункт сбора ополчения по сигналу городского «бубна». Того, кто не смог приобрести оружие, вначале штрафовали на одну копу грошей, затем решали вопрос о его пребывании в городе. Опоздавший на сбор ополчения платил магистрату штраф в размере 12 грошей.

Все городские жители несли сторожевую и оборонную повинности, участвовали в военных смотрах («полисах») и тренировках («муштрах»). Ежегодно взрослое мужское население принимало участие в соревнованиях стрелков на приз «короля курка», которые проводились в торжественной обстановке в «шихаузе» (определенное место для стрельбы за монастырем бенедиктинок). В первой стрелявшей четверке были, как правило, князь Радзивилл и его жена, которые могли передать право первого выстрела любому лицу, а также губернатор Несвижского замка и войт. Затем стреляли члены магистрата и все жители города, пришедшие со своим оружием. Того, чья пуля попадала в середину мишени, провозглашали «королем курка». В торжественной обстановке в городской ратуше ему вручали бархатный пояс с серебряными пластинками. Имя победителя было занесено в магистратскую книгу. Этого человека освобождали от ряда налогов, ему разрешалось свободно «выкуривать» определенное количество пива и браги. «Король» назначался на год смотрителем «шихауза». Он приобретал за свой счет серебряную табличку весом 11 г и должен был выгравировать на ней свое имя. Если победителем становились князь, его жена или губернатор, они уступали титул «короля» любому жителю Несвижа.

К концу XVI в. городские укрепления в основном были возведены. На гравюре несвижского картографа Томаша Маковского, созданной около 1600 г., изображен Несвиж, основу обороны которого составлял высокий земляной вал. Он имел вид пятиугольника с семью бастионами, который охватывал город со всех сторон. Внутрь можно было попасть через «брамы»: Слуцкую, Клецкую, Виленскую, Мирскую и Замковую. Городскую фортификацию окружал ров, который соединялся с рекой Уша. Перед воротами был построен подъемный мост. Большое значение в обороне Несвижа имели бенедиктинский, иезуитский, бернардинский и доминиканский монастыри с комплексами построек. Они стояли в тактически важных и выгодных местах и закрывали дорогу к замку, являясь серьезным препятствием на пути противника. Ров вокруг города выполнял еще одну функцию: он превратился в рыбий питомник. Однако ловить рыбу мещанам запрещалось. Радзивиллы приказали строго следить за этим поручику или цейхгварту, уполномочив их отнимать сети у горожан.

В XVII в. городские укрепления продолжали строить, а в случае необходимости периодически ремонтировали. Магистрат в лице «будовничего» (главного строителя), который был

одновременно бурмистром, заключал договоры с землекопами («копачами»), каменщиками («мулярами»), плотниками («цеслярами, «дойлидами») на выполнение конкретных работ. Так, по договору от 29 июля 1652 г. «будовничего» бурмистра Яна Гановича с «достославным мастером — муляром Якубом Безменом с четырьмя товарищами» были сооружены две каменные стены. Кроме того, была отремонтирована Копыльская брама, где нужно было оштукатурить низ, подправить арки ворот. В течение августа мастер обязан был сам позаботиться о подсобных рабочих, подготовить стройматериалы и выполнить все работы, включая ремонт откосов каменных стен. Все это было оценено в 20 коп грошей, причем задаток 6 коп выдали сразу. Для того чтобы каменщики «...веселей возле той стены ходили», бурмистр после подписания контракта выделил им на угощение 3 злотых и купил на 2 злотых пива и водки. Сохранились сведения о строительных работах, проводившихся в 1652 г. Каменные стены возводились с востока и севера (с юга и запада они уже были). О них сказано в «привилее», который король Владислав IV дал несвижским мещанам 2 марта 1633 г., отмечая «...возведенные высокие и основательные стены-муры Несвижа, досмотренные и обеспеченные оборонительными укреплениями».

Строительство городской фортификации Несвижа растянулось на многие годы. Это является отражением экономических возможностей горожан, на которых лежал тяжелый податный пресс, и возможностей магнатов Радзивиллов, не только построивших в 1584—1598 гг. великолепный замок, но и заложивших два костела, два монастыря и коллегиум для 200 монахов.

Во время войны Речи Посполитой с Русским царством 1654—1667 гг. Несвиж дважды (в 1654 и 1659 гг.) был взят штурмом, а его укрепления были повреждены. Однако удержать город русским воеводам не удалось. Безуспешными были и осады замка. В 1660 г. воевода Хованский писал царю в своем донесении, что вынужден снова посылать в Несвиж воеводу С. Змеева, которому «велел город осадить и промысл над Несвижем чинить, сколько милосердный бог помощи подаст». Хованский считал, что вылазки из города ратных людей наносят его войску большой урон, особенно достается фуражирам, которые приезжали из-под Ляхович на поиски «хлебных запасов и конских кормов». Судя по всему, взять Несвиж в 1660 г. не удалось.

В «привилее» короля Михаила Вишневского от 29 октября 1669 г. говорится, что укрепления города были сооружены заново, с самого фундамента. Однако дела все равно шли плохо. Тогда князь Михаил Радзивилл, желая привести свое родовое гнездо в надлежащее состояние, начал сам «немалым коштом фортификовать Несвиж».

Полностью восстановить городские укрепления до начала Северной войны не удалось. Это заставило магистрат и все «поспольство», не надеявшееся на городскую фортификацию, просить Радзивилла, чтобы он разрешил в случае опасности укрыться за стенами замка. Судя по тому, что в марте 1706 г. шведы взяли Несвиж штурмом, Радзивилл просьбу жителей не удовлетворил. Правда, как уже упоминалось, в мае того же года шведские войска после длительной осады овладели замком, разрушив его и взорвав бастионы. Однако во время осады города они так и не смогли сломить сопротивление его защитников, находившихся за стенами иезуитского коллегиума и соседних каменных построек.

После Северной войны укрепления Несвижского замка и города были восстановлены. Радзивиллы хорошо понимали стратегическую важность и значение Несвижа для Верхнего Понеманья и центра Беларуси. С севера и запада на подступах к городу были возведены дополнительные бастионные укрепления, которые правым краем упирались в искусственный пруд. В Несвиже осталось много огнестрельного оружия. В 1765 г. здесь еще было 36 пушек местной отливки, сотни мушкетов, карабинов, «янычарок», пистолетов и другого оружия.

Сведений о военной организации мещан Несвижа за XVIII в. не сохранилось. Видимо, она действовала по старым канонам вплоть до присоединения земель Беларуси к России. В 1792 г. Несвижский замок был сдан «российским войскам по заложении первых батарей», без труда был взят и город. Как отмечали русские офицеры, укрепления в Несвиже были в плохом состоянии. Однако стратегическое значение Несвижа «на вершине реки Неман» учитывалось, как и достоинства замковой фортификации: «...Замок может учинить изрядное сопротивление, ежели оной защищаться будет довольным числом храброго войска».

В Несвиже сохранились только одни городские ворота — Слуцкие, перестроенные в 1700 г. Они представляют собой тип массивных безбашенных брам с удлиненной (10,3 м) проезжей частью, которые были широко распространены в Беларуси со второй половины XVII в. Рельеф декора эффектно подчеркивает массивность этого древнего сооружения.

Укрепления средневекового Слуцка

Укрепления Слуцка вплоть до конца XVIII в. считались одними из лучших в Великом княжестве Литовском. Слуцк возник на берегах реки Случь в XI—XII вв. Со временем он превратился в поселение с мощной системой городской обороны. Уже в 1409 г. упоминается Верхний замок с деревянными

стенами и башнями, который стоял при впадении ручья Бычок в Случь. Водяной ров отделял укрепленный детинец — Верхний замок от Нижнего замка и городского посада, быстро разраставшегося под стенами цитадели. В 1444 г. Слуцк получил магдебургское право, что способствовало его быстрому экономическому развитию.

История средневекового Слуцка весьма интересна. До 1791 г. город был центром единственного в Великом княжестве Литовском удельного Слуцкого княжества. С 1395 г. по 1612 г. им владели князья Олельковичи, а затем Радзивиллы.

В начале XVI в. Слуцк неоднократно становился объектом нападений крымских татар. Летом 1502 слуцкое ополчение дважды отражало набеги неприятеля, вначале разгромив один из татарских загонов на р. Уша, за Бобруйском, а затем выдержав осаду шеститысячного войска. В 1503 г. большой отряд татар был отброшен от Слуцка за Припять. В августе 1505 г. войско крымского царевича Бити-Гирея снова оказалось под стенами города, жители которого уже были предупреждены об этом и подготовились к защите. Татары делали подкопы, пробовали взорвать укрепления и поджечь город, но осажденные мужественно сопротивлялись. В летописи отмечено: «И хотяху татаре взяти Слуцк и не могоша, биша бо их из града крепко».

В 1506 г. царевичи Бити-Гирей и Бурнаш вновь осадили город, оборону которого возглавила вдовая княжна Анастасия. Татары не раз ходили на штурм, «подметы чынечи и огонь подкладаючы», однако вынуждены были отступить, понеся большие потери. Затем они были разбиты под Клецком.

В 1508 г. недалеко от Слуцка был разгромлен один из загонов татар. Последний раз они подступили к стенам города в 1521 г. Дважды город безуспешно осаждало войско мятежного князя М. Глинского. Штурмы чередовались с попытками поджечь укрепления. Однако защитники города мужественно отразили все атаки противника.

В конце XVI в. Слуцк был довольно большим городом с развитыми ремеслами и торговлей. Он имел надежную систему обороны. Мощные укрепления находились в древней части города, в так называемом Старом Слуцке с его Верхним (Горным) и Нижним (Дольным) замками. Кварталы Старого города были обнесены мощным земляным валом с бастионами, которые появились здесь в последней четверти XVI в.

Вторая часть города располагалась на левом берегу реки Случь. В XVI в. она называлась Новым Слуцком, или Новым местом. Здесь также была линия бастионных укреплений с оборонительным рвом, куда входил Новый замок, возведенный еще во времена князей Олельковичей. Кольцо укреплений вокруг Старого и Нового Слуцка прерывалось лишь рекой Случь, воды которой наполняли ров перед земляным валом.

За пределами укреплений находились предградья: с северо-востока — Остров, с юга—Тройчаны.

Московский дьяк Трифон Коробейников, который проезжал через Слуцк в 1593 г., записал, что «около городка острог на городовое дело, а у града в воротех и у острогу стоят воротники и стрельцы с ружьем, а в острог иноземцев, не сказав, не пустят».

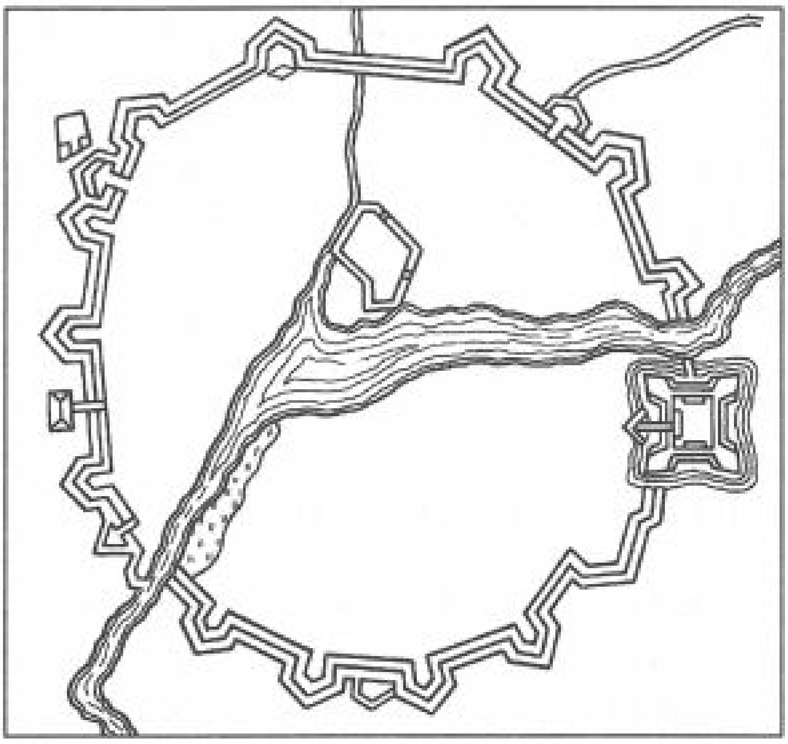
В городе было много огнестрельного оружия. Оно досталось в 1595 г. казакам отряда Северина Наливайко, которые захватили город и увезли с собой «12 лучших пушек из замка, 80 гаковниц и 700 рушниц». Кроме того, Наливайко приказал собрать «для него 5000 коп грошей литовских», т. е. около 384 кг серебра.

В 1612 г. Слуцк перешел к Радзивиллам, которые владели им с небольшим перерывом (1695—1744 гг.) до начала XIX в. В первой половине XVII в. в городе был комплекс первоклассных укреплений. Благодаря наличию вооруженных формирований горожан и сильному гарнизону из обученных наемников (венгров, немцев, шведов и поляков) и солдат-пехотинцев, набранных из крестьян, «вольных людей», мелкой шляхты, он стяжал себе славу «неприступного бастиона».

Инвентари XVII—XVIII вв. дают возможность представить структуру городских укреплений того времени. Средневековый Горный, или Верхний, замок занимал округлое в плане возвышение площадью около 1,5 га. Он был окружен и защищен водами Случи и ручья Бычок, наполнявшими оборонительный ров. На территорию замка можно было попасть по мосту через высокую четырехъярусную «браму». Деревянные укрепления Верхнего замка, стоявшие на земляном валу, возвышались над городом и над всей околицей. Это позволяло горожанам успешно отражать атаки противника.

Дольный (Нижний) замок отделялся от Верхнего рвом и имел форму неправильного многоугольника, укрепленного валом с деревянными оборонительными конструкциями. Характерно, что оба замка никогда не имели бастионных сооружений. Здесь была сохранена старая структура планировки и возведены деревоземляные защитные конструкции. Благодаря плотинам на Случи оба замка были окружены водой и представляли собой серьезное препятствие на пути противника.

Защитной линией Старого Слуцка был громадный земляной вал, который дугой охватывал старую часть города с востока, севера и запада и упирался своими концами в Случь. Здесь было 12 бастионов различной конфигурации и размеров. Перед земляной насыпью находился ров, его наполняли водой из реки и ручья. В Старый Слуцк можно было войти через три «брамы, вымурованные в валу»,— Островскую, Ильинскую (позднее

План Слуцка

Виленскую и Копыльскую. С помощью документов установлено, что городской вал имел в основании ширину не менее 36,6 м, а высоту порядка 8 м. Копыльские и Ильинские ворота были одного размера в основании — 25,6 × 36,6 м, а Островские — вдвое меньше (9,15 × 15,25 м). Войти в них можно было по подъемному мосту, переброшенному через ров.

Центром обороны левобережного Слуцка (Нового места) с конца XVI в. стал Новый замок. В плане он имел форму квадрата с четырьмя бастионами и одним равелином. На каждом бастионе стояла башня. Наличие таких башен не характерно для западноевропейской бастионной фортификации. Это особенность местного военного зодчества. Новый замок был окружен широким рвом, который соединялся с рекой Случь водяным шлюзом. Пройти цитадель было довольно сложно: приходилось преодолевать мост и ворота, расположенные перед главным входом в Новый замок. Затем по мосту через основной водяной ров попадали в двухэтажную «замковую браму».

Кварталы Нового места были обнесены валом. Здесь возвели семь бастионов и Новомейскую деревянную башню с воротами. Перед валом находился ров, через который был сооружен подъемный мост. Общая длина городских укреплений Слуцка в конце XVIII в. достигала около 3 км 840 м.

Как и в других городах Беларуси, в Слуцке было мещанское ополчение. В XVII в. оно состояло из четырех полков, которые формировались по месту жительства. Полки делились на сотни и десятки. У них был свой командный состав в лице полковников, сотников, подсотников и десятников, которых назначал магистрат. Слуцкие ополченцы обязаны были иметь ручницы, мушкеты, пистолеты, сабли, бердыши, палаши, вилы. У некоторых огнестрельного оружия не было. В

случае тревоги они должны были принести пять камней величиной с кулак.

Мещане ходили с оружием даже в мирное время. После войны с Русским царством середины XVII в. это запретили. Рескриптом 1661 г. князь Богуслав Радзивилл обязал хранить мушкеты, снаряжение и боеприпасы в специальном городском цейхгаузе. Было сказано, что оружие мещан не станут использовать для нужд гарнизона замка. Уставы ремесленных полков также запрещали приходить с оружием на сходы цехов. Это записано в 1662 г. в уставе слуцкого цеха скорняков, а в 1664 г. — в уставе цехов чулочников, шорников и сидельников, кузнецов и ткачей.

Городским властям Слуцка Радзивиллы предписывали регулярно проводить стрельбы, военные учения и парады. Для «муштры» отводилось особое место. Одной из форм поддержания военной дисциплины в мирное время были «пописы» членов городских ополчений. Мужское население должно было построиться на площади перед Новым замком, имея при себе исправное оружие и должное снаряжение. Владелец неисправного оружия согласно уставу 1621 г. платил штраф 4 копы грошей. «Пописы» в Слуцке проводились в декабре в течение 3 дней в присутствии старосты, коменданта замка и войта. В военное время на «попис» должны были являться не только местные жители, но и приезжие люди со своими слугами независимо от их подданства и веры. В составе городского ополчения с 1621 г. до середины XVII в. находился отряд кавалерии, который состоял из зажиточных горожан (купцов, цехмистров, сотников).

Такие смотры обычно заканчивались стрелковыми состязаниями. Три лучших стрелка в качестве награды получали на год освобождение от всех городских повинностей, кроме военной. Практиковались также ежемесячные стрельбы. Владелец города выделял из казны три премии: за первое место полагался мушкет, за второе — сабля, за третье — пика. С 60-х гг. XVII в. по распоряжению Б. Радзивилла мещанам разрешалось в начале лета каждое воскресенье и по праздникам стрелять в цель. Победителей награждали подарками.

Кроме городского ополчения в Слуцке были отряды «городских выбранцев». Они состояли из мещан, которые несли постоянную военную службу, но не оставляли своих занятий ремеслом и торговлей. Это было особое воинское формирование, не входившее в состав гарнизона магнатских войск, подчинявшееся магистрату. Среди «городских выбранцев» были люди разных профессий, а также городская беднота, не имевшая собственного дома. В отличие от остальных горожан выбранцев регулярно муштровал профессиональный военный — поручик. В Слуцке во второй половине XVII в. таких солдат было 100—130 человек. Вооружены они были главным обра-

зом мушкетами. Городское ополчение выступало под общим знаменем — хоругвой магистрата. Однако свои знамена (стяги и флажки) имел каждый полк. Были там трубачи и барабанщики.

В XVII в. в Слуцке изготавливали практически все виды холодного и огнестрельного оружия. Здесь были «пушкарный двор — людвисарня», где отливали пушки, а также пороховая мастерская. В 1620 г. в городе насчитывалось 26 пушек, 130 гаковниц, 83 ручницы (не считая 150 ручниц, которые раздали выбранцам и отряду пехоты); в 1661 г.— 46 пушек разного калибра, более 530 ружей и мушкетов и 760 единиц холодного оружия; в 1746 г.— 66 пушек, а в 1760 г.— 29 медных и 25 железных орудий, 12 мортир, 100 единиц ручного огнестрельного оружия.

В Слуцке действовали четко разработанные правила проведения военно-фортификационных строительных и ремонтных работ. Для этого собирали особый денежный налог и привлекали все податное население. Работы, как правило, начинались в начале мая и продолжались до поздней осени. Магистрат заботился о том, чтобы на проведение этих работ хватило средств. Военно-строительные работы в городе возглавлял валмейстер. За ходом их выполнения следила строительная комиссия магистрата, состоявшая из трех человек. Это был компетентный орган по архитектурному и строительному надзору, следивший за выполнением графика строительства укреплений, мостов, плотин, качеством строительства («чтобы месту шкоды не было»), правильным расходованием средств.

Вначале все мужское население города принимало участие в строительно-ремонтных работах на городских укреплениях. Затем горожане получили право откупиться, заплатив магистрату 3 злотых за неделю работы. Были здесь и постоянные землекопы и плотники, получавшие еженедельно плату. Мастеру платили 4 злотых, плотнику — 3, «копачу» — 2 злотых. В 60—70-е гг. XVII в. этими работами руководил «валмейстер Иван», ежемесячно получавший 6 злотых. За состоянием укреплений валмейстеру помогали следить два «дозорцы» в Старом и Новом городе, которые были обязаны не менее одного раза в неделю осматривать валы, брамы и докладывать «будовничему» об их состоянии.

Свою часть работ по укреплению фортификационных сооружений города выполняла и волость. В частности, в ее ведении находился ремонт моста через Бычок и земляные валы с парканом в виде городней. Город и волость строго придерживались «старины», выполняя свою часть фортификационных работ. Нарушения здесь не допускались.

Досмотр укреплений и их ремонт в Слуцке осуществлялись практически круглый год. Поскольку рвы, наполненные водой,

считались серьезным препятствием для противника, за их состоянием следили даже зимой. Как только начинался ледостав, магистрат ежедневно выделял людей, которые «лед секли около Новой фортеции» и в разных местах Старого и Нового города.

Постепенно сами жители, объединенные в сотни, все реже стали принимать участие в военно-фортификационных работах, предпочитая вместо этого вносить деньги. Магистрат нанимал квалифицированных «цеслей-дойлидов, копачей, муралей». Кроме них «на вал» отправляли всех нарушителей закона внутригородской и внутрицеховой жизни. Так, в 1666 г. ремесленники, не выполнившие в срок заказы, были наказаны «валовой работой на срок просрочки выполнения заказа». Ремесленника, взявшего задаток и не выполнившего заказ, наказывали месячной работой «на валу». «На валу» возили землю воры, а также мещане, которые не могли выплатить «подымное». Долг погашался за счет ежедневного заработка, поскольку штрафникам платили в день по 12 грошей. Часто к «городовой работе» привлекали даже нищих. Для этого по согласованию со «старостой калецким» выдавали калекам особые знаки — «пешки», освобождавшие их от работы, а остальных отправляли «на вал».

Хорошо отлаженная система обороны Слуцка не раз играла свою роль в ходе военных действий в XVII—XVIII вв. Так, в августе 1648 г. отряд украинских казаков не смог взять штурмом городские укрепления. В сентябре 1655 г. город безуспешно пыталось захватить 20-тысячное войско русского воеводы А. Н. Трубецкого.

Еще в 1800 г. русские офицеры, которые составляли топографическое описание Слуцка, отмечали, что город очень хорошо укреплен. Однако с годами укрепления Слуцка потеряли свое значение и постепенно пришли в упадок.

Быховские укрепления

В письменных источниках поселение под названием «Двор Быхов» впервые упоминается в грамоте князя Дмитра Семеновича 31 мая 1393 г. В 1430 г. поселение находилось во владении князя Свидригайло, затем перешло в руки князей Гаштольдов. После угасания этого рода в 1542 г. Быхов оказался у могущественных магнатов Ходкевичей, которым он принадлежал до 1625 г., а затем перешел по наследству к Сапегам.

Поселение Быхов возникло на правом берегу Днепра недалеко от слияния с ним речушки Мокранки. В 1590 г. владелец Быхова Ян Ходкевич, который был гетманом Великого княжества Литовского, получил от короля разрешение на возведение здесь каменных замковых укреплений, сменивших деревянные.

При Карле Ходкевиче в 1610—1619 гг. строительство продолжилось и завершилось при Льве Сапеге, когда поселение получило мощную бастионную фортификацию. Громадный 800-метровый вал с бастионами, равелинами и рвом в виде полукруга надежно защищал Быхов и принес ему славу неприступной цитадели. Поселение было продуманно спланировано и разделено на кварталы взаимно перпендикулярными улицами. В центре его была торговая площадь.

Основой обороны Быхова был дворцово-замковый ансамбль, который возвели в начале XVII в., а затем не раз перестраивали. Он занимал участок берегового плато в виде неправильного прямоугольника размером 77 × 100 м. С востока его защищал Днепр, с других сторон — глубокие и широкие (22—27 м) оборонительные рвы. Отделенный от города рвом и подъемным мостом, обнесенный земляным валом с бастионами, замок представлял собой компактный комплекс жилых и хозяйственных построек, стоявших по периметру замкового двора. С западной стороны располагались три каменные башни: угловые восьмигранные двухъярусные, имевшие по семь-восемь бойниц, и въездные ворота. Они были двухъярусные, со сводчатым перекрытием, с круглым куполом («галкой») и флюгером в виде герба Сапегов. Двустворчатые полотнища ворот дополнительно защищались решеткой (герсой) и имели систему железных запоров. Сюда можно было попасть, пройдя по деревянному мосту, в середине которого была решетка («крата из дерева столярской работы»). На оси замкового въезда стоял дворец. Его верх занимали покои и столовая, а внизу находились подвалы. На замковом дворе была «студня».

Жители Быхова и волости были объединены в десятки и сотни, вооружены холодным и огнестрельным оружием, имели свои знамена (хоругви, бубны и трубы), регулярно становились на «полис» перед местным управляющим, которого называли губернатором. Традиции «полиса» соблюдались «водлуг давнего звычаю».

Все жители города занимались фортификационно-строительной работой: с весны до поздней осени они бесплатно ремонтировали и насыпали заново валы, чистили и углубляли рвы под присмотром местного губернатора. Крестьяне Быховской волости, закончив сеять яровые, были обязаны «водлуг давней повинности своей валовую работу исполнять по приказу пана губернатора». Осенью они продолжали эту работу до заморозков. Городской оборонительный вал Быхова достигал в высоту 7—8 м, а ширина его в основании равнялась 30 м. Почти такие же размеры имел и оборонительный ров.

Попасть в город можно было через каменные ворота — Подольные (Дольные), выводившие к берегу Днепра, Могилевские, находившиеся в северной части, и Рогачевские (Новобыховские) — в южной части, которые открывали путь к другим

городам Белорусского Поднепровья. Через оборонительный ров перед Могилевскими и Рогачевскими воротами были построены мосты.

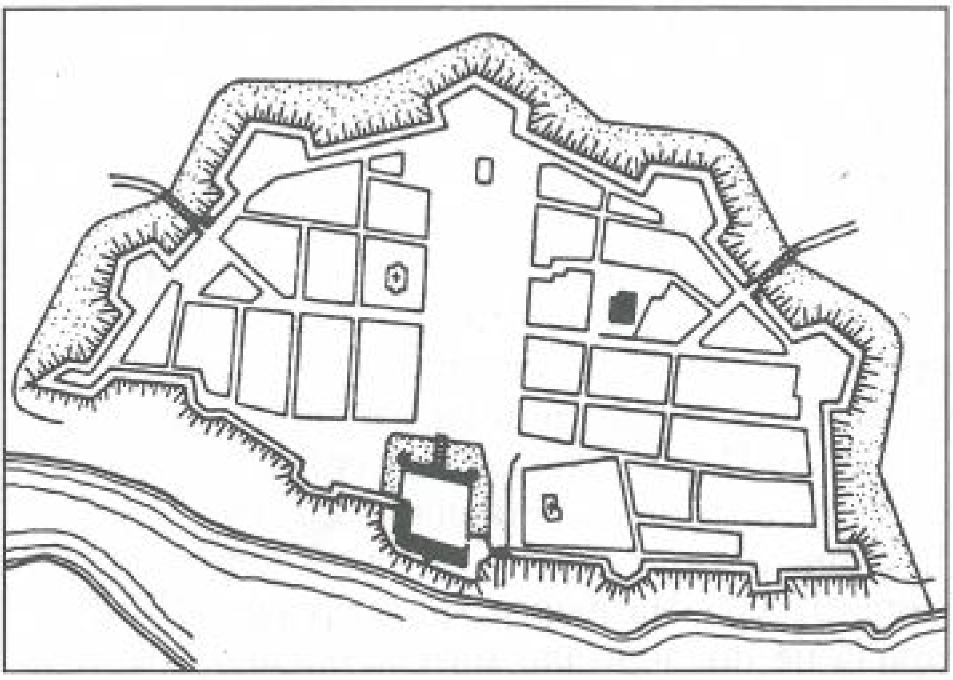
С севера на подступах к замку мощным узлом обороны был костел, обнесенный каменной оградой с небольшими угловыми башенками. Недалеко от него находилась приспособленная к обороне инкастеллированная синагога. Прямоугольная в плане, с толстыми, почти двухметровыми стенами, круглой угловой башней, круглыми и прямоугольными бойницами в аттиковой части, она закрывала выход из прилегавших улиц северо-западной части города и была дополнительным препятствием на пути противника.

Ополчение Быхова в XVI—XVII вв. было вооружено первоклассным оружием. В документах XVI в. упоминаются ручницы, гаковницы, пулгаки, сагайдаки (луки со стрелами), копья, кольчатые панцири. В городе и замке всегда было значительное количество артиллерии и боеприпасов (порох, свинец, селитра, железо). При Сапегах в Быхове существовал собственный литейный пушкарский двор. Здесь мастера «людвисары» (литейщики) отливали пушки различного калибра и типа: дробовые пушки («шротовницы»), мортиры («мордеры»), многоствольные «органы» — прототипы современных многоствольных орудийных установок. Здесь же делали ядра, гранаты артиллерийские и ручные.

По сведениям за 1682 г., гранаты были не только железные, деревянные («точеные»), но и стеклянные, осколки их наносили страшные раны. Кроме аркебузов, мушкетов и пистолетов местные оружейники еще в XVII в. делали традиционные виды оружия — боевые цепы, пики, топоры, косы, «просто насаженные», которыми была вооружена часть городских и сельских ополченцев. Документы свидетельствуют о том, что быховских литейщиков приглашали для работы в соседние города. В частности, в 1697 г. мастера Юрко и Миколай отливали большую пушку в Могилеве.

Быховские пушки были различного калибра. Их ядра весили от 1 до 100 фунтов. Еще в 1912 г. десять пушек быховской отливки стояли в городе, четыре из них были около костела, а шесть — в замке у стен дворца. Затем их следы затерялись.

Быхов, который находился недалеко от тревожного порубежья, беспокойной казачьей Украины, неоднократно переживал военные потрясения. Однако покорить сильно укрепленное и хорошо вооруженный город было довольно трудно. Известно, что лишь в 1590 г. «низовые казаки» донского гетмана Матюши Федоровича захватили «место Быховское, наехавши гвалтовне...». В 1648 г. восставшие украинские казаки и местные крестьяне во главе с Ф. Гаркушей не смогли взять ни города, ни замка.

План Быхова XVIII в.

Быховский замок XVI–XVII вв. Современный вид со стороны р. Днепр

Во время войны с Русским царством середины IXVII в. Быхов был камнем преткновения для обеих воюющих сторон. С августа 1654 г. его в течение 18 месяцев безуспешно осаждали украинские казаки под командованием И. Золотаренко и войска князя А. Н. Трубецкого. Когда Золотаренко был убит, в городе разместились украинские казаки И. Нечая, который в 1658 г. изменил русскому царю и перешел на сторону польского короля.

С мая по декабрь 1659 г. Быхов снова оказался в осаде. Он был взят 4 декабря в результате ночного штурма войсками князя Лобанова-Ростовского. Ему удалось склонить к капитуляции коменданта замка немца Шульца. В ходе осады город и замок сильно пострадали, особенно замок, где был взорван военный арсенал. Однако уже в 1660 г. царские войска сами оказались в осаде и в декабре 1661 г. сдались гетману Чарнецкому.

В годы Северной войны на Быхов обрушились новые беды. Его владелец К. Сапега перешел на сторону Карла XII. В результате союзное войско короля Августа II и Петра I дважды подвергло город осаде. В 1701 г. неприятель достиг успеха благодаря громадной пушке, привезенной из Могилева. На один заряд расходовалось три пуда пороха. Город был сдан, правда, за мещанами сохранились все вольности и привилегии.

Спустя некоторое время генерал Синицкий, который руководил осадой, перешел на сторону противника, сделав Быхов своим главным опорным пунктом. После того как его солдаты ограбили русскую армейскую казну, которую доставляли к месту дислокации войск Петра I, царь двинул против сильно укрепленного Быхова своих генералов Боура, Чамберса, Фонвердена и Волхонского. Население города не поддержало мятеж, однако под угрозой суровых репрессий было вынуждено занять боевые позиции. Синицкий не смог удержать город и капитулировал. В результате быховская артиллерия, доставленная Синицким из Могилева, была отправлена в Киев. В городе в течение семи с лишним лет находился русский гарнизон. При отступлении были приведены в негодность брамы, взорваны бастионы.

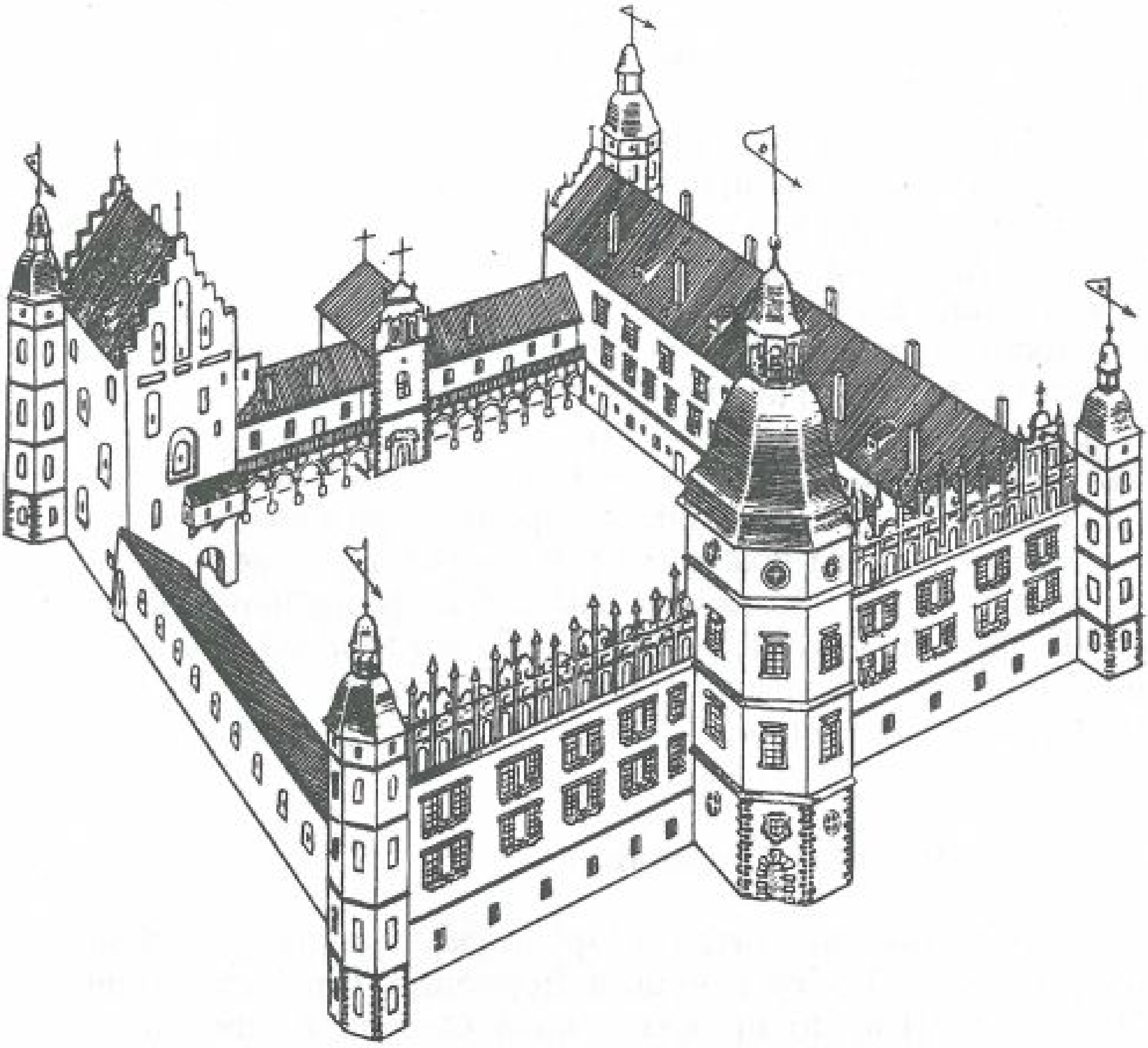
Спустя некоторое время Сапеги восстановили городские укрепления, артиллерийский парк пополнился новыми орудиями. По сведениям за 1751 г., здесь насчитывалось 20 пушек, было мещанское и шляхетское ополчение. В замке в 1757 г. находился гарнизон из 50 «жолнеров», одного капрала, двух ефрейторов и барабанщика. Это были местные жители из Старого и Нового Быхова, служившие на условиях пользования земельными наделами.

После присоединения Восточной Беларуси к Российской империи Быхов утратил свое стратегическое значение, а его укрепления с течением времени пришли в упадок.

Гольшанский замок

Поселение Гольшаны с его деревянным замком, известное с XIII в., возникло на высокой горе над рекой Корабль на северо-востоке от современных Гольшан. Князья Гольшанские владели замком до 1525 г. После того как княжна Елена Гольшанская вышла замуж за Павла Сапегу, он перешел к Сапегам, резиденция которых была перенесена на берег речки Лусты (Жиганки).

Гольшанский каменный замок был возведен в первой половине XVII в. Своей композицией он отдаленно напоминает Мирский замок и представляет собой прямоугольное здание (88,6 × 95,6 м). Жилые корпуса с башнями на углах образуют, как в Мире, замкнутый квадратный двор. В Гольшанах уже нет воротной башни, а угловые шестигранные стали мень-

Гольшанский замок в первой половине XVII в. Реконструкция Д. Бубновского

шего размера. В них в основном находились жилые и хозяйственные помещения. Основой обороны замка стали мощные земляные валы и рвы, наполненные водой. Проезд в замок находился по центру одного из зданий, фасад которого отличался монументальной простотой. Арочный портал был обрамлен архивольтом. Напротив въезда на противоположной стороне двора находилась небольшая каплица, встроенная в жилое здание.

Композиция внешнего фасада Гольшанского замка напоминает некоторые голландские замки под Антверпеном. Такое сходство объясняется тем, что Беларусь, находясь в составе Речи Посполитой, ощущала достаточно мощное влияние голландско-фламандской архитектуры. Это результат оживленных культурных и торговых связей со странами Западной Европы. С конца XVI в. до начала XVIII в. на землях Речи Посполитой резиденции магнатов строились с анфиладной планировкой помещений, аркадными галереями и угловыми башнями. По такому принципу, в частности, построены в конце XVI — начале XVII в. польские замки Баранов, Красичин, Суха.

Многое из того, что было в Гольшанах, разрушено и навсегда утрачено. Можно только утверждать, что справа от входа находилась большая квадратная зала с четырьмя колоннами, на которые опирались крестовые своды. Когда-то эти стены украшали портреты представителей рода Сапегов, живописные полотна и оружие. В окнах, выходивших в замковый двор, были витражи из толстого стекла. Каменные плиты пола гармонировали с роскошными коврами, креслами, мраморными столиками, бронзовыми подсвечниками. Небольшие комнатки в башнях были украшены богатой лепкой.

Стены других залов и жилых покоев замка, колонны и оконные проемы украшали росписи. Под замком находились громадные сводчатые подвалы. Современники считали Гольшанский замок самым красивым в Беларуси и Литве.

В годы Северной войны замок был разрушен шведами. В 1880 г. его последний хозяин Горбанев взорвал башни и стены, а кирпич использовал для строительства корчмы. Частично уцелели две башни и восточное крыло дворца.

Замок в Смольянах

Этот замок находится в Оршанском районе у д. Смольяны на левом берегу речушки Дерновки. Он был возведен в 20-е гг. XVII в. по приказу князя Семена Андреевича Сангушко. Традиции местного зодчества повлияли на выбор строительного материала и на планово-композиционное размещение зданий замка, благодаря чему свет равномерно попадал во все покои и залы.

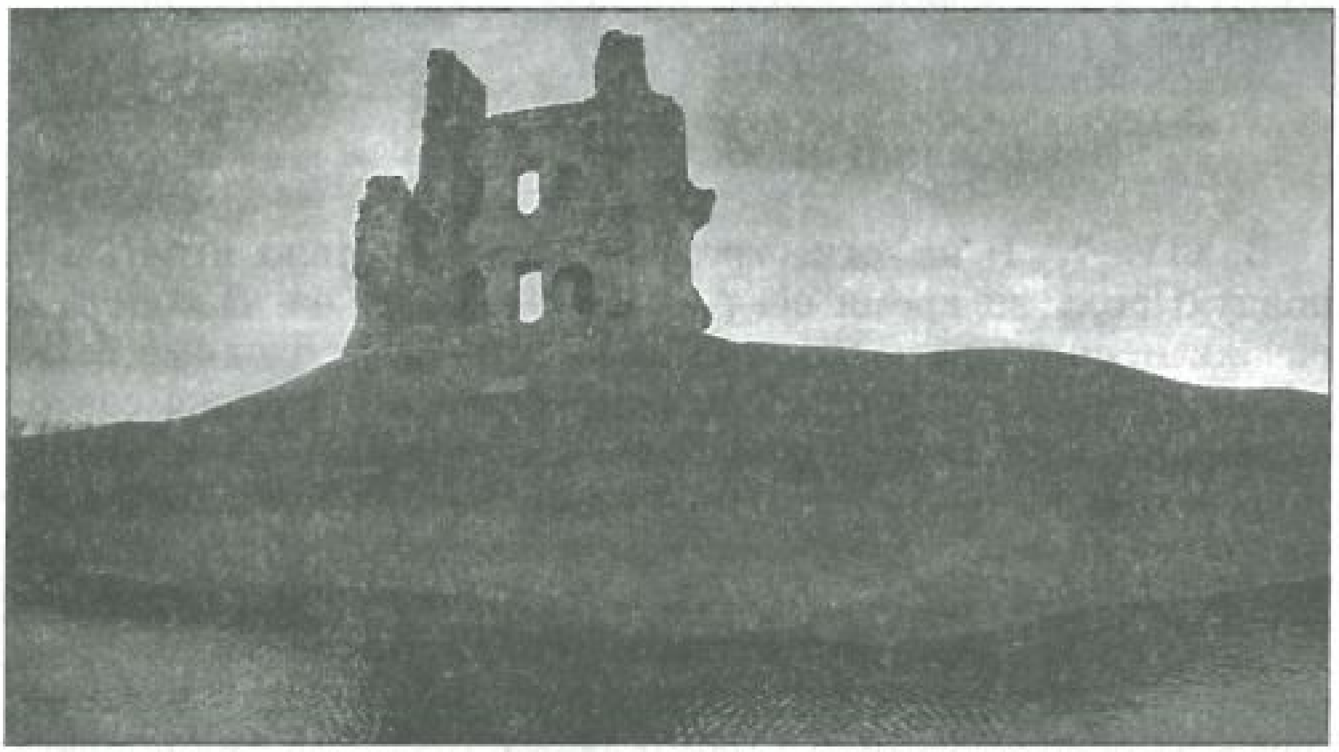
Замок в Смольянах считался обычным для Беларуси сооружением, которое было прямоугольным в плане. Внутренние корпуса замка были трехэтажными. Поперечные перегородки разделяли их на отдельные помещения с большими оконными проемами, что свидетельствует о великосветском характере здания. Здесь были традиционные по тем временам прочные ворота, угловые башни, которые тогда выполняли роль обычных жилых помещений, о чем свидетельствуют большие окна.

Высотной доминантой замка в Смольянах была пятиэтажная башня, которая стояла недалеко от ворот. Пятиугольная в плане, она, как и остальные башни, выделялась утонченным рельефным декором, который мягко контрастировал с гладкой поверхностью стен. Орнамент оконных проемов свидетельствует о стилистической связи с западноевропейским искусством.

В мотивах сложного ренессансного обрамления замка прослеживается голландское влияние. Внутреннее его оформление из-за сильного разрушения представить довольно сложно. Внутри уцелевшей башни видны остатки витой лестницы, ароч-

Руины замка в Смольянах. Акварель И. Пешки. Конец XVIII в.

Замок в Смольянах. Современный вид

ного перехода из главного корпуса в башню, детали каминов, многочисленные ниши различных размеров. Известно, что на склоне лет хозяин замка князь С. А. Сангушко приказал расписать стены картинами на религиозные сюжеты.

Находясь недалеко от восточных рубежей Великого княжества Литовского, замок не раз переживал лихие времена. Не обошли его война с Русским царством середины XVII в. и Северная война. В 1708 г. в Смольянах было разбито войско шведского генерала Канифера, а сам он попал в плен. Отступавшие войска Петра I частично взорвали замок, чтобы не оставлять его шведскому королю Карлу XII.

Из инвентарных описаний 1739 и 1742 гг., когда здесь властвовал маршалок Великого княжества Литовского Павел Любартович Сангушко, следует, что «замок, мурованный на копцы», был вокруг «водою облит». Перед ним находился пруд («став»), был построен мост. Ворота из добротных сосновых досок были окованы железными рейками. Войдя во двор, слева можно было увидеть склеп. В жилых покоях стояли печи из белого кафеля с гербом. В замке жили только хозяева и прислуга. Подсобные помещения («двор») находились за прудом.

Интересно выглядело и местечко Смольяны, в частности его центр. Посреди «места» стояла ратуша, на куполе которой был установлен флюгер с государственным гербом, «позолоченным малярским золотом». Около ратуши стояла двухэтажная весовая («важница») с высоким крыльцом. Здесь начинались ряды торговых лавок («крам») и дома местных жителей с хозяйственными постройками и огородами.

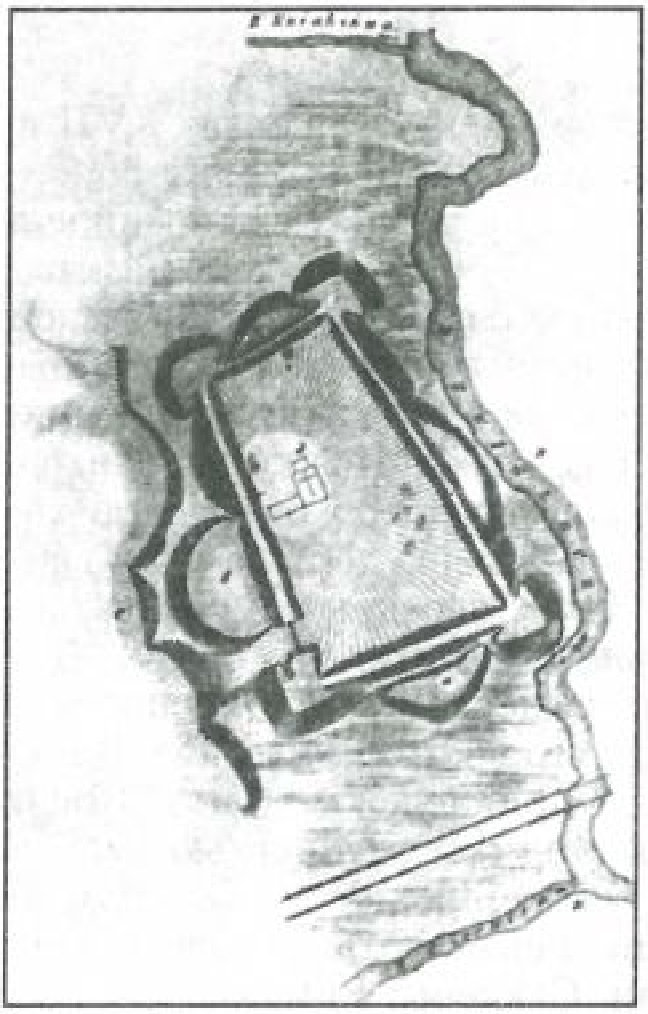
Упадок и разрушение замка в Смольянах начались в конце XVIII в., а в середине XIX в. он был полностью разрушен.

Заславский замок

В XIV—XVII вв. огнестрельное оружие стало играть основную роль во время осады городов и замков. В ходе боя начали использовать артиллерию, поэтому необходимо было увеличивать толщину стен и диаметр башен, а также совершенствовать систему укреплений. В конце XV в. фортификаторы изобрели бастионы, которые произвели настоящую революцию в системе обороны. Они впервые появились в Италии в конце XV в.

В XVI—XVII вв. бастионная система укреплений быстро распространилась в Европе, в том числе в Беларуси и Литве. Здесь на основе местных строительных традиций она получила новую интерпретацию. Одним из первых бастионных сооружений в Беларуси можно считать замок князей Глебовичей в Заславле. Он находился севернее города на пригорке и занимал площадь 200 × 100 м. Четырехугольный в плане, замок был отделен от «места» широким и глубоким рвом, наполненным водой. Система прудов на речке Княгинька значительно повышала уровень воды и фактически превращала замок в островное укрепление.

Исследователи XIX в. К. Тышкевич и Р. Игнатьев, которые детально изучили в свое время эти укрепления, отмечали, что бастионы и куртины Заславского замка были облицованы камнем и кирпичом, куртины имели промежуточные бастионы. Это хорошо видно на плане замка, который был снят в

План Заславского замка. Рисунок К. Тышкевича

Преображенская церковь в Заславле. Современный вид

1840 г. К. Тышкевичем. В 70-е гг. XIX в. Р. Игнатьев отметил, что дополнительные бастионы местные жители разобрали на строительные нужды. На некоторых участках вала тогда еще существовали остатки каменных стен (скорее всего каменного бруствера), которые примыкали к бастионам.

Около юго-восточного бастиона находились традиционные для Беларуси двухэтажные въездные ворота. Толщина их стен достигала 2 м. Ворота закрывались сдвоенными створками на въезде и выезде, хорошо фланкировались с углового бастиона. Под ними находилась тюрьма в виде длинного каменного тоннеля. С «местом» замок соединялся деревянным мостом, последний пролет которого, очевидно, поднимался специальным воротом. Таким образом, Заславский замок является образцом староитальянской фортификационной системы укреплений. Он был возведен в середине XVI в. Наиболее вероятно, что это произошло во время княжения Ивана Глебовича, который владел Заславлем и построил здесь реформистский храм. В его 35-метровой башне, пристроенной в более поздний период, были бойницы, что повышало обороноспособность замка. Сегодня здесь находится музей народных ремесел.

Гайтюнишки

Большой интерес для изучения архитектуры начала XVII в. представляет жилой дом феодала в д. Гайтюнишки Вороновского района Гродненской области. Это здание, построенное в виде миниатюрного замка размером 15 × 34 м, имеет на каждом углу небольшую оборонительную башню цилиндрической формы. Стены башен прорезают циркульные окна-бойницы. Дом двухэтажный, и только центральная его часть в виде прямоугольной башни трехэтажная. Здесь находится главный вход. Первый этаж здания занимали различные службы. Покои хозяев размещались на верхних этажах. Стены дома-замка в Гайтюнишках достигают в толщину 1,5 м, перекрытия сводчатые, на фасадах почти нет архитектурного декора.

Этот небольшой замок был возведен в 1613 г. по проекту голландского инженера Петра Нонхарта, который ведал в Вильне королевскими зданиями. Ему и принадлежал замок. После смерти Нонхарта в 1633 г. замок стал собственностью художника Шреттера. При нем стены некоторых покоев были украшены картинами, изображавшими сцены охоты. В разные времена замком владели Хрептовичи, Саккены, Римши.

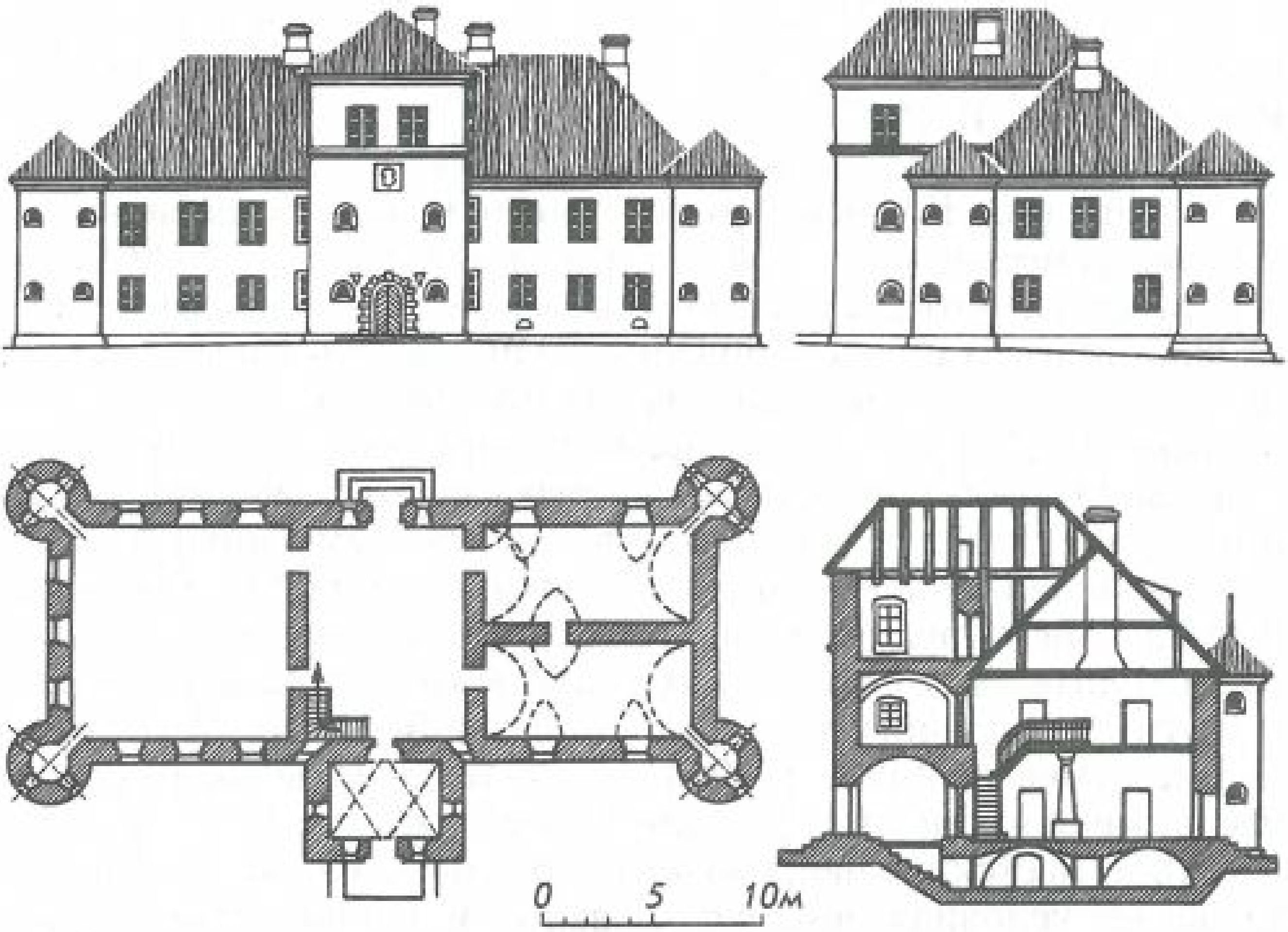
В 1633 г. рядом с замком была построена семейная усыпальница Нонхартов в стиле барокко.

Укрепления средневековой Копыси

Комплекс укреплений Копыси XIV—XVIII вв. унаследовал фортификацию детинца древнего города (1059 г.). Он включал в себя также линию обороны «места», разросшегося вдоль левого берега Днепра. Военно-административным центром города был замок, стоявший на возвышенной части берега. Городище занимало площадь около 0,5 га. В результате военно-строительных работ конфигурация его укреплений подверглась значительным изменениям. Реки Страшевка и Сморковка, которые впадают в Днепр, протекали по территории города с северо-востока и востока и огибали замок с двух сторон. Благодаря системе плотин на подступах к городским укреплениям с востока и северо-востока возникли искусственные водоемы, защищавшие замок с юга, востока и северо-востока.

Городской вал высотой до 5 м возвели в начале XII в. Затем его несколько расширили, а в высоту он увеличился на 2 м. По мнению Э. М. Загорульского, эта реконструкция была проведена в первой половине XVII в.

Со второй половины XIV в., когда Копысь вошла в состав Великого княжества Литовского, город, стоявший на перекрестке водных и сухопутных путей, часто оказывался в сфере во-

План замка в Гайтюнишках

Замок в Гайтюнишках. Современный вид

енных действий. В 1535 г. войска русского воеводы Шуйского выжгли окрестности вокруг Копыси и других городов Белорусского Поднепровья. В 1562 г. во время Ливонской войны город «опановали» русские войска, «за тое же помочь давали Инфлянтам». В 1580 г. «...Москва, то ест Серебряный з немалым войском, Копыс велми выпустошили», однако город вновь был занят войском Великого княжества Литовского.

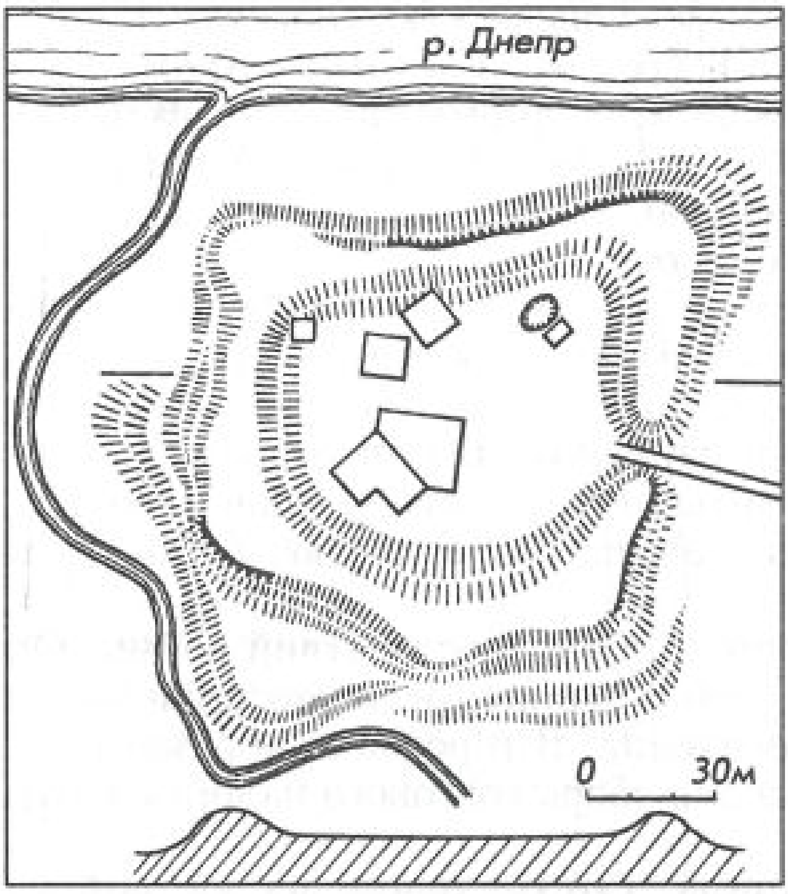
До XVI в. Копысь была великокняжеским владением. Затем город перешел в руки князей Острожских, а в 1594 г.— Радзивиллов. В 1695—1744 гг. Копысь была собственностью принцесс Нейбургских, а затем Радзивиллов.

Укрепления Копыси соответствовали «рангу» небольшого торгово-ремесленного города с населением около 2000 человек. Местные жители (мещане, крестьяне, земяне-шляхта, бояре панцирные и путные) должны были в военное время встать на защиту города, а в мирное время отбывать «сторожовщину» в замке. В 1597 г. в селе Барань по приказу князя Николая Радзивилла была организована мастерская по производству ядер и пуль для пушек и гаковниц. Работники («кульники») получили по одной волоке земли, за владение которой они обязаны были добывать руду и отливать ядра. Кроме того, они должны были ходить «до оправы замку Копыского и парканов мейских с другими подданными волости Копыской».

В документах 1597—1599 гг. были определены военно-строительные обязанности крестьян волости: «замок Копыский, як и острог местский, направовати». В одном из них говорится также об условиях землепользования и повинностях копысских пушкарей. Это видно из «привилея» пушкарю Семену Ивановичу, которому при проведении волочной померы «при месту Копыским» в селе Завей было выделено шесть волок земли. За это он «... верно и цнотливе пану свойму в замке Копыском служити мает повинность свою пушкарскую, будучи готовым до кожной потребы пушкарской замковой».

В инвентаре Копыси 1651 г. отмечено, что городские оборонительные сооружения находятся в запущенном состоянии. Здесь тогда было две башни с воротами. Определенную роль в обороне замка играл большой двухэтажный дом, «розным малеваннем помалеванный». Все строения были ограждены частоколом, который требовал ремонта. Городские «брамы» — Шкловская, Городецкая, Горская, Оршанская — открывали дорогу на Шклов, Городец, Горы и Оршу.

В ходе военных действий 13 декабря 1655 г. к городу подступило войско Великого княжества Литовского, что заставило русский гарнизон покинуть Копысь. Здесь остались лишь стольник Ф. Малыгин и приказной писарь, боявшиеся царской опалы. Горожане, опасавшиеся в свою очередь гнева владельца Копыси гетмана Радзивилла, трижды отказывались впустить сюда войско. Затем к стенам города подошел сам Радзивилл и прислал горожанам «лист с великою угрозою», требуя, чтобы город был сдан. Его приказ был выполнен. Ф. Малыгина пленили и вывезли сначала в Могилев, а затем в Польшу. Жители Копыси написали Радзивиллу «лист», в котором просили вернуть Ф. Малыгина, угрожая сжечь город и уйти в Россию. Радзивилл был вынужден удовлетворить их просьбу.

План замчища в Копыси

Позднее город вновь оказался в руках русских. Сохранились документы, в которых сказано о приказе царя вывести из обезлюдевшего города всех «лутчих людей». Затем последовал приказ воеводе Г. Г. Пушкину «... город и острог, а за городом дворец, лавки и амбары сжечь». Вероятно, что-то помешало выполнить его, так как русские войска ушли из Копыси. В октябре 1661 г. они вновь осадили город, однако так и не взяли его. Из-за военной ситуации, складывавшейся не в пользу России, война отодвинулась от Копыси на восток.

В инвентаре 1661 г. отражено реальное положение дел. Городские укрепления и «брамы» требовали ремонта. У стоявших на замковом валу избиц не было крыш. Война уничтожила 136 городских «пляцов». Барон А. Майерберг, проезжавший через Копысь в сентябре 1661 г., отмечал, что город «обнесен деревянной стеной, которая укреплена башнями, и защищен деревянным детинцем посредине высокого холма». В 1662 г. из-за опустошений город не мог выделить «стацию» на пехоту. Однако уже в следующем году была восстановлена «Горская брама», которая упоминается в инвентаре за этот год, и приведен в порядок «паркан». В 1666 г. военные действия между Русским государством и Речью Посполитой возобновились. Летом русские войска вновь заняли Копысь. Они оставили город только после подписания Андрусовского перемирия в январе 1667 г.

В 1668 г. в Копыси начались работы по реконструкции замковых укреплений и плотины, благодаря которой замковый «копец вода навколо обливала». Вокруг замка был насыпан новый земляной вал. В инвентаре 1668 г. отмечено, что в «ме-

сто» Копысь можно въехать через Оршанскую, Горскую, Шкловскую и Крупницкую (ранее Городецкая) «брамы». Кроме того, здесь было еще три «фортки», из которых две открывали выход к Днепру, а одна — в поле. Город постепенно начинал отстраиваться. Возникла «слобода» на Завалье, а затем «под парканом» и за Оршанской «брамой».

В 1670 г. продолжалась работа по переустройству укреплений замка. Здесь были 4 пушки, 22 железные гаковницы, 4 мушкета, большой запас пороха, олова, ядер, пуль. Город к тому времени был обнесен парканом. В инвентаре зафиксированы военно-строительные повинности мещан: «паркан около места водлуг давних звычаев з волостью будовать и направлять».

Лишь к 1694 г. город оправился от последствий войны. Он активно рос, появлялись новые улицы, были восстановлены городские и замковые укрепления. В городских «брамах» постоянно находилась стража для сбора торгового налога и охраны укреплений.

Началась Северная война. Отступавшие на юг войска Петра I полностью сожгли Копысь, городские и замковые укрепления, захватили весь арсенал, в том числе пушки. Копысь обезлюдела, городские и сельские «волоки пустовали», заросли лесом.

После войны оставшиеся жители «места» и волости были мобилизованы на постройку «паркана» и новых избиц, поскольку «около города того теперь целиком ничего нет», так как «паркан, вал, избицы, около места —все зруйновано». Прежде всего начали восстанавливать ворота города — Оршанскую и Шкловскую «брамы». Остальные ворота с башнями в документе не упоминаются. Из оружия в городе остались гаковницы, 26 кремневых мушкетов, которые для того времени считались новейшим оружием. Восстановление Копыси затягивалось. Крестьяне волости не могли справиться с военно-строительными работами в замке, поскольку было «голодное время и на хлеб трудное». В 1717 г. на городских укреплениях был поставлен частокол. «Парканов и избиц» не было, их пришлось сооружать заново. Все это удалось восстановить лишь к 1724 г.

В 12 инвентарях Копыси 1726—1773 гг. сообщается о том, как подновлялись и перестраивались укрепления города и замка. В целом их структура и планировка не изменились вплоть до момента включения города в состав Российской империи. В замке сохранились четыре бастиона. Замковая деревянная башня с воротами имела мощные запоры. Второй этаж (так называемая «зала»), вокруг которой была сделана круговая галерея верхнего боя, использовался для хранения огнестрельного оружия. Башня была покрыта гонтом, ее венчал флюгер («ветреник») из белой жести в виде орла.

В документах часто упоминаются Оршанская и Шкловская «брамы». Горскую, видимо, так и не восстановили. На известном плане Копыси 1772 г. хорошо видна система укреплений города. Там было три башни с воротами, по углам днепровской линии обороны — две четырехугольные башни. К Днепру выводила небольшая «фортка», открывавшая доступ к мосту.

Горы Великие

Возле деревни Горы Горецкого района Могилевской области находятся остатки двух средневековых укреплений. Поселение Городище (Курганы) располагалось у слияния рек Быстрянки (Быстрицы) и Корчевахи на береговом плато. Высота площадки над долиной рек достигает 10 м. Другое укрепление — бастионный замок, который расположен юго-восточнее Городища.

Въезд в Городище находился в его восточной части. В центральной части сохранилось небольшое возвышение диаметром около 8 м. Видимо, на этом месте стояла наблюдательная башня, которая вместе с другими деревянными сооружениями могла защищать поселение в моменты опасности. Такие башни были характерны для городов и феодальных замков Беларуси. В древности по краю Городища шел земляной вал, отрезок которого высотой до 3 м сохранился лишь с восточной стороны.

Результаты проведенных в этих местах раскопок дают основание предполагать, что тут находилось поселение городского типа, возникшее в XII в. В XII—XIII вв. здесь зародился один из древних городов Смоленской земли, который был центром волости и не попал на страницы летописей. Какие-то причины внутреннего и внешнего характера помешали его дальнейшему развитию. Около поселения Горы был возведен феодальный замок, который стал родовым гнездом князей Горских.

В летописях Горы впервые упоминаются в 1500 г. В «Хронике» М. Стрыйковского и «Хронике» Быховца о них говорится в связи с походом войск Великого княжества Литовского, предпринятым для того, чтобы помочь осажденному Смоленску. Дойдя до Гор, войско остановилось и находилось здесь всю осень. Письменных сведений XV—XVI вв. о Горах крайне мало. Горские князья были небогатыми феодалами. Это подтверждает «Реестр попису» 1528 г., согласно которому два князя Горских смогли отправить на войну только 21 всадника. В 1499 г. эта земля уже принадлежала Юревичам. В 1558 г. Горы перешли к одному из крупнейших феодалов Беларуси князю Петру Богдановичу Хрептовичу. Тогда же он продал бывшие

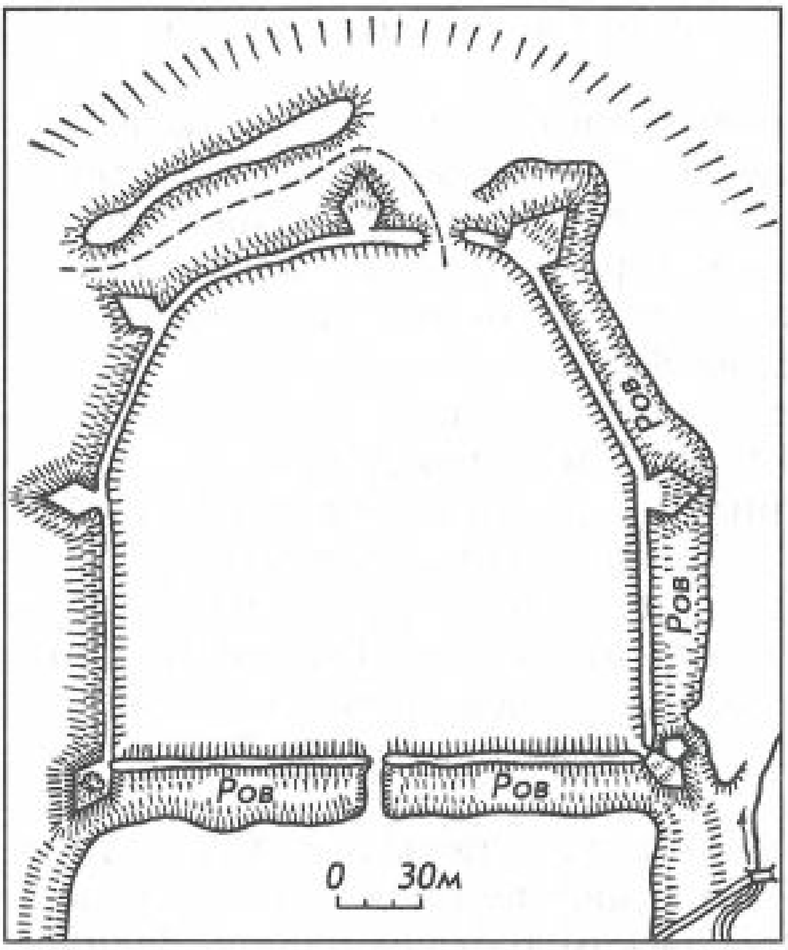
владения Горских «маршалку господарскому старосте Речицкому и пану Оникею Горностаю».

В конце XVI в. в Горском замке произошли важные события. После О. Горностая владельцем Гор стал канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. При нем был заложен новый замок с бастионными укреплениями. Возле него выросло местечко, а затем и «место» Горы Великие. В 1619 г. оно получило от Л. Сапеги «привилеи», которые были записаны в особом «Уставе».

У подножия горы, на которой стоял новый Горский замок, протекала речка Корчеватка. Высота валов над ее долиной превышала 20 м. В замке были возведены семь бастионов, соединенных между собой валами-куртинами. Вначале единственный вход в замок находился с северной стороны. По всей вероятности, в Горах была специальная двухъярусная «брама» в толще земляного вала. Вход в Горский замок находился под защитой двух бастионов, с которых можно было фланкировать перекрестным огнем подступы к воротам. Дорога к замку проходила у подножия валов, начиная с южного углового бастиона, а затем шла по дну рва. Таким образом, в случае войны она хорошо контролировалась защитниками замка. С западной стороны глубина рва достигала 12 м. Кроме того, здесь был дополнительный нижний вал.

Архивных сведений о новом Горском замке сохранилось мало. Найдена «Ревизия в замку Горском», проведенная в 1627 г. «слугою воеводы Виленского, гетмана Великого княжества Литовского Льва Сапеги Кондратом Давыдовичем и представленная Горскому городничему Федору Добросельскому». Из этого документа следует, что в замке было оружие: «...29 штурмаков железных, 25 гаковниц, на колках 3 гаковницы, 67 мушкетов, две медных пушки». Это оружие было предназначено для обороны Горского замка. «Штурмаки» стреляли главным образом дробью или рубленым железом и считались главным орудием во время штурма. Тяжелые гаковницы на колесах («на колках») нужны были для того, чтобы поражать противника на дальнем расстоянии. Еще более грозным орудием считались мушкеты. По сравнению с гаковницами они обладали большей дальностью стрельбы. Их заряжали дробью или кусочками железа. Огнестрельного оружия в Горском замке хватало. В случае осады стрелки находились на расстоянии 4 м друг от друга. Такая плотность огня для того времени была весьма значительной. Горожане должны были защищать определенный участок обороны, в мирное время осматривать и ремонтировать его.

В 1621 г. в Горах Великих было 172 «пляца». Часть горожан была занята на «послузе замковой». К середине XVII в. город значительно вырос. В 1683 г. в документах отмечалось,

Горы Великие

здесь существует «паркан» — линия укреплений. Вполне вероятно, что она существовала в 1654 г.

Во время войны, которая началась летом 1654 г., замок в Горах Великих стал местом сосредоточения войск Великого княжества Литовского. Царю докладывали, что «в Горах ляхи в собранье многие люди, они царского величества ратным людям чинят многую шкоду, и те царского величества бояре и воеводы учели было промышлять жестокими промыслы». Войска князя Трубецкого пошли на приступ. В этих условиях «горяне, началные люди, шляхта и немцы, и всякие служилые и жилецкие люди» поняли, что им «не отсидетца». 29 сентября «из города Гор за 5 верст приехали ... державец полковник Павел Красовский да ротмист Ялжарей с товарищи, государю добили челом и город Горы сдали».

После переворота 1659 г. в Мстиславле гарнизон русских войск в Горах во главе с капитанами П. Чириковым и Ф. Шетневым был разбит мятежным мстиславльским полковником Иваном Рыдарем, который привел сюда отряд казаков и шляхты.

В документах конца XVII в. отмечается, что Горы Великие понемногу восстанавливаются, там уже отстроены заново острог и замок. В последний раз укрепления Горского замка были использованы в 1708 г. Карлом XII, который ждал здесь важных известий от Мазепы. Позднее замок утратил свое военное значение.

Оборонительные сооружения Дубровно

Центром обороны средневекового Дубровно был комплекс замковых укреплений, сооруженных недалеко от того места, где река Дубровна впадает в Днепр. Эти укрепления занимали вытянутый участок на левом берегу Днепра. Ровная поверхность, на которой когда-то были оборонительные рвы, сейчас возвышается над Днепром на 88,5 м.

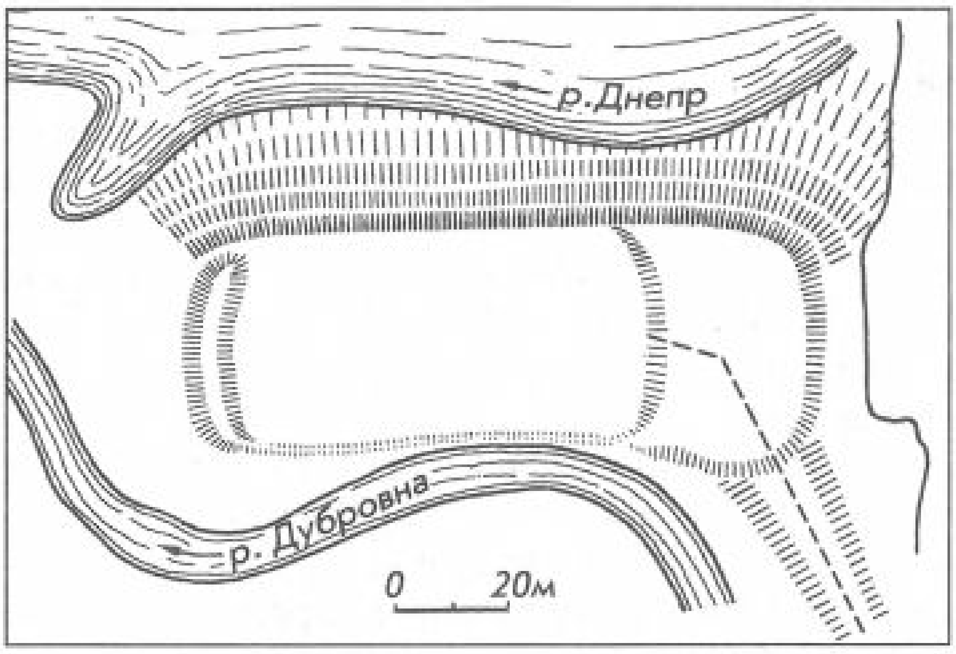
Дубровенское замчище состояло из двух площадок: замка (90 × 45 м) и подзамка (35 × 45 м). Между ними была разделительная стена с въездными воротами. С севера замок был защищен Днепром, с юга и запада его омывали воды Дубровны, на которой была устроена система запруд. Глубокий ров и низина отделяли замок от самого «места». Оборонительный ров с восточной стороны был наполнен водой, а весной соединял Днепр и Дубровенку, превращая замок в островное укрепление.

Поселение в устье Дубровны существовало с XIV в. В начале XVI в. оно упоминается в документах в связи с военными действиями между Московским государством и Великим княжеством Литовским. 13 августа 1514 г. Дубровно заняли русские войска, но они не смогли задержаться здесь надолго, так как 8 сентября 1514 г. произошла Оршанская битва.

В первой четверти XVI в. городом Дубровно и замком владел князь Юрий Иванович Ильинич, с 1570 г. —князья Глебовичи, а в XVII в. их владельцами стали Сапеги.

В 1535 и 1562 гг. укрепления Дубровно дважды были сожжены русскими войсками, но местному населению удалось восстановить их. «Городовую работу» выполняли как мещане, так и крестьяне волости. В 1580 г. Дубровно вновь заняли русские войска, но городские укрепления не пострадали. Во всяком случае их хорошее состояние отметил проезжавший здесь в августе 1593 г. посол австрийского императора Николай Варкоч: «Город стоит на Днепре, а по другую сторону замка протекает река Дубровица. Этот замок обширный в окружении, только деревянный».

Из инвентарей Дубровно известен один. Это «Инвентарь Дубровенского замка, цейхгауза и шпихлеров и всего, что в том замке выявлено», составленный 28 мая 1645 г. ревизорами Андрианом Поренбаком и Якубом Гаецким. В документе содержится много интересных сведений о структуре укреплений и вооружении замка. На пути в замок стоял укрепленный «пригородок» (подзамок), куда можно было попасть через «новореставрированную и покрытую» старую «браму». Подзамок был обнесен острогом. Кроме проезжей воротной башни там стояли еще три «вежи». К сожалению, их подробное описание не сохранилось. Во дворе подзамка находилось несколько жилых и хозяйственных построек. Каждая из них

План замка в Дубровно

была отделена от соседней оградой из тесаных столбов. Отдельно стоял цейхгауз.

На территорию замка можно было попасть по специальному проезду. По периметру площадки ранее стояли «стены-городни», а со стороны реки Дубровенки — две башни. Одна из них («башта роговая») была возведена над Днепром, другая стояла за домом городничего. В момент составления инвентаря в замке вместо «городней» были стены в виде «острога». Около въезда в замок стояла третья башня («вежа высокая, старая»).

В цейхгаузе замка было 18 пушек (в том числе 4 серпантины и 3 именные бронзовые пушки), 5 шмыговниц, 5 «киев» простых железных, 6 «киев» наподобие узких мортир, 64 гаковницы, 68 пехотных мушкетов, 37 пушниц, а также 39 больших тяжелых мушкетов («кобыл»). Таким образом, в дубровенском цейхгаузе насчитывалось 242 единицы огнестрельного оружия, а также бронзовые формы для отливки ядер и пуль, 14 железных и 4 каменные формы, а также боеприпасы.

Интересны сведения о том, какое обмундирование было у гарнизонных гайдуков: «26 жупанов белых гайдуцких, 170 жупанов червоных, 7 зеленых, лисою подбитых, 181 голубая делия, подшитая белым «киром» («делия»— свободного покроя шуба без рукавов, «кир» — толстое сукно), 22 шапки катанки белые, 200 черных магерок».

В июле 1654 г. поселение Дубровно осадило войско князя Куракина. Кроме шляхты, мещан и крестьян волости в составе гарнизона замка была наемная венгерская пехота. Малочисленному отряду Куракина не удалось захватить город, так как защитники его отчаянно сопротивлялись. Воевода доложил царю: «Выходили из города Дубровна литовские конные и пешие многие люди с знамены и снаряды. У них с теми литовскими людьми был бой. В том бою государевы ратные люди литовских многих людей побили и в город вогнали, а Дубро-

венский уезд повоевали, села и деревни пожгли и в полон много поймали». Тогда был ранен воевода князь В. П. Львов. Воеводу и ратных людей «за их службу похвалили» и рекомендовали «вперед им на литовских людей ... промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст». Однако стало ясно, что отряду Куракина Дубровно не взять. Князя отозвали в Смоленск, а к поселению подошло войско князя Я. К. Черкасского. Ему было приказано промышлять «зажогом, сговором, всякими обычаи, а приступать не велено».

Русское командование приняло все меры для того, чтобы обезопасить свое войско и усилить его огневую мощь. Напротив замка был сооружен «земляной городок», в котором разместились войска. Из Смоленска к Дубровно направили «рекой Днепром в судах и на плотах две пищали галанские, да русского литья пищаль Соловей-ядро, пищаль Левик, да к тем же пищалям по 100 ядер, да пушечных запасов 200 пуд, зелья пушечного 5 пуд, зелья ручного, на нарядные мехи 500 аршин холста, на пыжи 10 пуд пеньки». Вскоре русские начали бомбардировать дубровенские укрепления.

В октябре 1654 г. под Дубровно были сосредоточены крупные силы русских войск. После того как массированная бомбардировка укреплений не дала желаемых результатов, было предпринято активное религиозное давление на местных жителей. Для этого сюда пришли священники из ранее захваченных городов — Копыси, Шклова, Орши. В Дубровно прибыли протопоп Антоний из Копыси, шляхтич Василий Лавринов, мещанин Яков Богданов. Из Могилева пришел игумен Кутеинского монастыря Иоиль Труцевич. Одновременно сюда были направлены «шкловские доминикане к римскому духовенству, чтоб Дубровенские осадные сидельцы государю добили челом и город сдали». Протопоп Дмитрий Поликарпов уговаривал осажденных сдаться, «чтоб они город сдали без кровопролития». Делегацию сопровождал «для обереганья воинский отряд Трофима Отгибалова с дворяны и бояры».

5 октября на переговоры были посланы мещане Василий Лавров и Марк Сидорский. Осажденные, приняв их, «Василия убили из пищали до смерти, а мещанин Марка побежал». Вечером того же дня «дубровенские сидельцы учинили вылазку на пеших людей, которые были под городом в городке». Но в это время к Дубровно подходили передовые отряды русского войска князя А. Н. Трубецкого и помогли отразить это нападение.

Царь был раздражен затянувшимся сопротивлением Дубровно. Как и Старый Быхов, город был единственным пунктом в верхнем течении Днепра, в который не вошли русские войска. Князь А. Н. Трубецкой получил приказ «с нашими ратными людьми идти под Дубровну ... там промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст».

Между тем осажденные подготовились к дальнейшей осаде, надеясь на помощь войск гетмана Радзивилла. Однако их надежда вскоре ослабела, а намерения русских войск, к которым 6 октября присоединились «и на приступ изготовились» основные полки А. Н. Трубецкого, не оставляли сомнений. В осажденном городе было много женщин и детей, начались трудности с продовольствием. Все это заставило руководившего обороной городничего Храповицкого пойти на переговоры. Князь Я. К. Черкасский писал царю: «...октября 11 числа выходили к ним из города Дубровны шляхта Граповецкий, да мещане белорусцы 17 человек, чтоб с ними об городской сдаче говорили, бояре и воевода дубровенцам говорили, чтоб они добили челом государю и город сдали, как иные многие польские и литовские люди, а на себя большой крови не навели».

Соглашение было достигнуто 12 октября 1654 г., когда «дубровенские литовские люди добили челом и город сдали и ворота отсыпали». После этого осажденные «с благочестивыми священники с образами, а шляхта и желдаки, мещане и всяких чинов служилые люди и жилецкие люди ... бояр и воеводы встретили за городом с хлебом». Вступившие русские «дубровенских осадных сидельцев и наряд, и зелье, и свинец велели переписать».

Судьба осажденных была предопределена в указе царя: «как город Дубровна здатся шляхты лучших людей выбрав, прислав к ... государю, а достальную шляхту посылать на Тулу, а мещан и уездных людей раздать ратным людям семьями, а город Дубровну выжечь». Этот указ князь Я. К. Черкасский исполнил. В царскую ставку в Смоленск были отправлены плененная шляхта, венгерская пехота, гайдуцкий ротмистр, 30 семей мещан. 17 октября город Дубровно был сожжен.

Зимой 1655 г. войска Речи Посполитой перешли в контрнаступление, заняв Копысь, Оршу, а затем и Дубровно, отрезав, таким образом, русских от Днепра. В апреле 1655 г. царь направил в Дубровно воеводу Ф. Д. Замятню с наказом, чтобы он расположился «в земляном большом городе и жил бы в Дубровне с великим береженьем и Божим и нашим делом промышлял неоплошно». Воеводе было приказано восстановить дубровенские укрепления. Но прежде ему предстояло разгромить войска, засевшие в сожженном городе. Бой произошел у мельницы на реке Дубровна и на берегу Днепра, после чего противник отступил к Кутеинскому монастырю под Оршей. Русские ратники начали спешно возводить укрепления. Ф. Л. Замятня сообщил царю, что «... по твоему указу пришел я с твоими ратными людьми к Дубровне сделать земляной город, ров около города копал и острог поставил и всякие крепости учинил, и к тому городу чертеж послал тебе».

Оставив в Дубровно полк Ф. Траферта, Замятня со своими людьми покинул город.

Затем город Дубровно оказался в стороне от военных событий. Здесь постоянно находился незначительный гарнизон русских войск. Жизнь понемногу налаживалась. Дубровенский протопоп Д. Поликарпов написал царю, что он «всякую нужду терпел и ныне скитается меж двор без приюту, разорен в конец», и просил разрешения построить в Дубровно церковь. Еще в 1661 г. поселение Дубровно представляло собой унылое зрелище. Австрийский дипломат барон А. Мейерберг отмечал: «... 8 числа сентября проехали по Днепру Дубровну, ранее город Мстиславского воеводства, а теперь Витебского, он возвышается на берегах реки в 80 верстах от Смоленска и когда-то имел великое множество строений, а теперь бедствиями разрушен во время московской войны с огромными потерями в имуществе для его владельца Георгия Карла Глебовича».

В сентябре 1678 г., спустя 11 лет после подписания Андрусовского перемирия, через Дубровно проезжал дипломат Бернгард Таннер, записавший в дневнике, что город постепенно приходит в себя после войны.

В конце XVII в. город Дубровно перешел от Глебовичей к Казимиру Сапеге, гетману польному Великого княжества Литовского и виленскому воеводе. В годы Северной войны Сапеги были на стороне шведов, поэтому Дубровно вместе с замком был сожжен отрядом русского капитана Соловьева. Некоторое время город и волость считались собственностью сподвижника Петра I князя А. Д. Меньшикова. После Северной войны Сапеги вновь стали владельцами Дубровно до 1772 г. В конце XVIII в. город был собственностью князя Потемкина, а затем князя Любомирского, во времена которого Дубровно стало заурядным местечком.

IV
УКРЕПЛЕННЫЕ ХРАМЫ

Укрепленные храмы

Военное зодчество развивалось в средневековой Беларуси в тесной взаимосвязи с культурой ближайших соседей (северо-западные районы Руси, Прибалтика, Польша) и западноевропейских стран (Чехия, Германия, Франция, Италия, Голландия). Новейшие достижения в тактике и средствах нападения и защиты получали в Беларуси свою интерпретацию. Оборонительные сооружения возводились здесь на прочном фундаменте местных строительных традиций. Военное зодчество Беларуси не только отвечало требованиям времени, но и сохраняло выразительные национальные черты, имело свой неповторимый колорит.

Эти черты наиболее полно и выразительно воплощены в церковной архитектуре XV–XVII вв., когда в Беларуси, как и в других странах Европы, происходила инкастелляция храмов (перестройка их в своеобразные замки). В этот период церкви, костелы, монастыри и синагоги стали приобретать элементы оборонительных сооружений: стены стали более высокими и толстыми, на углах зданий или над входом появились башни с бойницами. Подземелья храмов были превращены в склады военной амуниции и продуктов, в башнях нередко размещались колодцы. Вокруг таких зданий возводились валы с деревянными или каменными стенами, а нередко — с башнями или бастионами. Такие сооружения напоминали небольшие, хорошо укрепленные замки, часто вместо окон в них были бойницы. Такие храмы сыграли большую роль в обороне городов.

Процесс укрепления храмов в Великом княжестве Литовском, и в частности в Беларуси, проходил в XV–XVII вв. Новое направление в белорусской архитектуре было вызвано внутренними и внешними причинами, насущными социально-политическими задачами тогдашнего общества. Успешное осуществление этого процесса на территории Беларуси обеспечивалось давними строительными традициями и наличием высококвалифицированных зодчих. Как и у соседних народов, основной причиной укрепления храмов была внешняя угроза. Свою роль сыграли также Реформация и Контрреформация, острая религиозная борьба, особенно усилившаяся в XVI–XVII вв.

Во многих городах Беларуси, особенно в порубежных, возникли храмы, которые имели черты оборонительных сооруже-

ний. Как правило, их возводили недалеко от городских ворот, на подступах к замкам, а также в других стратегически важных местах. Эти каменнные здания создавали дополнительный пояс обороны, который противнику приходилось брать штурмом.

Укрепленные храмы стали строить и в сельской местности, так как в то время стычки и междоусобные войны между магнатами были обычным делом. Многие из них имели собственное войско. От таких локальных войн больше всего страдал сельский люд, убежищем для которого обычно служили костел или церковь — нередко единственное в округе каменное здание, сооруженное их же руками. Являясь символом веры, эти здания становились воплощением крепости веры в прямом и переносном смысле. Среди белорусов были православные, католики, униаты, поэтому оборонительными храмами стали и церкви, и костелы. Как оборонительные сооружения использовались и кальвинистские сборы, а также синагоги.

Переоценивать оборонительные качества храмов не стоит, потому что противостоять большому войску они не могли. Однако эти крепости сдерживали натиск небольших вражеских отрядов, которые в военное время грабили и опустошали край.

Полоцкая София

В конце XV — начале XVI в. в Беларуси появился тип цитадельных церковных зданий, укрепленных с помощью угловых башен, который затем стал характерным для белорусской готики. Родоначальником нового типа храмов стал Софийский собор в Полоцке, сооруженный в 50-е гг. XI в. На рубеже XV и XVI вв. храм был перестроен в пятибашенную церковь-замок.

Возникновение такого типа сооружений в стольном Полоцке закономерно, так как этот богатый и многолюдный торгово-ремесленный город на восточном рубеже Великого княжества Литовского считался тогда «ключом от Ливонии и самой Литвы». Владеть Полоцком хотели и Ливония, и Московское государство. Реальная внешняя угроза вызвала необходимость укрепления храмов.

Инкастеллированные пяти- и четырехбашенные храмы — результат развития белорусской готики. Они являются ярким образцом органичности этого стиля, в котором удачно сочетались достижения местной гражданской и военной архитектуры. В частновладельческом замковом строительстве выкристаллизовался тип компактного, небольшого и хорошо укрепленного здания. Рационализм здесь был одним из основных факторов, которые в условиях бесконечных войн ускорили переход испробованных архитектурных элементов из военной архитектуры в церковную.

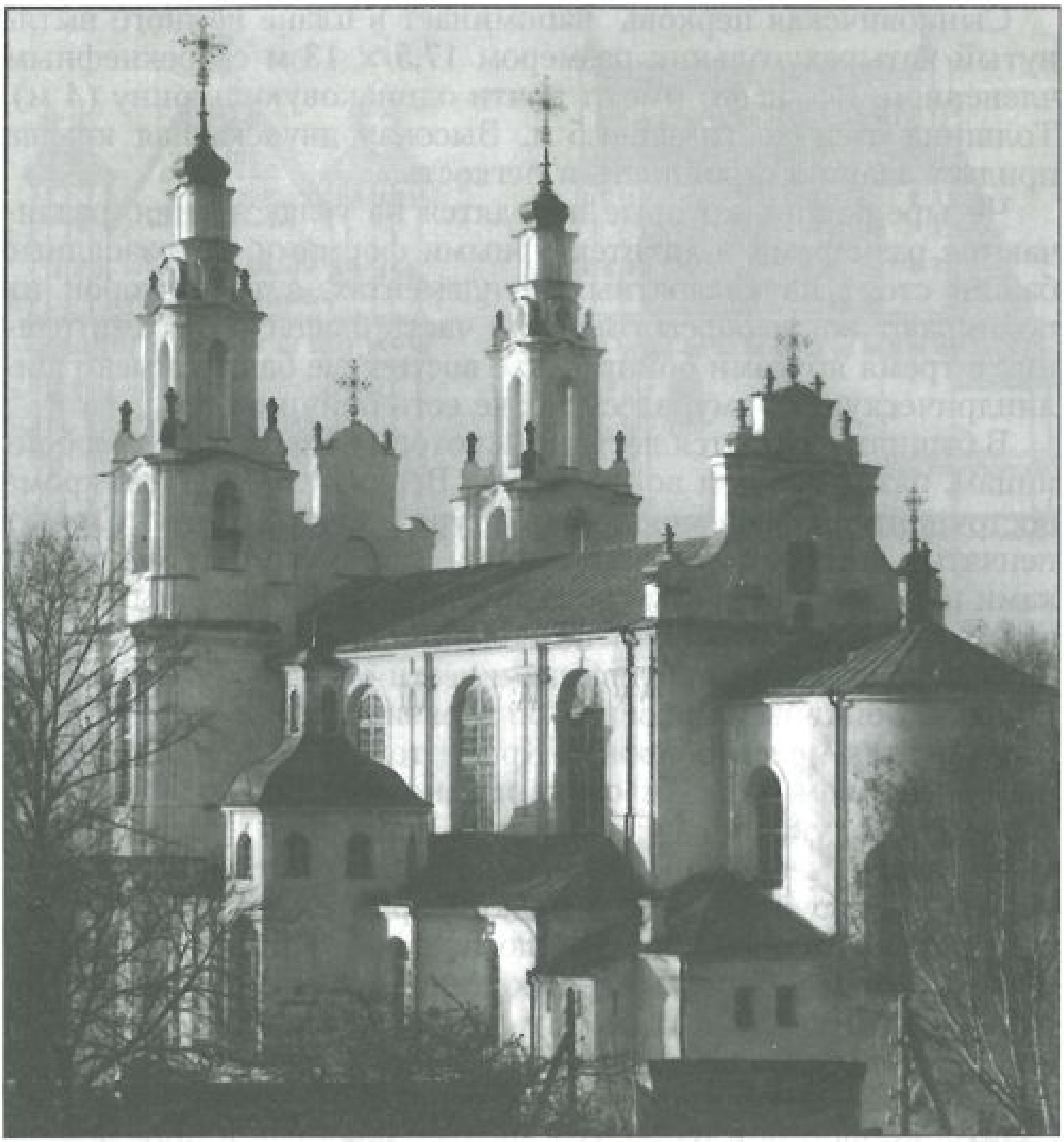
Полоцкая София в XVI–XVII вв. Рисунок выполнен на основе иконографического материала

Пятибашенная Полоцкая София просуществовала в Верхнем замке до 1710 г. Сохранившиеся изображения храма 1578 и 1707 гг. свидетельствуют о том, что это был, на первый взгляд, обычный замок с башнями, бойницами и кованой герсой над входом. Во время осады Полоцка эта церковь становилась убежищем для состоятельных горожан. Кроме того, в храме находились святыни и сокровища города. Едва ли не главным из них была великолепная библиотека. Здесь хранились древние рукописи, летописи, грамоты, была литература на греческом, латинском, старобелорусском, церковнославянском и других языках. В Полоцкой Софии проходили наиболее торжественные собрания горожан. Здесь принимали послов. Имя храма было увековечено на городской печати.

В 1607 г. во время пожара Софийский собор сгорел, но вскоре был восстановлен. Угловые башни были уменьшены на один ярус, а средняя башня стала более высокой. Еще раз церковь пришлось восстанавливать после пожара 1643 г. Во время Северной войны в подвалах храма находился склад боеприпасов войск Петра I. В мае 1710 г. он неожиданно взорвался, и храм фактически был уничтожен. В 1738–1780 гг. его перестроили в двухбашенный барочный костел.

В процессе археологического изучения Полоцкой Софии остатки древних оборонительных башен не были обнаружены. Видимо, у них были небольшие фундаменты или они имели эркерное устройство. Сейчас в здании Полоцкой Софии находится концертный зал.

На территории Нижнего замка стоял еще один пятибашенный инкастеллированный храм, который был почти точной копией Софийского собора. Он хорошо виден на плане Полоцка 1707 г. Отчетливые оборонительные черты имели и другие

Софийский собор в Полоцке после реставрации

городские церковные сооружения: комплекс иезуитского коллегиума и иезуитского костела, который закрывал подход к мосту через оборонительный ров Верхнего замка. Здание костела бернардинского монастыря имело башню, где насчитывалось три яруса бойниц. На подступах к замку стояло массивное двухэтажное здание еврейской школы.

Сынковичский храм

Неизвестно, в какой исторический период была воздвигнута Сынковичская (Михайловская) церковь (Зельвенский район Гродненской области), но готические конструкции и звездчатые своды свидетельствуют о том, что это было скорее всего в конце XV — начале XVI в.

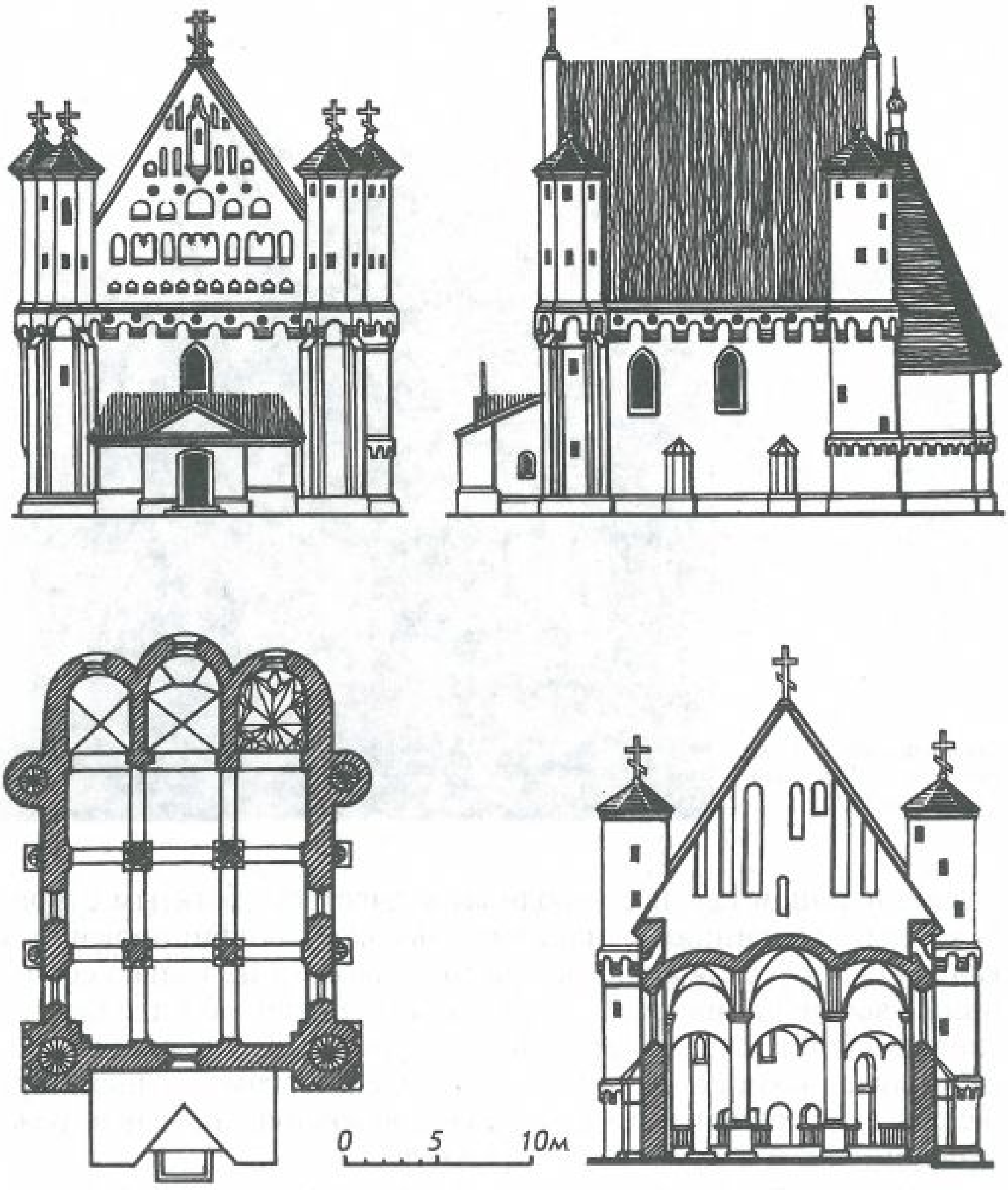
Сынковичская церковь напоминает в плане немного вытянутый четырехугольник размером 17,5 × 13 м с трехнефным членением. Все нефы имеют почти одинаковую ширину (4 м). Толщина стен достигает 1,5 м. Высокая двухскатная крыша придает зданию стройность и легкость.

Четыре башни, которые находятся на углах здания, различаются размерами и архитектурными формами. Две западные башни стоят на квадратных фундаментах, с трех сторон их подпирают контрфорсы. Верхняя часть башен — восьмигранник с тремя ярусами бойниц. Две восточные башни имеют цилиндрическую форму, здесь также есть бойницы.

В башнях находятся лестницы, которые когда-то вели к бойницам, размещенным во фронтоне. Верхняя часть стен, кроме восточной, охвачена мощной аркатурой. Она держится на ступенчатых встроенных кронштейнах. В промежутках между арками находятся округлые бойницы. Над ними сделаны наблюдательные отверстия. Это позволяло защитникам храма следить за действиями противника и вести огонь на большие расстояния. Бойницы Сынковичской церкви в первую очередь были сделаны для целей обороны. Кроме того, они являются важным элементом и средством украшения здания.

Особенно укреплена западная стена церкви. В щите фронтона устроены бойницы. В верхней части использован «фонарик» — своеобразный и редкий архитектурный элемент, который выполнял роль наблюдательного пункта. Система и планировка оборонительных приспособлений Сынковичской церкви такие же, как и у других памятников замковой архитектуры того времени. Здесь прослеживаются элементы романской и готической архитектуры: неглубокие, разнообразные по форме и размерам оштукатуренные и побеленные ниши в щите фронтона, похожие на ниши Мирского замка. Они снимают впечатление тяжеловесности и массивности и придают зданию определенную яркость и легкость. На восточных башнях и алтарных апсидах приблизительно на высоте 3 м находится декоративный поясок в виде плоской рельефной аркатуры из полуциркульных арок романского типа, которые опираются на маленькие кронштейны. Это украшение органично сочетается с арочным поясом бойниц. Высокая конусоподобная крыша над алтарными апсидами соответствует форме восточного фронтона. Явными элементами готики являются стрельчатые арки оконных проемов с железными решетками, звездчатые своды правой апсиды храма и высокая двускатная крыша.

Отмечаются небольшая перекошенность плана здания, некоторая искривленность оси апсид по отношению к нефам. Видимо, храм возводили местные мастера, которые для разбивки плана пользовались простыми, не очень точными измерительными инструментами. Однако это не помешало им создать бле-

План храма в Сынковичах. Рисунок А. Шишки-Богуша.
Фасады замка. Рисунок В. А. Чантурия

стящий памятник архитектуры той эпохи. Определяя значение Сынковичского храма в истории белорусского оборонного зодчества, необходимо отметить, что по своим архитектурным качествам он является памятником мирового значения. Здание на удивление гармонично вобрало в себя черты поздней готики, а также традиционные формы и решения внутренней планировки древних храмов эпохи Киевской Руси.

Такое соединение архитектурных стилей и форм объясняется тем, что Беларусь (в частности, ее западные земли) была своеобразным рубежом, который разделял две культуры, два стиля – готический (западный) и русско-византийский (восточный). Культуры и стили взаимообогащали друг друга. Бла-

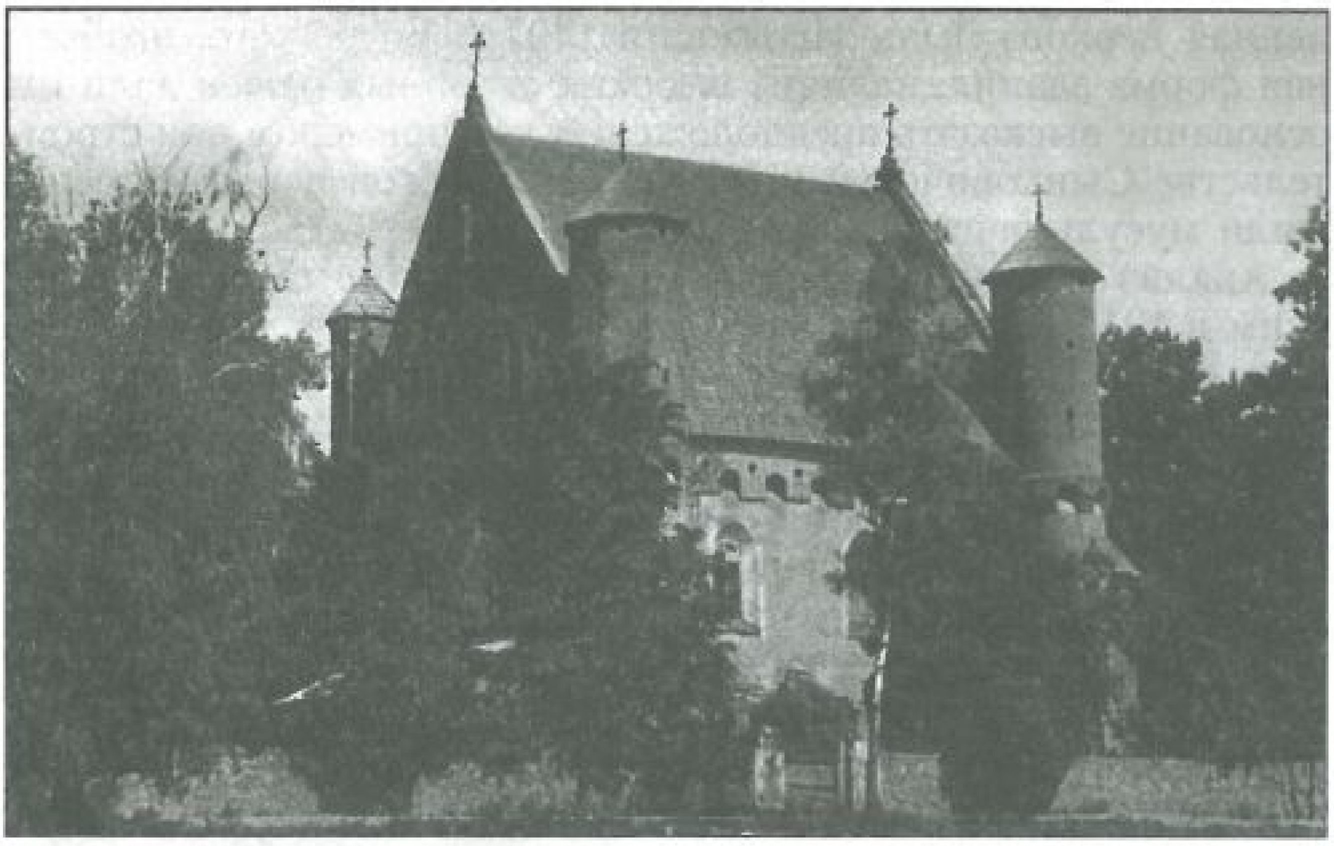

Сынковичский храм. Рисунок В. Грязнова. Середина XIX в.

годаря прочной связи с народным зодчеством, богатым строительными традициями, наличию высококвалифицированных кадров белорусская архитектура того времени не только сохранила свое национальное лицо, но и заметно обогатилась за счет русской и западноевропейской культур. Такой синтез способствовал возникновению и становлению самобытных черт белорусской готики, которая нашла свое воплощение как в гражданском, так и в культовом строительстве.

Сынковичская церковь — одно из звеньев в цепи укрепленных пятибашенных храмов. Начало этому процессу было положено на рубеже XV и XVI вв. Полоцкой Софией. На примере Сынковичского храма можно проследить, как постепенно упрощалась система обороны в таких постройках. В «Акте визитации Сынковичского храма за 1760 г.» отмечено, что посредине крыши церкви находился башнеобразный «купол с железным крестом». Имел ли он в процессе обороны какое-то применение или нет — сказать сегодня с уверенность нельзя. Но стилистическая взаимосвязь здания с Софийским собором в Полоцке и Супрасльским храмом очевидна. Интересно, что этот купол сохранился до конца XVIII в. Исчез он, видимо, во время одного из ремонтов здания.

Существуют сведения о том, что в каждой угловой башне был склеп. В 1760 г. здесь уже был каменный бабинец. В спе-

Храм в Сынковичах. Современный вид

циальной литературе между тем указывалось, что бабинец возвели между 1841 и 1881 гг. во время одного из ремонтов. Свидетельство «акта визитации» за 1760 г. не противоречит нашему предположению, что бабинец был возведен если не одновременно с храмом, то во всяком случае не позднее XVI в. Это подтверждает и техника его строительства.

Наконец, этот документ позволяет ответить на очень важный вопрос о времени возведения Сынковичского храма. Ранее считалось, что он был построен в конце XV – начале XVI в. В документе 1760 г. говорится о том, что здание было заложено в период царствования королевы Боны, т. е. между 1518 и 1556 гг. Таким образом, Сынковичский храм, выдающийся архитектурный памятник Беларуси, был возведен в середине XVI в.

Внешний вид храма с течением времени почти не изменился. Только исчез купол и в 1891 г. перед входом была построена каменная колокольня.

Маломажейковская церковь

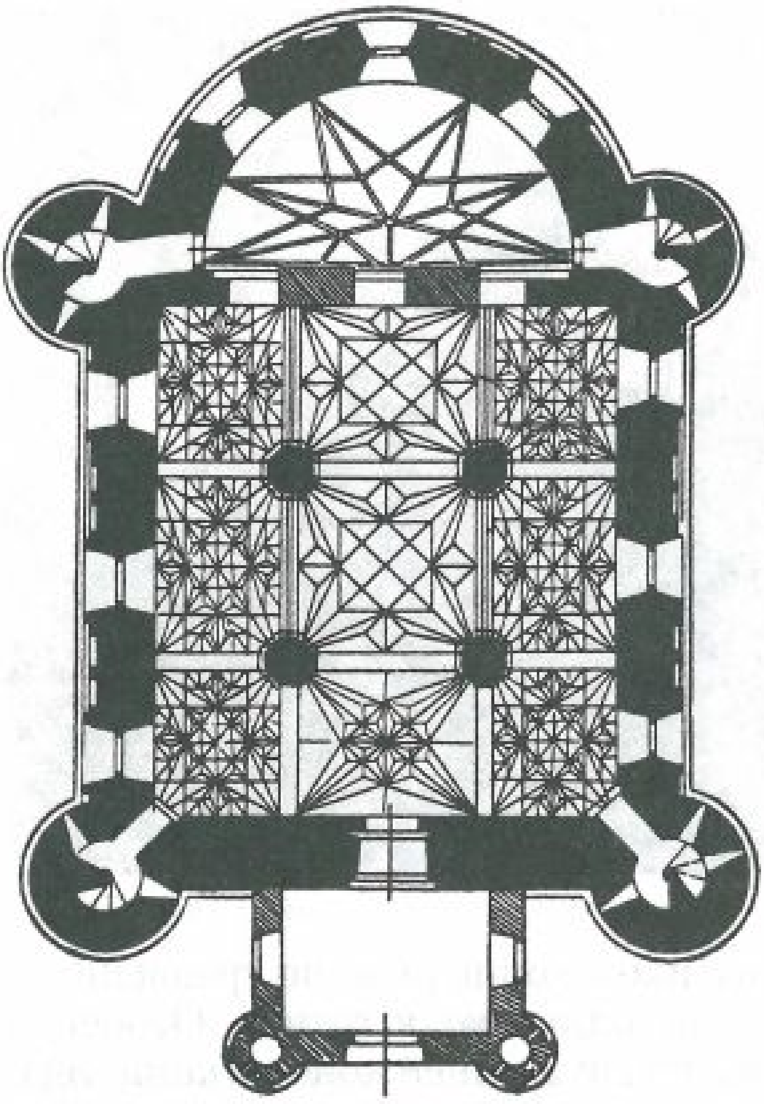
Храм оборонительного типа, который известен как Маломажейковский («Мурованка»), находится на южной окраине поселка Скрибовцы Щучинского района Гродненской области, в 3 км от деревни Маломажейково. Из-за отсутствия письменных источников и неточного датирования существовавших документов, в которых упоминалось поселение Мажейковщина, исследователи сделали ошибочный вывод о том, что эта укреп-

ленная церковь была заложена в 1407 г. Более того, необычная форма здания, наличие высоких стройных башен дали им основание высказать предположение, что примером при строительстве Сынковичской и Маломажейковской церквей послужили мусульманские минареты.

Анализ исторических документов, сделанный Н. Иодковским в 1915 г., показал, что дата 1407 г. была фальсифицирована еще в 1648 г. Детальное изучение памятника, искусствоведческий анализ характерных черт и особенностей его архитектурных форм и деталей позволяют определить наиболее вероятное время возведения «Мурованки». Это первая половина XVI в. Судя по всему, церковь была построена между 1516 и 1542 гг. Она представляет собой четырехстолпное одноэтажное строение размером около 15 × 13,5 м с высокой двускатной крышей. Толщина стен достигает 2 м. На каждом углу стоят цилиндрические оборонительные башни. В отличие от Сынковичской церкви, где башни являются самостоятельными строениями, присоединенными к основному объему, в Маломажейковском храме они органически связаны с корпусом. Впечатление такое, будто стены храма постепенно перерастают в цилиндрические башни. Это создает эффект компактности и единства плана.

Две западные башни небольшие по размерам (диаметр их около 4,5 м, толщина стен достигает 1,8 м, а первоначальная высота равнялась 14 м). Восточные башни меньше (диаметр 3 м, толщина около 1 м). Когда-то в башнях были винтовые лестницы, которые вели к обоим ярусам бойниц, а также к бойницам боевой галереи фронтона. Каждая бойница имела вид постепенно сужающегося к середине проема, перекрытого округлой аркой. Ранее в северной и южной стенах было по семь бойниц, затем их осталось только шесть (по три с каждой стороны). В щите западного фронтона было два яруса бойниц (в нижнем ярусе — четыре бойницы, в верхнем — три), в щите восточного фронтона также были бойницы для стрельбы из ручного огнестрельного оружия. Этим «Мурованка» отличается от Сынковичской церкви.

Западный фронтон возвышался над крышей и был своеобразным декоративным щитом, разделенным по горизонтали на две части. Внизу находились три ниши сложной конструкции, в каждой из которых было еще две ниши меньшего размера. В верхней части сделана большая ниша с двойной аркой. Несмотря на очевидную простоту, такой декор гармонично расчленяет поверхность щита и придает ему неповторимое изящество. Этому способствуют и вид фронтона с его крутыми скатами. Щит фронтона находится между более низкими угловыми башнями, что значительно усиливает вертикальность западного фасада. Фасад оформлен по принципу постепенного нарастания декоративности. Восточный фронтон также имеет

План Маломажейковской церкви. Рисунок А. Шишки-Богуша

свои отличительные черты. Его вертикальные линии находятся в полном созвучии с неглубокими арками ниш, которые размещены в щите фронтона. Подобно западному фронтону, восточный разделяется на две части горизонтальной полосой. В нижней находятся две пары ниш, в верхней — три ниши, которые позднее были переделаны в обычные окна.

Стены Маломажейковской церкви украшены декоративными элементами. Преимущественно это неглубокие ниши различных форм. Они яркими пятнами выделяются на фоне кирпичной кладки и снижают впечатление массивности здания. Своеобразными элементами архитектуры храма являются спаренные полуциркульные ниши, а также круглое окно в центре западной стены, как в памятниках романской и готической архитектуры. Богато украшены боковые фасады, алтарная апсида и башни. Внизу через все здания проходит лента традиционного поребрика — ряд кирпичей, положенных на угол.

Вход в западной стене раньше был закрыт железными дверями и имел оборонительную решетку, которая опускалась сверху на цепях через специальный проем. В середине «Мурованки» единственная апсида занимает всю ширину храма и воспринимается как органическое продолжение зала. Четыре колонны разделяют помещение на три почти одинаковых по высоте нефа, средний из которых достигает в высоту 12 м.

Маломажейковская церковь. Рисунок В. Грязнова. Середина XIX в.

При возведении Маломажейковской церкви по сравнению с Сынковичской был сделан еще один шаг к готике. Особенно выразительно это проявилось во внутренней конструкции. Здание перекрыто сложными звездчатыми сводами с резко профилированными нервюрами. Система сводов здесь более развита и свидетельствует об усовершенствовании приемов готического строительства, умелом использовании его богатых декоративных возможностей. Несмотря на общее сходство с Сынковичской церковью, Маломажейковская имеет и свои отличия — симметричный и правильный план, более богатое внешнее оформление и более слабую систему бойниц.

В 1656 г. (во время войны 1654—1667 гг. между Речью Посполитой и Русским царством) «Мурованка» была сильно повреждена. Ее удалось восстановить только через несколько лет. В 1706 г. войска Карла XII по приказу короля подвергли церковь обстрелу. После этих событий Маломажейковская церковь пришла в запустение, ее обновили только в 1822 г. После ремонта 1871—1872 гг. вид здания изменился. Западные башни были приподняты, и в одной из них сделали колокольню. В восточных башнях лестниц не стало. В несколько измененном виде фасад «Мурованки» сохранился до наших дней.

Комайский костел

Монументальный костел Иоанна Крестителя в деревне Комаи Поставского района Витебской области является одним из наиболее поздних укрепленных храмов на территории Белару-

Маломажейковская церковь. Современный вид

си. Здание было построено в 1603—1606 гг. на средства Яна Рудомина Дусяцкого, героя Хотинской битвы с турками. Имя строителя-архитектора неизвестно, но, судя по всему, это был местный мастер. Вначале здание было трехапсидным со сводчатым перекрытием над нефами, которое опиралось на четыре колонны. В середине XVII в., в годы войны между Речью Посполитой и Русским царством, костел сильно пострадал во время пожара. Своды рухнули, колонны были разобраны и заменены деревянными. Вместо трех апсид была сделана одна.

Оборонительный характер зданию придают две цилиндрические башни, замыкающие фасадную стену. Ярусы бойниц позволяли вести активный огонь и фланкировать вход. Верхний ярус давал возможность защитникам храма стрелять на дальние расстояния. Два нижних яруса бойниц редкой чашеобразной формы имели большой сектор обстрела и использовались для обороны подступов к зданию.

Комайский костел отличается лаконичным декором с элементами готики. Фасад завершает скромный треугольный щит с четырьмя плоскими нишами. Здание было отреставрировано в XVII в., а также в 1726—1736 и 1778 гг.

Как напоминание о многочисленных войнах, которые редко обходили Комаи, в середине XVII в. по приказу сына Петра Рудомина в стены костела были вмурованы ядра от шведских пушек. В 1778 г. к костелу пристроили часовню, что значительно изменило его внешний вид.

Комайский храм по своим размерам значительно больше Сынковичского и Маломажейковского. Очевидна родственность

Комайский костел. Рисунок XIX в.

плановой композиции этой группы инкастеллированных храмов, в которой Комайский костел является последним звеном. Это сооружение вначале было задумано как четырехбашенный оборонительный храм.

Кальвинистские сборы

Острая религиозная борьба, разгоревшаяся в Беларуси во второй половине XVI в. между сторонниками и противниками Реформации, нашла свое отражение и в своеобразной архитектуре кальвинистских сборов. Эти памятники архитектуры стали новым этапом в развитии бесстолпных храмов. В их архитектуре соединились элементы поздней готики и ренессанса. Эти сооружения были с башнями или без них, иногда они были обнесены земляными валами с бастионами. Вход в здание, как правило, находился в башне, стоявшей в центре фасада. Высокие башни обычно имели бойницы. К этому типу памятников принадлежат здания в д. Асташино Кореличского района, в Заславле, Дзержинске.

Реформистский храм в Асташино был построен в конце XVI в. Его размеры невелики (8,5 × 12 м). Храм имел в плане форму прямоугольника, который заканчивался апсидой в форме усеченного треугольника. Двухметровые стены прорезали маленькие окна, которые напоминали бойницы. С юга к помещению была пристроена башня размером 5,9 × 7,1 м с массивными контрфорсами. Она состояла из четырех прямоугольных ярусов. Храм возвышался над окрестностями монолитной каменной глыбой. Это впечатление усиливала ограда

Кальвинистский храм в Асташино. 30-е гг. XX в.

двухметровой толщины, которая окружала здание в виде прямоугольника размером 37 × 30 м. Интересно, что в Асташино до недавнего времени существовал жилой дом оборонительного типа. Его глинобитные стены достигали в толщину 2 м и были укреплены мощными контрфорсами. Окна находились высоко от земли.

Конструктивно близка Асташинскому храму Заславская Преображенская церковь. Это приземистое здание с толстыми стенами и глухими бойницами. В верхней части стен когда-то были бойницы, которые во время перестройки храма заменили декоративными. Почти 30-метровая башня была пристроена к храму позже. Внутри и снаружи стены расчленены пилястрами, карнизы отделаны рустами. В отличие от Асташинского храма здесь нет алтаря. Преображенская церковь находится в центре мощного бастионного замка.

Интересным памятником старины среди кальвинистских сборов является храм в Дзержинске (Койданове), построенный в первой половине XVI в. Он стоял на высоком пригорке, так называемой Гаштольдовой горе, был обнесен глубоким рвом, который соединялся с речкой Нетеча. Через ров можно было перейти по подъемному мосту, который был переброшен к стене с девятью башнями, приспособленными к обороне. Толщина стен башен с шатровыми крышами достигала 1,5 м. Они были сложены из полевого камня и кирпича. Бойницы позволяли вести круговой обстрел и фланкировать огнем прясла стен. Попасть во двор можно было через традиционные ворота, увенчанные гербом Радзивиллов. Стены и башни, видимо, были укреплениями существовавшего здесь раньше замка, под защитой которого и возвели реформистский храм. В плане он

имел форму прямоугольника. В боковых фасадах размещались круглые бойницы. Мощная башня находится в торце здания. Она квадратная в плане, но вверху переходит в восьмерик, здесь также есть бойницы.

Кальвинистский храм в Сморгони был возведен в конце XVI в. на средства владельца этого поселения Христофора Зеновича, воеводы Берестейского. Сморгонь, известная с XV в., в конце XVI – начале XVII в. была обычным местечком, огороженным стеной. Отдельно стоял «двор Сморгонский», где находились дом феодала и хозяйственные постройки. «Двор» также имел деревянную ограду и двухэтажную башню-ворота с часами.

Храм стоял в центре Сморгони. Он имел вид удлиненного восьмиугольника и был почти точной копией храма Св. Виталия в Равенне (Италия). Строение завершал сферический купол, прикрытый снизу высокой стенкой-аттиком, которая была декорирована парными полуциркульными нишами и гирьками. В массивной высокой башне был единственный вход. Когда-то она была трехэтажной. Часы на башне отбивали каждый час и четверть часа. На втором этаже находилась колокольня. По обе стороны от башни, примыкая к основному строению, стояли две небольшие башенки. Раньше здесь хранились церковные книги. Уцелела только башня справа. Известно, что при кальвинистском храме в Сморгони была школа, в которой бакалавры наук преподавали иностранные языки, математику и риторику.

В 1612 г. кальвинистский сбор был преобразован в костел, а в 1867 г.— в православный храм. В 1870 г. были снесены два верхних яруса башни. Во время войн здание очень пострадало. В мирное время здесь были проведены реставрационные работы, а затем открыт районный краеведческий музей.

Научно-популярное издание

ТКАЧЕВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

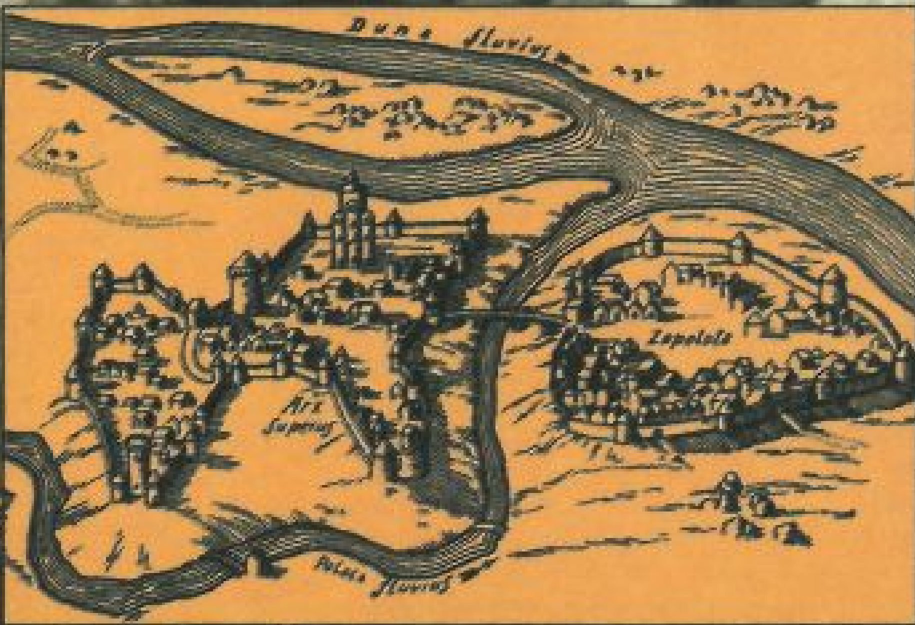
ЗАМКИ БЕЛАРУСИ

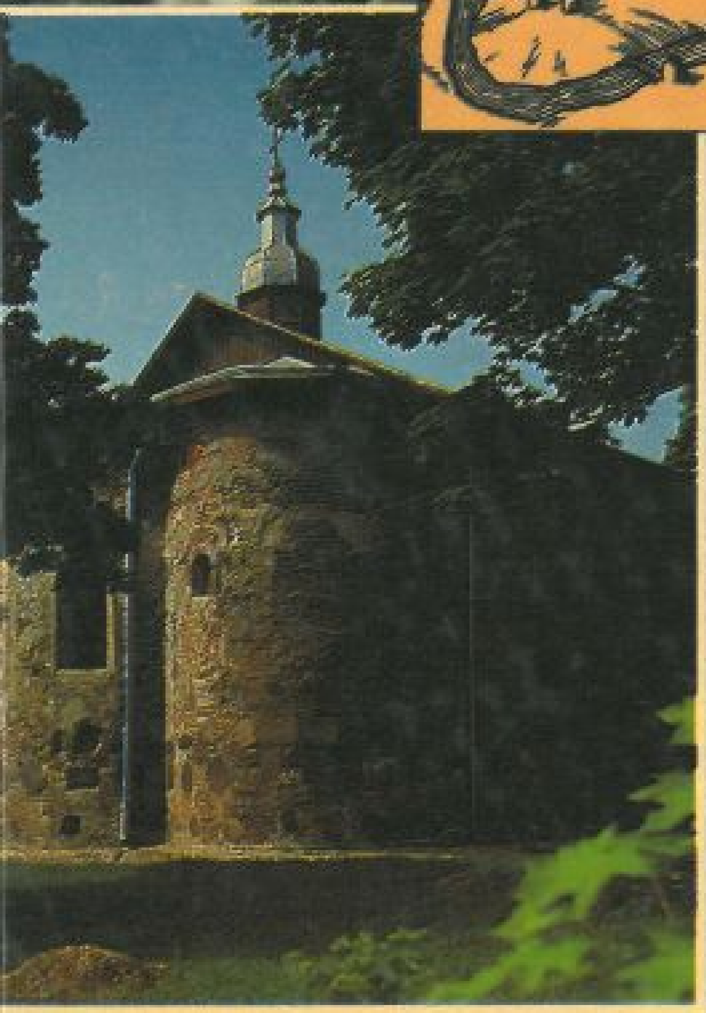
Редактор *Т. И. Пасненкова*. Художник *Е. А. Ждановская*. Художественный редактор *В. Г. Вертейко*. Технический редактор *Т. А. Тарасенко*. Корректоры *А. В. Алешко*, *Л. К. Семенова*

Набор и верстка выполнены на компьютерной технике Республиканского унитарного предприятия «Издательство «Беларусь». Подписано в печать с оригинал-макета 25.10.2002. Формат 60×100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург». Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,89. Уч.-изд. л. 13,23. Тираж 3000 экз. Зак. 4452

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Беларусь» Министерства информации Республики Беларусь. Лицензия ЛВ № 2 от 17.01.2001. 220004, Минск, проспект Машерова, 11

Республиканское УП «Полиграфкомбинат им. я. Коласа». 220600, Минск, Красная, 23

МИНСК
«БЕЛАРУСЬ»

ISBN 985-07-0418-7